

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

НАЗАРОВА МУНИРА ОРТУКАЛИЕВНА

**Грамматические категории имён существительных таджикского
языка и способы их передачи на французский язык
(на материале романа Дж. Икрами «Дочь огня»)**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

профессор **Мухторов Зайнидин Мухторович**

ДУШАНБЕ – 2023

ВВЕДЕНИЕ

Таджикский и французский языки относятся к общей индоевропейской семье языков и имеют в определённой степени идентичные исторические корни, которые до сих пор еще не были рассмотрены с точки зрения современной лингвистики. Наряду с этим между этими языками за такой долгий исторический период образовались достаточно значимые языковые отличия, выявление которых также характеризуется высокой степенью значимости для современной науки. В этой связи последовательное исследование таджикского и французского языков в сопоставительном аспекте предоставит уникальную возможность всестороннего анализа факторов, свидетельствующих об общности и различии двух языковых систем в их нынешнем статусе, что является важным научным достижением для отечественного языкознания. Более того, сегодня, когда Республика Таджикистан активно развивает международные связи, в том числе и с франкоговорящими странами, актуализируется проблема подготовки высококвалифицированных кадров, владеющих двумя языками (таджикским и французским) на высоком профессиональном уровне. Следовательно, сопоставительное и типологическое исследование этих языков занимает одно из ведущих мест не только в рамках общезыковедческих дисциплин, но и в плане успешной реализации внешней политики Республики Таджикистан.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью типологического исследования таджикского и французского языков, которое предполагает идентификацию функциональных особенностей системы этих языков и отдельных ее элементов. В качестве объекта анализа в заявленном научном ракурсе обозначены наиболее дискуссионные вопросы современного языкознания. В последние десятилетия наблюдаются попытки, направленные на разработку основ универсальной теории сопоставительного, сравнительно-исторического и типологического исследования языков. Сравнение на первый взгляд

идентичных языковых явлений в разных языках позволяет выявить их имплицитные свойства, а также определить специфику как в языковом, так и в речевом функциональных аспектах.

Основа сравнительно-исторического и типологического изучения языков, имеющих разносистемную структуру, представлена актуальными проблемами современного языкознания, одной из которых является анализ и интерпретация грамматических категорий разных языков. В этом плане исследование категорий имён существительных таджикского и французского языков представляет особое научное значение как для разработки общей категории имени существительного, так и для выявления общих, частично совпадающих и отличающихся признаков исследуемых языков.

В сопоставительной грамматике таджикского и французского языков с самого начала ее становления особое внимание уделялось исследованию вопросов лексического плана, хотя проблемное освещение грамматических аспектов названных языков в конструктивном контексте никогда не теряло своего значения.

В научно-теоретическом аспекте принципиально важными обозначены сопоставительно-типологические исследования категории числа, определённости и неопределённости имени существительного. Данный ракурс позволяет нам раскрыть общие для разных языков процессы, закономерности и систематизировать специфические для каждого из них явления. Ведь при реализации языковых признаков и свойств каждый из языков обнаруживает такие детали и оттенки, которые при их автономном изучении недоступны или труднодоступны непосредственному наблюдению.

Сопоставительный анализ категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного представляет собой большой интерес для изучения общих и отличительных признаков рассматриваемых языков. Заявленные подходы к изучению языковых единиц способствуют развитию как отдельно взятой методологической

базы научного направления, так и науки о языке в целом. В этой связи, перевод литературных произведений на разные языки мира по-прежнему остаётся актуальным, так как активизирует и популяризирует взаимоотношения межкультурного и межъязыкового характера. Следовательно, качество переводов находится в строгой корреляции со степенью развития межъязыковых связей и разработанностью научно-обоснованной процедуры перевода материалов с одного языка на другой.

Изыскания по проблемам сопоставительного анализа в таджикском и французском языкознании не отличаются высокой степенью разработанности грамматических особенностей, в частности рассматриваемый нами вопрос до сих пор не подвергался специальному изучению.

Такое сравнение на стыке исследований типологических особенностей языков является важным научным направлением и характеризуется повышенным интересом ученых к анализу и интерпретации грамматических единиц в системе исследования сопоставляемых языков.

Научные разработки в области сопоставительного, типологического и сравнительно-исторического языкознания настолько взаимосвязаны, что без обращения к переводу успешное проведение полноценных исследований в области типологии, компаративистики и сопоставительной лингвистики считается практически невозможным.

Проблема сопоставления языков на материале переводческой литературы занимает центральное место в современной лингвистической науке, где контрадикторным также представляется вопрос отражения языком своеобразных понятий в области культуры, быта и социальной среды отдельно взятого сообщества, этноса.

Поэтому многие ученые-лингвисты и специалисты по теории перевода и сопоставительного языкознания проводят свои исследования в рамках так называемого системного подхода, в котором данные

вопросы рассматриваются как с учетом результатов сопоставительного анализа, так и с учетом концепций и постулатов теории перевода.

Исходя из вышеприведенных фактов, **актуальность избранной темы** может быть представлена следующими положениями:

1. Исследование имени существительного и его категорий таджикского и французского языков в сравнительно-историческом и типологическом аспекте впервые вводится в спектр научного внимания.

2. Сегодня степень активности языковых контактов французского и таджикского языков не вызывает сомнений. Появились реальные возможности для культурно-образовательного взаимодействия Таджикистана с франкоговорящим миром, и с присутствием и функционированием множества международных политических, экономических и общественных институтов в республике данный вопрос приобретает особую актуальность.

3. Вопросы изучения имени существительного и его категорий продолжают сохранять свой проблемный статус. Развивая традиционные мнения о важности сохранения различных аспектов категории числа, неопределенности и определенности при анализе и сопоставлении, ученые указывают на аспекты, которые описывают данный процесс с какой-либо актуальной точки зрения.

4. Категории числа, категории определенности и неопределенности имени существительного как важнейшие лингвистические явления всегда находятся в зоне максимального интереса научного сообщества.

Современный подход к сопоставительному изучению и решению важнейших вопросов академической и практической грамматики приобретает особую актуальность в современных условиях, когда носители французского и таджикского языков имеют возможность непосредственного общения в различных социальных отраслях социальной жизни и профессиональной деятельности.

Степень научной разработанности темы. Проблемы сопоставительного, сравнительно-исторического и типологического

языкознания на материале родственных языков с давних пор привлекают внимание многих ученых, а также ведущих лингвистических школ и направлений. Так, например, Женевская школа (Балли, Сешэ, Фрей) разрабатывала и развивала идеи Ф. де Соссюра. Труд Ш. Балли «Linguistique générale et linguistique française» (1932) считается уникальным изданием, поскольку является первым опытом описания французского языка в сопоставительном аспекте, где языком для сравнения послужил немецкий.

Психологический сегмент исследований подобного типа нашел своё отражение в работах Ж. Дамурета и Е. Пенсона [167]. В трудах вышеназванных ученых проводится наиболее подробное описание грамматики французского языка.

Психосистематическая, менталистическая по своей сущности, концепция языка, была разработана Г. Гийомом (*Le problème de l'article et sa solution dans la langue française* (1919); *Temps et verbe* (1929)). Представителями школы Гийома являются такие ученые, как Р. Вален (Канада), Ж. Муанье, Ж. Стефанини. В 60–е гг. XX в. во Франции распространяются идеи асемантического структурализма, которые отражены в грамматике Дюбуа [172]. Контент первого тома книги основан на дистрибутивном анализе, другие – на трансформационном.

Функциональное направление представлено трудами Мартине и его последователей, которые под функциональным подходом подразумевают не только тщательный анализ функций грамматических форм, но и изучение их роли в коммуникации.

Первые попытки проанализировать процесс образования множественного числа существительных в современном таджикском литературном языке встречаются в морфологии и синтаксисе таджикского языка. Другим фундаментальным трудом в этой области можно считать «Грамматические правила множественного числа» под авторством С. Ализода. Позже в этом направлении работали отечественные и зарубежные лингвисты и востоковеды, такие как Б.

Ниязмухаммедов, С. Халимов, Х. Хусейнов, Ш. Сияев, Н. Маъсуми, О. Джалолова, Ш. Рустамов и другие. В современном таджикском языке категория числа в разных частях речи рассмотрена отечественным учёным О. Джалоловым в труде «Категорияи ҷамъ ва баъзе масъалаҳои забони ҳозираи тоҷик» (Категория множественного числа и некоторые вопросы современного таджикского языка), а также Ш. Рустамовым в книге «Исм» (Имя существительное) [109]

Вопросы образования множественного числа имён существительных таджикского языка всегда привлекали внимание учёных-диалектологов. В частности, И. И. Зарубин исследовал диалекты Самарканда, Р.Л. Неменова – говор Куляба, А.З. Розенфельд – говоры Каратага.

Типологический аспект французского и русского языков рассматривали В. Г. Гак, Л.И. Илия. Тематика образования множественного числа во французском языке была затронута в трудах таких известных французских филологов, как Martin Riegel (Мартен Риежел), Jean-Christophe Pellat (Жан-Кристоф Пела), René Rioul (Рене Риул) и другие.

Языковед Ш. Рустамов в книге «Исм» (Существительное), рассматривая грамматические категории имени существительного, одновременно изучает вопросы категорий имени числительного. Ученый предоставляет обширные сведения о суффиксах таджикского и арабского языков, подчеркивая, что грамматическая функция собирательного суффикса зависит от словарно-грамматических видов существительного.

В 1954 году известный исследователь Шавкат Ниёзи опубликовал монографию на тему «Существительное и прилагательное в таджикском языке», в рамках которой подробно описаны функциональные особенности этих частей речи. Автор предлагает свою оригинальную трактовку относительно роли артикля «-е» в выражении неопределенности существительного.

В. С. Расторгуева, А.Л. Хромов, Ш. Ниёзи, Р. Гаффаров считают артикль суффиксальным показателем, но Ю.А. Рубинчик, И.К. Овчинникова, Р.Л. Неменова – грамматическим показателем.

Таджикский лингвист Ш. Рустамов отмечает наличие двух артиклей в таджикском языке, о чем говорится и в «Грамматике современного таджикского литературного языка» [111].

Следует отметить, что артикль «-е» до сих пор является предметом споров между исследователями, поскольку некоторые считают его суффиксом. Однако относительно факта, что «-е» выражает категорию неопределенности особых дискуссий в научных кругах не наблюдаются.

В статье Ф. Х. Шариповой подробно проанализированы грамматические особенности артикля «-е» и его языковые функции на основе языковых материалов различного стиля и проведена научно-обоснованная классификация данной грамматической единицы, которая, как отмечает автор статьи, в персидском письме ع имеет 17 дифференциаций [149]. Ходжа Хасани Нисори в своей книге «Чаҳор гулзор» (Четыре цветника) выделяет 18 видов буквы -е(ع), которая, находясь в конце слова, выполняет функцию артикля неопределенности и приобретает другие грамматические значения [См.: 138].

Известный лингвист Ш. Балли подчеркнул роль детерминативов как актуализаторов существительного, благодаря которым виртуальное понятие переносится в фактическую речь [15]. Резюмируя, можно отметить, что исследования в области сопоставительного языкознания, которые были проведены отечественными и зарубежными учеными, демонстрируют приоритетность подобного рода изысканий для современной лингвистики. Однако, несмотря на большое количество работ в этом направлении, многие аспекты до сих пор остаются неизученными ввиду разноплановости самого предмета исследования.

По поводу типологического сравнения таджикского и французского языков можно отметить также статьи молодого учёного Р.Ш. Олимова «Выражение категории определенности с помощью

послелого «-ро»». В данной статье автор отмечает что «Подобно французскому определенному артиклю множественного числа *les*, в таджикском языке артиклоид *-ро* также может выражать множество определенных предметов, конструкция которых в данном случае выглядит как *-ҳо+-ро* (китобҳоро)» [96].

Цель настоящего диссертационного исследования заключается в проведении комплексного анализа категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного в таджикском языке в сопоставлении с французским на основе романа Дж. Икрами «Дочь огня», а также в выявлении и классификации общих и отличительных особенностей данных грамматических категорий исследуемых языков. Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

1) определить основные теоретические основы категории числа, определённости и неопределённости имени существительного, выявить их главные особенности;

2) конкретизировать функциональные характеристики категории числа, определённости и неопределённости имени существительного в сопоставляемых языках;

3) охарактеризовать тематические группы и разряды категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного в таджикском и французском языках;

4) выявить идентичные и дифференциальные признаки категории числа, определённости и неопределённости имени существительного в сопоставляемых языках;

5) установить наиболее эффективные способы достижения адекватности при передаче категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного с таджикского на французский язык на материале художественной литературы;

6) провести классификацию грамматических категорий имен существительных в современном таджикском литературном языке и их аналогов во французском.

Научная новизна. Настоящая диссертационная работа является первым в своём роде научным исследованием, в котором предпринимается попытка рассмотреть категории числа, определённости и неопределённости имени существительного в рамках сопоставительного анализа таджикского и французского языков. На основании проведенного сравнения автор пытается (на конкретных примерах) конкретизировать пути адекватной передачи категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного в таджикском и французском языках. В работе уделяется особое внимание изучению вышепредставленных категорий, в образовании которых свои функциональные особенности проявляют артикли и суффиксы таджикского и французского языков. Осмыслению подвергаются основные значения категории числа, неопределённости определённости имени существительного в таджикском и французском языках. В сопоставительном плане выявляются и исследуются общие значения грамматических явлений в рассматриваемых языках. Впервые в отечественном языкознании объектом сопоставительного исследования и описания становятся категории числа, определённости неопределённости имени существительного таджикского и французского языков.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она призвана положить основу для дальнейшего изучения и осмысления сущности исследований в сопоставительном ракурсе. Результаты настоящей работы могут быть использованы при разработке теоретических аспектов сопоставительной грамматики таджикского и французского языков. Выявленные в ходе анализа расхождения в формальных и семантических системах сопоставляемых языков могут стать уникальной теоретической базой для решения многих актуальных вопросов современного языкознания, в частности в сфере сравнительно-исторического и типологического языкознания.

Практическую ценность работы представляют перспективы использования полученных результатов практике преподавания

таджикского и французского языков, в которой вопрос понимания и передачи категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного до сих пор остаётся нерешенным. Также представляется возможность применения собранного материала при разработке и проведении лекционных и семинарских занятий по сопоставительному языкознанию. Практический материал диссертации может стать лингвистической ресурсной основой при осуществлении устного и письменного переводов в рамках сопоставляемых языков; составлении учебных пособий, словарей, а также специальных курсов по культуре речевого общения.

Методологию исследования составляют исследования отечественных и зарубежных учёных-языковедов, посвященные изучению категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного. Решению поставленных в работе задач в наибольшей степени отвечают, как нам представляется, методы сравнительного и сопоставительного языкознания. Среди них особое внимание уделяется методам наблюдения, сравнительно-историческому анализу таджикского и французского языков с учетом категорией числа, определённости и неопределённости имени существительного, их структурному и функциональному анализу, семантической характеристике, приёмам субституции. Каждый из них привлекался, прежде всего, в рамках грамматического исследования.

В работе были также применены приёмы лингвистического анализа предложений с целью наиболее полного раскрытия функционального аспекта категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного в таджикском языке для эффективного сравнения его с французским и выявления способов их адекватной передачи в рассматриваемых языках.

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы зарубежных (Martin Riegel (Мартен Рижел), Jean-Christophe Pellat (Жан-Кристоф Пелла), René Rioul (Рене Риул), J. Damourette (Ж. Дамуретт), E.

Pinchon (Е. Пеншон), Jean Dubois (Жан Дюбуа), R. L. Wagner (Р.Л. Вагнер), L. Tesnière (Л. Теньер) и другие), русских и советских языковедов (В. Г. Гак, Л. И. Илия, Н. А. Шигаревская, Г. В. Степанов, Ю. А. Рубинчик, В. С. Расторгуева и другие), а также отечественных учёных (С. Ализода, Ш. Ниязи, Б. Ниязмухаммедов, Ш. Рустамов, С. Халимов, Х. Хусейнов, Ш. Сияев, Н. Маъсуми, О. Джалолова, Б. Камолетдинов, З. Л. Муравьева, В. С. Расторгуева, А. Л. Хромов).

Объектом исследования диссертации являются категории числа, неопределённости и определённости имени существительного в таджикском и французском языках. Понятия числа, неопределённости и определённости языковых единиц и их функциональные особенности составляют **предмет** настоящего исследования, что обусловлено необходимостью адаптации системного подхода к решению сформулированных целей и задач.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Категории числа, определённости и неопределённости имени существительного как грамматические явления в межъязыковой коммуникации характеризуются высокой степенью актуальности и требуют к себе своеобразного научно-обоснованного подхода в условиях развития языковых контактов.

2. Категории числа, определённости и неопределённости имени существительного – понятие сугубо грамматическое и его сравнительный анализ в рамках двух языков обладает высоким научным потенциалом.

3. Французский язык обладает широким кругом показателей категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного, соответственно, эти вопросы нуждаются в последовательном, систематическом изучении в рамках сравнительно-исторического и типологического языкознания, а также теории и практики перевода.

4. Категории неопределённости и определённости имен существительных в таджикском и во французском языках имеют

определенные сходства, как в значении единичности, так и неопределенности и наряду с этим отличие заключается в том, что во французском языке категория рода как мужской род и женский род занимает место одного из ведущих грамматических явлений, тогда в таджикском языке грамматическая категория рода имен существительных вообще отсутствует.

Исследование категории числа, определённости и неопределённости таджикского и французского языков представлено в анализе и интерпретации грамматических единиц, выявленных в качестве разрядов категории числа, определённости и неопределённости на материале исследуемых языков.

Материал исследования. В качестве основного материала исследования выступают таджикские, русские и французские литературные источники (печатные и электронные), произведения французских и таджикских писателей XX столетия, а также их переводы. Основным языковым материалом анализа и интерпретации темы исследования выступают примеры из текста романа Джалол Икрами «Духтари оташ» (1983) и переводы данного произведения на русском (Дочь огня, 1964) и французском (La fille du feu, 1966) языках, а также «Vol de nuit» (Ночной полёт) французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери и его перевод на таджикском языке (Парвози шабона, 2006).

Апробация работы. Основное содержание диссертационного исследования отражено в 10 публикациях, изданных в журналах, входящих в перечень ВАК Российской Федерации. Автор принимала непосредственное личное участие в разработке положений диссертационного исследования. Отдельные положения и выводы настоящего научного труда были представлены в виде докладов, тезисов на конференциях разного уровня (вузовские, межвузовские, республиканские, региональные, международные) за период 2015-2018 гг. в частности, на традиционных научных и научно-практических конференциях ученых Таджикского национального университета.

Объём и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, разделённых на параграфы, заключения, списка литературы и источников практических примеров.

Во введении даётся обоснование актуальности выбранной темы, конкретизируются предмет, цель и задачи исследования, научная новизна; доказываемая теоретическая значимость и практическая ценность работы; представляются основные положения, выносимые на защиту; определяются материал и методы исследования.

В главе I - «Структурный анализ категории числа имени существительного в таджикском и французском языках», была предпринята попытка идентифицировать общие и отличительные особенности категории числа имен существительных таджикского и французского языков на материале произведений таджикского писателя Джалола Икрами и их переводных вариантов, прежде всего, романа «Дочь огня».

В главе II - «Семантический анализ категории определенности/неопределенности имени существительного в таджикском и французском языках», рассмотрены средства выражения категории неопределенности и определенности существительного в таджикском и французском языках.

В заключении обобщены итоги проведенного исследования.

ГЛАВА I. СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ТАДЖИКСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Общеизвестно, что основной грамматической категорией имен существительных во многих языках индоевропейской семьи, в том числе и в таджикском языке является категория числа.

Число, исчисление и грамматическая категория имени существительного образуют сложную систему, играющую чрезвычайно важную роль в языке речи. Это обусловлено, с одной стороны денотатной относительностью имени и, с другой, необходимостью обозначения синтаксических связей между словами в предложении. Решение собственно проблемы грамматической категории числа подвигает в работе уточнение ряда вопросов теории частей речи и частеречных характеристик существительного, в результате чего формируется теоритическая позиция автора, на которой строится исследование [100, 7].

Во французском и русском языках именам существительным, кроме категории рода, присуща также грамматическая категория числа. В обоих языках эта категория выражает общие числовые отношения между предметами или явлениями [36, 188].

Морфологическая категория числа существительных – это словоизменительная категория, выражающаяся в системе двух противопоставленных рядов форм - единственного и множественного числа. Любая форма существительного обязательно относится к единственному или множественному числу. Морфологические значения единственного и множественного числа отражают внеязыковые различия единичности и неединичности называемых существительными предметов [108].

Так, и в таджикском языке эта категория занимает такое положение, то есть выражает общие числовые отношения между

предметами или явлениями. Она обозначает единичность или множественность данных предметов или явлений — единственное или множественное число слов, поддающихся счету. И только в некоторых случаях признак числа основан не на реальных, количественных соотношениях, а на формально-грамматической структуре слова. В связи с этим её исследование в сравнительно-историческом и типологическом аспектах представляет особую академическую значимость. Заявленные подходы к изучению языковых единиц способствуют развитию как отдельно взятой методологической базы научного направления, так и науки о языке в целом. Ввиду этого, перевод литературных произведений на разные языки мира по-прежнему сохраняет актуальность, так как активизирует и популяризирует взаимоотношения межкультурного и межъязыкового характера. Следовательно, качество переводов находится в строгой корреляции со степенью развития межъязыковых связей и разработанностью научно-обоснованной процедуры перевода материалов с одного языка на другой.

В данной главе диссертационной работы нами была предпринята попытка идентифицировать общие и отличительные особенности категории числа имен существительных таджикского и французского языков на материале произведений таджикского писателя Джалола Икрами и их переводных вариантов, прежде всего, романа «Дочь огня». Вопрос будет рассмотрен в рамках сравнительно-исторического и типологического анализа.

В таджикском и французском языкознании относительно тематики грамматической категории числа издано огромное количество литературы под авторством отечественных и зарубежных ученых.

Первые попытки проанализировать процесс образования множественного числа существительных встречаются в исследованиях в области морфологии и синтаксиса таджикского языка. Фундаментальным трудом в этой области можно считать «Грамматические правила множественного числа» под авторством С.

Ализода. Ученый, в частности, отмечает, что существительные множественного числа, которые являются нарицательными именами существительными в большинстве случаев приобретают степень обобщения посредством суффикса «-он» и сравнительно реже обобщаются при помощи суффикса «-ҳо», как, например «одамон» (люди), «шерон» (львы), «кирмҳо» (черви) [7, 20].

Суффикс «-ҳо», которое в IX – XII вв. относился к множественному числу неодушевлённых предметов и в дальнейшем использовался также для обозначения множественного числа одушевлённых предметов. Поэтому по принципу аналогии в современном языке суффикс «-ҳо» также употребляется для образования множественного числа одушевлённых предметов [51,27].

Во время проведения данного исследования мы обнаружили, что действительно в приведенных примерах суффикс «-ҳо» использован больше чем суффикс «-он».

Можно также отметить факт наличия арабской этимологии некоторых суффиксов (-от, -ёт) в таджикском языке. В дореволюционной литературы арабские слова с суффиксом «-от» встречаются чаще: ҳикоя – ҳикоёт (рассказ – рассказы), баракат – баракот (изобилие – изобилия), харҷ – харҷот (затрата - затраты). Сегодня суффикс «-от» как морфема обозначающее множественного числа в языке, используется редко, немного изменив свои функции: ҳайвонот (животные), хаёлот (мысли), наботот (растения), маҳсулот (продукты). Некоторые таджикские слова с помощью суффикса «-от» и последованием за другими словами с суффиксом «-от» («-вот», «-ҷот») образовали множественное число: супоришот (задания), пандиёт (наставления), фармоишот (заказы), сабзавот (овощи), навиштаҷот (надписи) [141, 29].

Р. Гафоров в своей книге «Язык и стиль Рахима Джалиля» отмечает, что существительные группы «мавҷудот» (существа), «ҳайвонот» (животные), которые образованы на основе правила множественного

числа, в современном языке используются в собирательном значении: хаёлот (мыслы), аҷоибот (чудеса), таърифот (хвалы), ҳосилот (урожай), тафсилот (подробности) [42,113].

В этом направлении также работали отечественные языковеды и востоковеды, такие как Б. Ниязмухаммедов, С. Халимов, Х. Хусейнов, Ш. Сияев, Н. Маъсуми, О. Джалолова и другие. В современном таджикском языке категория числа в разных частях речи рассмотрена таджикским учёным О. Джалоловым в труде «Категорияи ҷамъ ва баъзе масъалаҳои забони ҳозираи тоҷик» (Категория множественного числа и некоторые вопросы современного таджикского языка). В данной работе языковед высказывает свою позицию относительно функциональных особенностей частей речи и их соответствия главным членам предложения. Исследователь анализирует такие важные вопросы, как выражение категории числа имени существительного, задачи суффиксов формообразования –он (–гон, –вон, –ён) в современном таджикском языке и другие свойства этих грамматических элементов. В частности, грамматическую функцию названных суффиксов он характеризует следующим образом: «В современном таджикском языке суффиксы «-он» («-гон», «-вон», «-ён»), в основном, участвуют в образовании новых лексем из числа одушевлённых и неодушевлённых имен существительных и наряду с этим являются средством словообразования таких частей речи, как имена прилагательные, наречия, местоимения» [51, 6].

Вопросы образования множественного числа имён существительных таджикского языка всегда привлекали внимание таких учёных-диалектологов, как Зарубин И. И. «Очерк разговорного языка Самаркандских евреев», «Опыт характеристики» [51,181], Неменова Р.Л. «Кулябские говоры таджикского языка (северная группа)» [Сталинабад, 1956, 190 с.80.], Розенфельд А.З. «Говоры Каротегина» [104, 122].

Эти ученые проявляли особый интерес к грамматическо-функциональному аспекту процесса образования множественного числа и таким его языковым элементам, как суффиксы «-ҳо», «-он», которые

выступают полноправными средствами формообразования. В качестве примеров применения названных суффиксов приводится большой объем фактического материала из различных источников классического и диалектологического характера. Однако полностью поддержать данную позицию мы не намерены. Так, стоит отметить, что эти два суффикса не всегда, а, наоборот, лишь иногда могут адекватно заменить друг друга без каких-либо «рисков» в фонетическом, грамматическом и сематическом планах: духтарон – духтарҳо (девочки), гӯсфандон – гӯсфандҳо (овцы). Однако использование суффикса «-он» на порядок осложняет произношение лексемы шабҳо (вечера).

В диалектах таджикского языка категория множественного числа имеет некоторые особенности. Диалекты таджикского языка ещё полностью не изучены, но существующие материалы дают нам возможность, что бы останавливаться на особенности диалектов категории множественного числа. Например, в диалектах Чуст, Ашт, Косон, если слова, обозначающие предметы заканчиваются согласными звуками, как «санг (камень), одам (человек), зан (женщина), духтар (девушка)» то принимают суффикс «-о»: санго (камни), одамо (люди), зано (женщины), духтаро (девушки) и т.д. [51, 29].

Типологический аспект французского и русского языков рассматривали Гак В. Г., Илия Л. И. Тематика образования множественного числа во французском языке рассматривалась в трудах таких известных французских филологов, как Martin Riegel (Мартен Режел), Jean–Christophe Pellat (Жан-Кристоф Пелла), F. Bruno (Ф. Брюно), René Rioul (Рене Риул) и другие.

Во французском языке категория числа представляет большую специфику как в отношении способов ее выражения, так и в отношении ее содержательной стороны. В формальном аспекте прежде всего бросается в глаза ее нерегулярное выражение, особенно в устной речи, так что число существительного очень часто опознается не по

морфологическим признакам, но по синтаксическим (служебные слова, согласование) [35, 79].

Напомним, что независимо от контекста множественное число существительных образуется, как правило, посредством прибавления к слову окончания *-s* в случае если сама лексема не заканчивается на *-s*, *-x* или *-z*. *mur – murs; gant – gants; pie – pies; apotre – apotres, mais un permis – des permis; un prix – des prix; un – des nez.*

Показателем множественного числа в гало- и иберо-романских языках стала морфема **S** для всех существительных. Однако в современном французском, после замолкания конечного **S**, оппозиция «ед. ч. / мн. ч.» передается чередованием гласных или изменением фонетической формы детерминативов. [8, 82].

Безусловно, в грамматических справочниках описываются все нюансы данной категории французского языка, а в рамках настоящего исследования будет предпринята попытка проанализировать их в сопоставительном аспекте на базе обширного фактического материала.

Помимо классических изданий, имеющих узкоспециализированную направленность, следует отметить и учебно-методическую литературу.

Так, в учебниках высших и средних школ, в том числе и под авторством известных ученых, наравне с другими грамматическими единицами особое внимание уделяется категории числа имен существительных.

Языковед Ш. Рустамов в своей книге «Исм» («Имя существительное»), рассматривая грамматические категории имени существительного, одновременно обращается к вопросам категории имени числительного. Ученый предоставляет широкий спектр сведений о суффиксах таджикского и арабского языков, подчеркивая, что грамматическая функция собирательного суффикса зависит от словарно-грамматических видов существительного.

«В таджикском языке грамматическим признаком множественного числа существительного считаются собирательные суффиксы «-ҳо» и «-

он». Но способы арабского словообразования, которые в таджикский язык вошли посредством словарной структуры арабского языка, сохранили свою грамматическую сущность в «невредимой» и «несломанной» множественных формах. Формы и их смысл требуют определенного положения в таджикском языке», – отмечает Ш. Рустамов [110, 63–64].

Французское сопоставительное языкознание стало предметом научного интереса таких учёных, как Э. Пишон, Ж. Дамурет и другими (*De mot à la pensée. От слова к мышлению*). Адекватное применение их разработок относительно категории числительного в таджикском и французском языках не представляется возможным. Более того, по данной теме не было проведено ни одного сопоставительного (сравнительного) анализа.

Так например, Е. В. Поликарпова в своей диссертации «Число, исчисление и грамматическая категория числа в английском и французском языках» сопоставляя английских и французских числительных отмечает: «Во французской грамматике выделяют три вида артикля: определенный, неопределенный и партитивный. Некоторые грамматисты признают так называемую нулевую форму - нулевой артикль. Неопределенный английский артикль *a (an)* противопоставляется определенному артиклю *the* в отношении выделенности или невыделенности предмета. Но эта оппозиция касается только единственного числа. Неопределенный артикль не совместим с множественным числом английских существительных. Выделенность или невыделенность нескольких предметов из всего множества обозначается только определенным артиклем *the*» [99, 184]

Однако нами было рассмотрен ряд работ по вопросам сравнения категории числительного в русском и таджикском языках.

Данное исследование проводится на материале произведения таджикского писателя Джалола Икрами «Дочь огня», которое был переведен на французский язык с русского языка. Данный факт

обусловил наличие определенного количества разного рода упущений в переводном варианте. В рамках настоящей диссертации особый научный интерес представляют упущения грамматического характера.

В таджикском языке имена существительные сочетаются и активно используются с формообразующими суффиксами «-он» (и его вариантами «-гон», «-вон», «-ён») и арабскими собирательными суффиксами «-от», «-ёт».

Таджикский языковед Б. Камолетдинов относительно вопроса образования множественного числа отмечает, «что способ словообразования в разговорном и книжном стилях не идентичен, что обусловлено несколькими факторами: во-первых, заимствованный с арабского языка и употребляемый, в основном, в отношении арабских слов данный способ чаще апробируется в литературном языке и служит в качестве единого элемента лексики и грамматики; во-вторых, при выражении множественного числа одушевленных существительных употребляется суффикс «-он» (варианты: «-гон», «-ён», «-вон»), а для образования множественного числа неодушевленных предметов в большинстве случаев употребляется суффикс «-ҳо», который, наряду с этим, сравнительно чаще используется в обозначении множественного числа как одушевленных, так и неодушевленных объектов» [55, 62-63].

Таким образом, с опорой на академические специализированные источники, мы представляем следующую классификацию суффиксов с их рассмотрением в соответствующих разделах в контексте сравнения и сопоставления с их аналогами во французском языке:

1. Обозначение категории множественного числа при помощи суффикса «-ҳо»
2. Обозначение категории множественного числа при помощи суффикса «-он» («-гон», «-вон», «-ён»).

Кроме суффиксов «-ҳо», «-он» («-гон», «-вон», «-ён») которые обозначают множественного числа существительных, в романе «Дочь огня» используется суффикс «-ино».

Суффикс «-ино» являясь стилем разговорной речи, также относится к литературному языку. Сфера употребления суффикс «-ино» довольно ограничено и в основном используется с именами людей и термины родства: Сафарино (Сафаровы), акомино (братьями), холамино (тёты) и др. [112, 14]

О суффиксе «-ино» языковеды Б. Ниязмухаммедов и Л. Бузургзода высказывают что «Суффикс «-ино» употребляется для обозначение уважение единственное лицо, а также показывая множественного числа (бисёрӣ - множественность) которые обозначают сотрудничества, объединения» [89,16].

В грамматике современного таджикского литературного языка говорится: «В литературный язык входит суффикс «-ино» из разговорного языка, которое по использованию и употреблению грамматических значений имеет особенное положение. Это суффикс употребляясь с собственной и нарицательной существительных обозначает родство (Қобилино, Зафарино, холамино, тағомино) [44,104].

1.1. Функциональная характеристика суффикса «-ҳо» таджикского языка

В современном таджикском языке суффикс «-ҳо» под влиянием разговорной речи получил универсальность, оно широко используется с одушевлёнными и не одушевлёнными существительными. Более того в современном таджикском языке неологизмы во множественном числе больше всего образуются суффиксом «-ҳо» [109, 68].

В таджикском языке суффикс «-ҳо» является широко употребляемым во всех языковых стилях с идентичной степенью частотности. Писатель Дж. Икрами использовал этот суффикс с различными группами существительных.

а) Имена существительные, которые выражают имена людей. Собирательные суффиксы, особенно «-ҳо», фигурируют в составе имен собственных: имена, фамилии отдельных лиц династий и семейств. В

романе «Дочь огня» этот суффикс является одним из функциональных компонентов имен и фамилий героев: *Абдуллобойхо ва Махдумхо*. Здесь суффикс «-хо» показывает не множественного числа самого существительного, а их подобие. Однако переведены они были некорректно, то есть, в соответствии с оригинальной версией романа, эти существительные во французском переводе должны были выражать подобных Абдуллабаев, однако существительное *Abdullo-bai* стоит в единственном числе, а существительное *Махдумхо* в переводном варианте было вовсе сокращено.

В следующем примере сложные существительные *Абдуллобойхо*, *Камолиддин Махдумхо* идентифицируют подобных людей с этой (в данном контексте негативной) характеристикой.

– *Ман бовар мекунам, ки шумо аз ин амали бадатон тавба кардед ва дигар ба фиреби Абдуллобойхо намедаоед?* – *гуфт Ҳайдаркул...*[214, 462].

– *Ну что же, брат мой, я верю, что ты раскаялся в своих злых намерениях и не поддашься больше на обман всяких Абдуллобаев*, – *сказал Хайдаркул* [213, 435].

– *Allons mon frère, je suis sûr que tu t'es repenti et que tu n'aideras plus Abdoulo–bai, dit Khaïdarkoul.* [216, 554].

– *Аmmo, афсус, ки ҳоло Камолиддин Махдумхо аз лашии андак ба рӯи об баромаду агар лашии зӯр шуда, ба тӯғёни пуришӯре мубадал гардад...*[214, 455].

– *Но стоит волнению усилиться и превратиться в бурю, камоледдины или погибнут, или спрячутся в кусты, чтобы спокойно ее переждать и вновь опуститься на дно* [213, 428].

– *Mais lorsque l'agitation augmente et se transforme en tempête, les Kamoleddine périssent ou bien se cachent afin d'attendre tranquillement....* [216, 544].

В следующих примерах использовались существительные, выражающие имена собственные (имена и фамилии) – Назарбойхо,

Романовҳо. По поводу образования множественного числа таких существительных языковед Шарофиддин Рустамов придерживается следующей позиции: «Действительно, в изложенных существительных наблюдается смысл общности, коллективности, но обобщающие существительные не имеют специальную морфему, что также считается оттенком множественного числа».

– *Афсус, ки Назарбои аспчаллоби қиморбоз якто дуто не, набошад кор осон буд. Назарбойҳо одам доранд, муттако доранд, ҳукм доранд* [214, 254 – 255].

– *Увы, таких Назарбаев много! И у каждого из них свои люди, покровители и опора* [213, 251].

– *Hélas, les Nazarbaï sont nombreux! Et chacun a un protecteur et un soutien, des hommes qui leur sont dévoués* [216, 325].

Тоҷу тахти Романовҳо ба ларза омадааст [214, 476– 477].

Трон Романовых дрожит ... [213, 445].

Le trône des Romanov vacille... [216, 563].

Перевод имен существительных, обозначающих имена собственные (Назарбойҳо и Романовҳо), на французский язык осуществляется не при помощи собирательного суффикса «-s», а наоборот, только посредством определенного артикля во множественном числе для обоих родов *les*, и таким образом, представлен неопределенным артиклем множественного числа для обоих родов. Например, в таджикском языке вместо суффикса «-ҳо» с нарицательными именами существительными – именами и фамилиями – также используется суффикс «-ино». В этом случае, как полагает Ш. Рустамов, «Сравнение существительных собирательных, обобщающих и существительных, имеющих суффикс «-ино», подтверждает номинацию этого суффикса (суффикс действительно является элементом, образующим множественного числа предмета) и релевантную позицию (находится в составе ряда имён собственных): хонаи Акбаровҳо и хонаи Акбарино (дом Акбаровых) [109, 75].

При выражении смысла общности в именах существительных используется способ семантического образования множественного числа. Обобщающие имена существительные по форме, как правило, представлены в единственном числе, однако встречаются и такие единицы, в составе которых зафиксирован суффикс «-ҳо». Суффикс «-ино» – (также элемент, придающий предмету множественность числа) полностью отвергает присутствие в слове каких-либо других суффиксов образования множественного числа, и в разговоре он часто используется как грамматический синоним суффикса «-ҳо» [110, 75]. Мы поддерживаем эту точку зрения ученого, обосновав свою позицию соответствующими фактическими примерами. Следует отметить, что данная форма образования множественного числа часто используется в разговорной речи.

Этимологическая интерпретация суффикса «-ино» демонстрирует вероятность того, что данный конструкт является слитной формой указательного местоимения «ин» и суффикса множественного числа «-ҳо», которые образовали общую форму «-инҳо» и, примыкаясь к концу существительных, придает им понятие собственности и принадлежности.

По поводу суффикса «-ино» Б. Ниязмухаммедов в своей книге «Некоторые вопросы современного таджикского литературного языка» отмечает что «Другой источник развития таджикского национального языка является таджикский живой язык (диалекты, говоры)».

Суффикс «-ино» из живого языка вошёл в норму современного таджикского языка и выполняет следующие функции:

1. Образует множественного числа (ба хонаи Зебонисоино равам мегӯяд... – пойду к Зебонисо домой, говорит);
2. Для выражения название (имя) и уважение в отношении к человеку (акотино ба бозор рафтанд – твои братья пошли на базар) [18, 93].

*Фирӯза медонист, ки дар Когон ва дар Зирабод **Ҳайдарқулино** ким-чӣ тавр як чамбияте доранд, вале аз қору бори он, аз чамъ шудан ва маҷлисҳои он беҳабар буд [214, 467].*

*Верно, **Хайдаркул** все время ездит в Каган и Зирабад, там собираются какие-то люди [213, 439].*

*Certes, **Khaïdarkoul** se rendait très souvent à Kogan et à Zirabad où avaient lieu certaines reunions [216, 559].*

*Ин хабарро зуд ба Когон, ба **Ҳайдарқулино** расонидан лозим [214,468].*

*Надо срочно сообщить обо всем **Хайдаркулу** [213,439].*

*Elle devait avertir **Khaïdarkoul** au plus vite [216, 559].*

*Ҳавлии **Ҳоҷаӯбониҳо** дар гузари Хуҷаӯбониҳо буд, ки он дар тарафи гузари Собунгарони Бухоро воқеъ гаишта... [214, 238].*

*Дом **Ходжаубони** находился в квартале, носящем его имя [213, 235].*

*La maison de **Khodja–Ouboni** se trouvait dans le quartier qui portait son nom...[216, 304].*

В приведенных примерах существительные *Ҳайдарқулино* и *Ҳоҷаӯбониҳо* являются именами собственными, в составе которых могут использоваться и суффикс –ино, и его аналог «-ҳо». Но на французский язык названные существительные были переведены как имена собственные:

Способ образования		Книжный перевод	
Таджикский	Французский	Таджикский	Французский
–ҳо	<i>des</i>	Романовҳо	<i>des Romanov</i>
–он	<i>les</i>	Назарбойҳо	<i>les Nazarbaï</i>
–ино	–s	<i>Хуҷаӯбониҳо</i>	<i>Khodja - Ouboni</i>

В современном таджикском языке существуют такие формы как «Раҳимино», «холамино» и др., которые указывают на множественное число. Данный стиль выражения множественного числа является одним из специфических форм обозначения множественной категории в

современном таджикском языке и употребляется как в литературном языке, так и в разговорной речи, особенно северных говоров. В классическом литературном языке данная форма не встречается. В этом случае в конце имен собственных и имен нарицательных, которые обозначают человека, прибавляется суффикс «-ино» и его вариант (-йино) [51, 35].

Анализ примеров показал, что множественное число имён и фамилий на французском языке может быть представлено без суффикса «-s», в то время как он используется в составе определенных и неопределенных артиклей французского языка.

С помощью суффикса «-ҳо» образуется множественное число всех существительных современного литературного языка: *шаҳрҳо, дарёҳо, одамҳо, кишварҳо, деҳаҳо, корҳо, ангуштҳо*.

Существительное обозначающее лицо и всякие живые существа образуют множественное число посредством суффикса «-ҳо»: *аминҳо, оқсаққолҳо (аксакалы), бойҳо (баев), хорпуштҳо (ёжи), юрмонҳо (суслики), морҳо (змеи), каждумҳо (скарпионы), чонварҳо (существа)* [141, 26].

– *Одамҳо мегӯянд, ки – гуфт табассум карда Амон, - гӯё поезд аз Шайхулолам метарсидааст ва ба рӯ ба рӯи хонақоҳи он кас расида, иҷозат хоста, аз наздаш мегузаштааст* [214,425 – 426].

– *Люди говорят, – засмеялся Амон, – будто бы поезд боится Шейхульалама и каждый раз извиняется, что проходит мимо его обители.* [213,404].

– *Les gens disent, fit Amon en riant, que le train a peur de Cheik – Oulialam et qu'il siffle chaque fois, pour s'excuser de passer si près!* [216, 512].

Пас Оймулло даст ба омин бардошт ва фотеха хонда буд, ки созандаҳо ба кор сар карданд [214, 30].

Оймулло Тамбур подняла руки, прочла молитву, сказала “аминь”, – и музыканты опять принялись за работу [213, 32].

Oïmoullou-Tanbour leva la main, dit une prière et les musiciennes, recommencèrent à jouer [216, 39].

Вышеприведенные примеры доказывают, что одушевлённые существительные как нарицательные имена целого ряда предметов при переводе с таджикского языка на французский передаются посредством определённых форм с учетом наличия возможных вариантов. Например, лексема *одамҳо* переводится как *les gens*, а лексема *созандаҳо* как *les musiciennes*. Специфическая особенность французского языка заключается в том, что лексема может быть переведена её прямым эквивалентом в рамках составной конструкции. Данная трансформация считается нормой соответствующей грамматическим особенностям французского языка.

Як қисми одамҳо ўро айёр, дӯстибоз ва бадахлоқ донанд, қисми дигарашон Муҳарами Фарҷро одами корчалон ва кордон, соҳиби кор ва марди майдон медонистанд [214, 446].

Некоторые считали ее нечестивой распутницей, предающейся запретным наслаждениям в объятиях своих подруг [213, 420].

Certaines personnes la jugeaient débouchée toute vouée aux plaisirs interdits. D'autres pensaient qu'elle était discrète, honnête... [216, 534].

В представленных предложениях также встречаются имена собственные. Важно определить, что лексическая единица *одамҳо* является существительным, слово *дигар* – местоимением, которое морфолого-синтаксистическим способом трансформировалось в существительное. Необходимо отметить, что французское слово *certaines* в таджикском языке может иметь значение «несколько человек», что свидетельствует о полисемии или многозначности отдельных лексических единиц французского языка.

Аммо инро одамҳо намедонанд, ҳама одамҳо нею одамҳои ҳарис ва ба пулу мол додашудагон инро донистан намехоҳанд [214,254].

Но есть среди **них** корыстные, жадные, для них все затмевает блеск денег, они ничего другого не видят и знать не хотят [213, 251].

Mais il y a parmi eux des entres avides qui sont aveuglés par l'éclat de l'or, ils ne voient pas les autres et ne veulent pas les connaître [216, 324].

– Ана ҳамин! – гуфт таънаомез Мушарафа дугонабозӣ накун, меҳмонгардӣ накун, бо **одамҳо** рафту омад накун, танҳо худат дар хонаи торик шишта умрата хазон кун! [214, 449].

– Ну вот, с приятельницами не водись, в гости не ходи, с **людьми** не встречайся, сиди всю жизнь одна дома [213, 424].

– *Je ne dois pas voir mes amies je ne peux aller chez personne, je n'ai la permission de rencontrer **personne**, je dois toujours rester à la maison* [216, 538].

Лексему «одамҳо» (люди) переводчик в первом примере представил словами *parmi eux, les autres, то есть «среди них», «другие»*. Во втором предложении имена людей переведены в значении неопределенного лица *personne*, (человек, личность), и выражены они не существительным *les gens*, а личными местоимениями «их», «они» и «другие». Местоимение *дигарон*, коррелируя с именем существительным, приобрело суффикс «-он».

Способ образования		Книжный перевод		Правильный перевод
Таджикский	Французский	Таджикский	Французский	
–ҳо	<i>des</i>	<i>Одамҳо</i>	<i>certain</i>	<i>gens</i>
	<i>les</i>		<i>personnes</i>	
–ҳо	–s	<i>Одамҳо</i>	<i>personne</i>	<i>gens</i>

Морфологический контент-анализ позволил выявить в произведении «Дочь огня» несколько существительных, выражающих лицо, которые, по сути, принадлежат к совершенно другой части речи. Подобная трансформация оказалась возможной благодаря морфологическому переходу лексической единицы.

Так, например, писатель неоднократно использовал слово «некоторый» (баъзе), которое, являясь неопределенным местоимением, на момент своего перехода в разряд существительных выполняет функцию идентификатора:

Бегоҳрӯзӣ аз се-чор пули сиёҳ ки баъзеҳо садақа дода буданд, кампир дуто ноне хариду хӯрданд... [214,55].

Вечером старуха купила на выпрошенную милостыню пару лепешек, они поели... [213,59].

Le soir, la vieille femme, avec l'argent qu'on lui avait donné, acheta deux galettes; ils mangèrent...[216, 76].

Аммо қушбегӣ ва баъзеҳо инро намехостанд... [214, 324].

Но далеко не все этого хотели, например кушбеги...[213, 319].

Mais beaucoup de gens ne le voulaient pas, par exemple, le kouchbégui... [216, 407].

Ман бо маслиҳати баъзеҳо гуфтам, ки омада аз ин ҷо, аз большевикҳои Когон, аз рабочикҳо роҳу равии қор бурданро омӯзем, ба ин ҳам розӣ не [214, 385].

Предлагал я им связаться с большевиками в Кагане, а они боятся, не соглашаются [213, 366].

J'ai proposé d'entrer en contact avec les bolchiviks de Kagan, mais les gens ont peur. Ils ne peuvent se décider [216, 467].

Следует отметить, что в приведенных вариантах лексема *одамҳо* было переведено существительным *gens* (люди), а во втором предложении заимствованные слова *большевикҳо* (большевики) и *рабочикҳо* (рабочие) приведены в форме множественного числа. Только слова *рабочикҳо* в русском и французском переводе отсутствует, перевод слова *рабочикҳо* это *ouvriers*.

б) Существительные – архаизмы. Как мы знаем слова-архаизмы, это те слова, которые уже не употребляются в современном языке. В объекте нашего исследования встречаются существительные,

обозначающие лицо, которые относятся к группе архаистических терминов, что обусловлено хронологическим аспектом: по сюжету, события романа происходят во времена революции. В следующих примерах использованы существительные *ойимҳо* (госпожа во множественном числе), *оймуллоҳо* (обращение к грамотной аристократке), которые сегодня вышли из употребления:

– *Ойимҳо дар хона? – нурсид Дилором* [214, 16].

– *Госпожи дома?* [213, 19].

– *Vos maîtresses sont-elles chez elles?* [216, 21].

Ойимҳои болоӣ дар роҳи шумо чаимонашон чор шудагӣ... [214, 277].

Знатным господам не терпится повидать вас, побеседовать... [213, 270].

Des dames de la haute société ont hâté de faire votre connaissance, de parler avec vous... [216, 351].

Кирдорҳои номуносиб, ахлоқи вайронаи баъзе оймуллоҳоро шунда буд ва аз он тоифа ихлосаш монда, набераи худро ба мактаб надода гашта буд [214,15].

Узнав об этом, старуха Дилором даже изменила своё отношение к содержательницам школ для девочек, которых не очень-то жаловала за их вольное поведение [213, 17].

Lorsqu'elle apprit cela, la vieille Dilorom changea d'attitude envers les directrices d'écoles pour jeunes filles qu'auparavant elle ne respectait pas particulièrement à cause de leur conduit assez libre [216, 19].

Форму множественного числа имен существительных *ойимҳо* и *оймуллоҳо* в таджикском языке образует суффикс «-ҳо», а во французском – суффикс «-s». Лексема *ойимҳо* было переведено несколькими французскими существительными: *maitresses* – *соҳибхоназан, хонум, маъшуқа*; *des dames* – *хонумҳо ва оймуллоҳо*; *les directrices d'école* – *директорҳои мактабҳо*. Французское слово *des dames* является равнозначным эквивалентом термина *ойимҳо*. Лексема *maitresses*

передает смысл *соҳибхона, зани маъшуқа*. Однако мы полагаем, что существительное *оймуллоҳо* в значении «учительница» и «хозяйка школы» в данном контексте является неточным и не передает смысловую нагрузку контекста.

в) Существительные, называющие части тела. В таджикском языке такие существительные активно употребляются с суффиксом «-ҳо». В исследуемом нами фактическом материале встречаются такие единицы как *рӯйҳо* (лица), *чашиҳо* (глаза).

– *Омин! – гуфтанд ҳама ва даст ба рӯйҳо кашиданд* [214, 230].

– *Аминь! – сказали все хором и провели руками по лицу* [213, 227].

– *Qu'il en soit ainsi! Répondit toute l'assistance en se passant les mains sur le visage* [216, 293].

Пас аз пиёлаи сеюм рӯйҳо лолагун шуда *чашиҳо* хумор гашт. [214, 447].

После третьей пиалы лица раскраснелись, *глаза* заблестели. [213, 421].

Après qu'elle eurent bu trois tasses de vin, leurs visages se colorèrent, les yeux se mirent à briller [216, 535].

В переводе существительное *даст* представлено во множественном числе *les mains*, а существительное *рӯйҳо* выражено в единственном – *visage*. Второй пример, по нашему мнению, переведен более релевантно *leurs visages* – *рӯйҳошон* и *les yeux* – *чашиҳо*. Во множественном числе имена существительные, называющие части тела, могут образовываться посредством суффиксов «-ҳо» и «-он».

В следующих предложениях множественное число существительного *рука (даст)* также образовано при помощи суффикса «-ҳо» и «-он», но при переводе на французский язык *les mains* – *дастҳо* (руки), *ses mains* – *дастҳошон* (его руки) в обоих случаях был использован суффикс «-ҳо». Множественное число французского

существительного в данном примере образуется посредством суффикса «-s» и притяжательного местоимения – *ses*.

Ба ин дастҳо нигоҳ кунед, кафидагӣ, пуробила, чиркин...[214, 343].

Посмотри на себя, руки грязные, кожа потрескалась, в мозолях вся...[213, 337].

Tu as les mains sales et calleuses...[216, 433].

Дастони сафеди ӯ низ аз ҳино рангин буда, бо ангуштаринҳо, дастпонаҳо оро ёфта буданд [214, 126].

Белые руки были украшены перстнями и браслетами [213, 127–128].

Ses mains blanches étaient décorées de bagues et de bracelets [216, 162].

Ман ошдодагӣ ва ман ҷудо кардагӣ нӯстҳо бақиматтар буданд [214, 102].

Я взялся обрабатывать каракулевые шкурки и скоро стал хорошим скорняком [213, 104].

J'entrepris de travailler les peaux de moutons [216, 133].

Множественность во французском языке, в основном, выражается двумя суффиксами «-s» и «-х» (*les peaux* – *нӯстҳо* (шкурки)).

Собирательный суффикс может употребляться в конце, как первого обособленного члена предложения, так и с каждым обособленным членом предложения в отдельности, а если данный суффикс (или его варианты) применяется в составе каждого обособленного члена предложения, тогда речь может идти о стилистическом усилении значения данных слов в составе предложения.

В ниже представленных предложениях существительные *абрӯҳо* (брови), *чашмон* (глаза), *рӯйҳо* (лица), *холҳо* (родинки), *лабу дандонҳо* (губы, зубы), *гӯшҳо* (уши), *ангуштҳо* (пальцы) характеризуются однородностью, что в определённой степени обусловлено наличием суффиксов, образующих множественное число: «-ҳо» и «-он».

Абрӯҳои ӯсма кашидашуда, чашмони сурмагин, рӯйҳои бо сурхию ғоза ва холҳои сохта зеб дошташуда, лабу дандони ҳамеша пуртабассум, ба гӯшҳои ҳалқаҳои “барг” дар ангуштҳои ангуштариниҳо лаълу ёқут [214, 18].

Брови были начерчены усмой, глаза подведены, лицо набелено, нарумянено и украшено искусственными родинками, губы сложены в улыбку, в ушах длинные серьги с подвесками, на пальцах перстни с рубинами и яхонтами...[213, 20].

Ses sourcils étaient dessinés au crayon, ses yeux soulignés de noir, son visage poudré, elle était fardée, de grandes boucles pendaient à ses oreilles, elle portait bagues avec des rubis et des saphirs [216, 23].

Чашмони сиёҳи бодомшакл, абрувони пайваста... дошт [214, 89].

...черные миндалевидные глаза, сросшиеся брови... [213, 91].

...des yeux noirs en amande, des sourcils bien fournis...[216, 115].

Перевод выделенных имен существительных на французский язык осуществлен посредством суффиксов «-s» и «-x», притяжательным прилагательным во множественного числе «ses» для мужского и женского родов и неопределенного артикля множественного числа «des» для обоих родов. Все это в совокупности считается общим показателем множественности существительных.

г) Имена существительные, обозначающие названия народов и наций (этнонимы). Морфологически данный ряд существительных формируются при помощи суффикса «-ҳо». В произведении автор часто использовал эту категорию при описании характерных особенностей таких наций, как русские, татары, англичане и др.

...зоти русҳо ҳеҷ коре карда наметавонад [214,406].

...русские ничего поделат не смогут [213, 386].

...les Russes ne pourront plus rien faire [216, 409].

Ба ғайр аз онҳо коргарони маҳаллӣ тоҷикон ва ўзбекону тоторҳо низ буданд [214, 318].

Работали и местные жители – таджики, узбеки; попадались и татары [213, 314].

Des Tadjiks, des Ouzbeks qui habitaient l'endroit, travaillaient aussi au dépôt. Il y avait même des Tatar [211, 400].

– *Англисҳо, – мегуфт Ҳайдарқул... боз ба сарзамини мо оби даҳонашон рафта...* [214, 494].

–*Англичане давно зарятся на нашу землю...*[213, 458].

–*Les Anglais convaient depuis longtemps notre terre..* [216, 580].

Французские названия наций (les Russes, Des Tadjiks, des Ouzbeks, des Tatars, des Anglais) представлены посредством не только суффикса «-s», но и при помощи неопределенного артикля множественного числа des для женского и мужского родов. Также важно отметить, что названия народов и наций, в отличие от таджикского и русского языков, во французском пишутся только заглавными буквами.

д) Имена существительные, обозначающие принадлежность к конкретным локациям: местность, помещение, жилище и пространство в целом. Ввиду того, что в рассматриваемом произведении все события и явления происходили в Самарканде, Бухаре и Коканде, писатель указывал реальные, оригинальные названия местности, жилищных условий и предметов быта. Данные существительные и в таджикском, и в французском языках презентуются во множественном числе: *самарқандиҳо* (les habitants de Samarkand – самаркандцы), *тошкандиҳо* (les habitants de Tochkent – ташкентцы), *коганиҳо* (les habitants de Kogan – каганцы) и др.

Ана, мо ҳам мисли самардқандиҳо, тошкандиҳо мешудем, чашмамон кушодатар мешуд. [214, 190].

Вот у самаркандцев и ташкентцев глаза открылись. [213, 189].

Vous voyez, les habitants de Samarkand et de Tochkent ont ouvert les yeux. Si seulement nous aussi... [216, 242].

Пойизди байни Бухоро ва Когон, ки аҳли Бухоро онро “поездча” мегуфтанду коганиҳо “бухарка” меномиданд... [214, 422].

На станции стоял поезд, готовый отправиться в путь. Бухарцы его называли “каганчик”, а каганцы – “бухаркой” [213, 401].

A la gare se trouvait un train prêt au départ. Les habitants de Boukhara l'appelaient: “Celui qui vient de Kagan”, et les habitants de Kogan “Celui qui vient de Boukhara” [216, 509].

Выражение *les habitants de Samarkand et de Tochkent* и *les habitants de Kogan* начинается с определенного артикля множественного числа *les* для обоих родов и суффикса «-s». Однако мы полагаем, что переводчиком не полностью был понят и прочувствован замысел автора в данном контексте. Это выражение целесообразнее было бы перевести как: *les Samarkand*.

В произведении часто фигурируют названия различного типа жилищ, помещений (дома, гаремы и др).

Осуда бошед, бикашон, шумо имрӯз як олам кор доред, ҳоло хонаҳо нооростагӣ, асбобҳои ошу кабоб тайёр не... [214, 24].

– Успокойтесь, госпожа, у вас еще столько дел, еще в комнатах не прибрано, еще надо приготовить все для плова и для жаркого... [213, 26].

Tranquillez-vous, vous avez encore beaucoup à faire, vous devez mettre de l'ordre chez vous. Il vous faut tout préparer pour le pilaf et pour le roti... [211, 31].

– Дар арк барои ба ҳарамҳо об кашондан одам даркор, – гуфт Оймулло. [214, 444].

– В арке нужны люди, чтобы приносить воду в гарем [213, 419].

– Au Palais, on a besoin de gens pour amener l'eau au harem [216, 532–533].

Имя существительное *хонаҳо* (дома) переведено на французский язык лексемой *chez vous*, выраженной во втором лице множественного числа в значении «в вашем доме», «у вас», а существительное *ҳарамҳо* представлено в дословном переводе, что не является релевантным целям автора.

– Ана ҳамин Шулга гуфт, ки ба суханаиш давом кард Эшонҷон, **мактабҳои** усули ҷадидӣ нағз не, бачаҳои мардумро вайрон мекунад, ба калонҳо ҳурмат намекунанд, ҳама шӯрапушту бадрӯй шуда мераванд... [214, 413].

– Так вот, этот самый Шулга, – продолжал Эшондэжон, – сказал, что джадидские **школы** только портят детей, учат их не уважать старших, воспитывают всяких смутьянов [213, 393].

– Eh bien voilà ce Choulga, continua Echon–djon, a dit **les écoles djadides** *faisaient du mal aux enfants, on leur apprend à ne pas respecter leurs aînés, on y forme toute sorte sorte mécontents* [216, 499].

Слово **мактабҳо** (школы) на французский язык переведено **les écoles** во множественном числе посредством артикля «les» и суффикса «-s».

Следует также отметить, что имена существительные, номинирующие жилища, представлены позицией однородного ряда:

Ҳайдарқул аз **зинаҳо** боло шуда, худро дар кӯчаи як шаҳри маданӣ дид. **Иморатҳои** олі **магазинҳо**, почта телеграф, аптека кабинети духтури дандон, **банкҳо** ва **ширкатҳо** ва ниҳоят магазини китобфурӯшӣ... [214, 429].

Хайдаркул поднялся по **ступеням** и снова увидел большие здания, **магазины**, почту, телеграф, аптеку, вывески **банков** и акционерных обществ и, наконец, книжный магазин. [213, 407].

Khaïdarkoul gravit l’escalier et aperçut à nouveau de grands immeubles, des magasins, un bureau de poste, une pharmacie des banques et enfin une librairie. [216, 517].

Дар фасли ин чандин сол ба авзоъ ва сохти шаҳр, **гузарҳо**, масҷиду **мадрасаҳо**, **ҳаммомҳо** чандон тағйироти зиёде рӯй надода буд. [214, 395 – 396].

За эти годы мало что изменилось в городе – те же **кварталы**, те же **мечети**, медресе, бани.... [213, 376].

*C’étaient les mêmes **quartiers**, les mêmes **mosqués**, les mêmes bains...* [216, 476–477].

Дар ин чо ҳам бонкҳо, магазинҳо ва кӯчаҳои асфалтпӯш ва бинои дуошӯнаи европоӣ буд. [214, 429].

...и там тоҷе были и банки, и магазины, и асфальтированная улица, и двухэтажные европейские дома. [213, 408].

...où se trouvaient également des banques des magasins, des immeubles à l'euro péenne [216, 517].

В приведенных примерах суффикс «-ҳо», которое обозначает типы помещений и жилищ, образует их множественное число. А во французском переводе использован суффикс «-s» и артикли множественного числа. Имена существительные *иморатҳо, магазинҳо, бонкҳо ва ширкатҳо* (высокие здания, магазины, банки и компании) на французский язык переведены таким образом: *de grands immeubles, des magasins, des banques*. Слова *гузарҳо, масҷиду мадрасаҳо, ҳаммомҳо* (кварталы, мечети, медресе и бани) представлены как *les mêmes quartiers, les mêmes mosqués, les mêmes bains*.

Бо фармони қушбегӣ ҳамаи аҳли ҳарам ба таҳонаҳо ва мағокҳои зери гунбазҳо даромада руст шуданд. [214, 522].

По приказу кушбеги все население гарема попряталось в подвалах, погребях и чуланах под каменными сводами [213, 480].

Sur l'ordre de la kouchbégui, toutes les femmes du harem s'étaient cachées dans les caves, et dans les réduits qui se trouvaient sous arches [216, 603].

Ба рӯ ба рӯи ин бонк, дар тарафи дасти рост боз магазинҳо ва иморатҳои навсохти дигареро дид, ки аз хишти пухта ва тарҳи европоӣ сохта шуданд [214, 429].

Против банка по правую руку или магазины и кирпичные здания, то же выстроенные на европейский лад [213, 407].

En face de la banque à droite se trouvaient des magasins et des immeubles en maçonnerie construits, eux aussi à l'euro péenne [216, 516–517].

В приведенных примерах суффикс «-ҳо», входя в состав существительных, обозначающих бытовые реалии, а также типы

помещений и жилищ, образует их множественное число. С этой же целью переводчиком используется суффикс «-s» и артикли множественного числа. Имена существительные *магазинҳо*, *иморатҳо* (магазины, здания,) на французский язык переведены таким образом: *des magasins*, *des immeubles*, а единицы *таҳхонаҳо*, *мағокҳо ва гунбазҳо* как *les caves*, *les réduits et les arches*. Грамматическим показателем множественного числа является своеобразная формула: «определенный артикль+суффикс «-s»». Следовательно, лексемы *магазинҳо ва иморатҳо* (магазины и здания) на французский язык переведены как *des magasins et des immeubles*.

е) Образование множественного числа заимствованных имен существительных посредством суффикса «-ҳо». Заимствования, как правило, являются достаточно широко распространенным языковым явлением в политической, социальной, культурной и дипломатической областях. Например, в лексической структуре таджикского языка арабские, русские и тюркские заимствования занимают особую позицию. В романе «Дочь огня», например, зафиксирован целый ряд исконно русских слов (*большевикҳо*, *батракҳо* (большевики, батраки) и др).

– *Ба шумо ғалат фаҳмонданд, акнун аз оқноширо умед нест, ўро бо авлоду асҳобаи большевикҳо куштанд* [214, 509].

– *Вас обманывают, нельзя больше надеяться на белого царя. И его самого и всех его приближенных уже нет – их убили большевики* [213, 471].

– *On vous trompe. On ne peut plus compter sur le tsar. Il n'existe plus, pas plus que ses proches d'ailleurs. Les bolcheviks les ont tuées* [216, 591].

Аз хурдӣ киштукор ва деҳқониро дӯст медошт, дар заминҳои падарам ҳамроҳи деҳқонҳо ва батракҳо кор карда мегаишт [214, 249].

Сельское хозяйство с детства привлекало его; он работал вместе с батраками на полях отца, и когда вырос, отец поручил ему все сельскохозяйственные дела [213, 245].

Tout enfant il était déjà attiré par l'agriculture. Il travaillait avec les garçons de ferme dans les champs de mon père... [216,316].

Лексема «большевик», будучи национальной исторической реалией, не имеет аналогов ни в одном из языков мира, ввиду чего была передана его буквально, в неизменённой форме. «*Батрак*» – слово исконно русского происхождения – в таджикском языке означает слуга, рабочий, однако в романе в качестве аналога использована французская единица *les garçons de ferme* в значении здоровые мальчишки.

... се нафар жандармҳои пристави Когон зада даромаданд [214, 349].

В комнату шумно вошли три жандарма [213, 343].

Trois gendarmes pénétrèrent bruyamment dans la pièce [216,441].

Бухоро ҳам ба роҳи савдо ва тиҷорат даромада, ба ин ҷо дастии банкирҳо ва буржуиҳо омада расидааст [214, 429 – 430].

... кое-где замостили улицу, появилось несколько новых больших дворов, да местами красными прямоугольниками вставали кирпичные стены [213, 408].

... la rue ça et là avait été pavée , il y avait aussi de nouveaux palais, des murs de briques [216, 517].

Существительные *жандармҳо*, *банкирҳо*, *буржуиҳо* (жандармы, банкиры, буржуи) являются интернационализмами. Лексическая единица *буржуиҳо* (буржуи) имеет французский корень, следовательно, не могла претерпеть кардинальных изменений во время перевода на французский язык и сохранила свое оригинальное значение «интеллигент, состоятельный человек, представитель аристократии».

Анализ примеров показал, что множественное число заимствованных существительных в таджикском языке обусловлено наличием суффикса «-ҳо», а определенный артикль для обоих родов во множественном числе *les* и суффикс «-s» образуют множественное число заимствований во французском языке. Определенный артикль *les* и суффикс «-s» выполняют идентичную с таджикским суффиксом «-ҳо» функцию.

ё) Использование суффикса «-ҳо» в составе имен существительных, обозначающих социальные роли людей и род их занятий. Суффикс «-ҳо» в рассматриваемом произведении зафиксирован в составе существительных, выражающих различные социальные роли *ходимчиҳо*, *шербачаҳо* (служители, львята – смельчаки). Термин *ходимчӣ*, ныне считающийся архаизмом, в словаре «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Толковый словарь таджикского языка) зафиксирован в значении «слуга, служащий или женщина, которая обслуживает людей на мероприятиях» [208]. Писатель в целях придания контенту трилогии «Дочь огня» яркости и импрессивности достаточно часто использовал эту лексему.

Единица *шербачаҳо*, как правило, используется как имя нарицательное молодых людей (мужского пола), отмечающихся усердием, готовностью оказать любую услугу, смельчаки.

Муҳаррами Фарч якраҳагӣ, бемазагӣ ва гарданғафсии Кали Қурбонро медонист, бинобар он гап назду поён фаромад ва сардори ходимчиҳоро ба ҷояш гузошта аз меҳмонҳо узр хост [214, 233].

Упрямый, вздорный нрав Кали Курбана был всем хорошо известен, и Мухаррама решила, что лучше его не дразнить. Вернувшись к гостям, она извинилась перед ними и, посадив на свое место старшую помощницу, обратилась к бабушке новорожденного [213, 230].

Le caractère obstiné de Kali Kourban était connu de tous, et Moukharrama comprit qu'il voulait mieux ne pas l'énerver. Elle alla trouver ses hôtes, s'excusa et après avoir mis à sa place la plus âgée des servants [216, 297].

Шербачаҳо аз вай хеле қафо монда бошанд ҳам, шунида мешуд, ки аз таъқиб даст накашидаанд [214, 158].

До него доносился топот преследующих его стражников, и он бежал все быстрее... [213, 159].

Il entendit le bruit des gardes qui le poursuivaient, et il courut à toute allure... [216, 206].

Множественное число существительных *меҳмонҳо*, *шербачаҳо* (гости, львята – смельчаки) в романе образовано посредством суффикса «-ҳо», а во французском варианте может быть выражено двумя способами: суффиксом «-s» и личными местоимениями во множественном числе для обоих родов: *ses hôtes*, *des grades*.

Единица *ходимчиҳо* – *des servants* выраженная в переводе в значении слуги (служители), в таджикском языке образована посредством суффикса «-ҳо», а во французском – неопределенным артиклем множественного числа для обоих родов *des* и суффиксом «-s». Практический опыт показывает, что непонимание переводчиком словарного значения лексических единиц обуславливает появление в контексте нерелевантных смыслу аналогов. Так, термин *ходимҳо* в смысловом значении кардинальным образом отличается от слова *хизматгорҳо*.

ж) Существительные, выражающие единицы измерения времени.

Суффикс «-ҳо» добавляясь к концу некоторых слов, выражает единицы измерения времени. [141, 26]. В романе для выражения категории множественного числа такого рода лексических единиц используется суффикс «-ҳо»: *дақиқаҳо*, *имрӯзҳо*, *шабҳо* (минуты, дни, сегодняшние дни, вечера).

Дарёи мардум якбора ба ҷунбиши меомаданд, назарҳо ҳама ба роҳ мешуд, садои ғулғула баланд мегашт ва дақиқаҳо мегузаштанду аз амир дарак намешуд [214, 490- 491].

*Человеческое море колыхалось, головы поворачивались к дороге. Толпа глухо гудела, медленно расступалась. Но проходили **минуты**, а эмира не было видно* [213, 456].

*La foule s'écartait un peu, les têtes se tournaient en direction de la route. La rumeur devenait plus forte. Mais **le temps** passait et l'émir n'était toujours pas là.* [216, 577].

В следующей группе примеров так же встречаются существительное, обозначающее промежутки времени, представленное в форме множественного числа *ces derniers temps*. В составе первой лексемы свою функцию выполняет указательное местоимение *ces* для обоих родов и суффикс «-s»;

Имрӯзҳо кафшери даҳони ҳама “ҷадид ҷадид” шуда мондааст [214, 412].

–*Последнее время* все только о джадидах и о каких-то джадидских школах твердят [213, 392].

–*Ces derniers temps* on ne fait que parler des djadides et de leurs écoles [216, 498].

Шабҳо аз шиддати хунуки ва айёс замин шараққосзанон мекафид, дар кӯчаҳои торик як фақат айёс пир шамолҳои тезу тундро сур карда мегашту бас! [214, 269].

Ночью земля хрустела, трескаясь от стужи. По темным безлюдным улицам гулял лишь старик мороз, да его вечный спутник – пронизывающий ветер [213, 264].

La nuit le sol croquait. Dans les rues vides regnait le gel et son éternel compagnon, le vent [216, 343].

Следует отметить, что адекватным вариантом перевода *имрӯзҳо* (сегодняшние дни) на французский язык является *ces jours* (или *à nos jours*). Существительное *шабҳо* в втором примере приведено во множественном числе, но во французском эквиваленте представлено в единственном: *la nuit*, хотя целесообразнее было бы перевести его во множественном числе: *les nuits*. Следовательно, не было обращено должного внимания на нюансы грамматического аспекта существительных.

В следующих примерах использованы существительные *ҳафтаҳо*, *моҳҳо*, *солҳо* (недели, месяцы, годы):

*Майлаш ман қабул мекунам, шумо ҳам мана **ҳафтаҳо** партофта наравед [214, 449].*

*Что же мне прикажете делать, если вы бросаете меня по целым **неделям**? [213, 424].*

*Et que dois-je faire alors, puisque vous me laissez seule **des semaines entières**? [216, 538].*

*Пас аз он, ки ба ҳавлиш дарун даромад дигар **моҳҳо** наи ҳам гузашта рафтан гирифтанду Асо ҳатто овози ӯро шунида натавонист [214, 328].*

*Проходил **месяц за месяцем**; полных двадцать четыре месяца прошло, а Асо ни разу не услышал даже голоса Фирузы [213, 322].*

*Et ensuite? Firouza, comme il se devait, passerait **quelque jours** dans la cour intérieure du baï, puis on lui demanderait si elle acceptait d'épouser Asso [216, 411].*

*Аз ҳамон **солҳо** ин ҷониб ҳеч надидам [214, 397].*

Давненко я ее не видала. [213, 378].

*Cela fait bien **longtemps** que je ne l'ai vue [216, 479].*

Существительные *ҳафтаҳо*, *моҳҳо*, *солҳо* сформированы посредством суффикса «-ҳо». Перевод лексемы «*ҳафтаҳо*» (les semaines) можно считать удовлетворительным и грамматически корректным, поскольку были использованы неопределенный артикль для обоих родов *des* и суффикс «-s». Однако в двух других примерах существительные *моҳҳо* – *quelque jours* и *солҳо* – *longtemps* переведены нерелевантно контексту; правильной версией считается: *les mois, les années*.

*Ин **вақтҳо** мӯзаи ғарч менӯшидагиҳо ҳам бисёр шуда монд...[214, 283].*

*Но **сейчас** многие носят сапожки со скрипом...[213, 276].*

*Mais **maintenant**, beaucoup de personnes portent des bottes qui grincet. [216, 360].*

Замонаҳо алғав-далғав, – гуфт заргар, – ҷанобашон барои бурдани ҳамон... [214, 456].

– *Времена* теперь *неспокойные*, – ответил ювелир. – *Вы* изволили *прийти* за... [213,429].

–*Nous vivons à une époque troublée* répondit le bijoutier [216, 545].

Лексические единицы *вақтҳо*, *замонаҳо*, (времена, эпохи) являются временными понятиями, представленными во множественном числе при помощи суффикса «-ҳо». Во время перевода, однако, слово «времена – *maintenant*» выражено в единственном числе, а существительное *замонаҳо* – *époque* во множественном *les époques*, хотя относится, по сути, к единственному числу

з) Существительные, обозначающие растения. Лексемы данного типа в таджикском языке в своём составе имеют суффиксы «-ҳо» и «-он». Как правило, в обоих языках они представляются во множественном числе.

– *Ин барфи охирин будагист*, – *гуфт вай ба чӯбдасти дароз така карда истода, ҳамин, ки барфҳо об шуданд, дарахтҳо бедор шудан мегиранд* [214, 48].

«–*Я* думаю, *это* последний снег», – *сказал он, опираясь на свою длинную палку. Как только он растает, деревья* начнут *просыпаться* [213, 51].

D'après moi c'est la dernière neige, dit-il, en s'appuyant sur son bâton. Des qu'elle aura fondu, les arbres commenceront à s'éveiller [216, 65].

Шохаҳои дарахтон аз серборӣ хам шуда буданд [214, 48].

Ветви деревьев *сгибались под его тяжестью* [213, 51].

Les branches des arbres se courbaient sous son poids [216, 64].

В приведенных примерах в составе существительного *дарахт* (дерево) использованы два суффикса множественного числа «-ҳо» (*дарахтҳо*) и «-он» (*дарахтон*). Французский вариант образуется при помощи определенного артикля *les*, неопределенного *des* во множественном числе для обоих родов и суффикса «-s»:

*Дар ин дам даруни хона овози шарт шарт ба ҷувол расидани **химчаҳо** ва баъд бо садои гирифта, аз даруни ҷувол фарёд кардани Нозигул баланд шуд [214, 291].*

*Из гостиной доносился свист **прутьев**, удары по мешку и приглушенные крики девушки [213, 284].*

*On entendit siffler **les baguettes** les coups que l'on donnait sur le sac et les cris étouffés de la jeune fille [216, 372].*

*Ниҳоят, Истад ва Рӯзибой, ки дар назди хонаи худ, ба рӯи **сабзаҳо** сӯҳбат карда менишистанд, якбора фаҳмида монданд, сари ҳавзбудагон баланд- баланд сухан карда ба болои чӣ чизе баҳс мекарданд ва пас аз ҳамин диданд, ки бой аз суфа фаромада ба сӯи онҳо меояд [214, 51].*

Вдруг Рузибай и Истад, сидевшие возле сторожки, услышали шум, громкие разговоры и споры и увидели, что бай спустился с суфы и идет к ним [213, 54].

Soudain Rouzibaï et Istad étaient assis entendirent un grand bruit, une conversation violente, une dispute puis il aperçurent le bai qui descendait de la terrasse et venait vers eux [216, 69].

Перевод слова *химчаҳо* (прутья) – *les baguettes* является корректным, но существительное *сабзаҳо* (зелень) переводчик, в силу непонятных причин, проигнорировал, хотя мог представить его как *les herbes*;

*Мардум нӯстлохи **дарахтон**, **решаи гиёҳҳо** канда мехӯрданд ва аз гуруснагӣ беҳол, аз хӯрокҳои нобоб варам карда буданд [214, 59].*

*Люди ели кору с **деревьев**, **корни трав**, опухли от голода, теряли силы [213, 63].*

*Les gens mangeaient **les racines des arbres**, **l'herbe**, ils avaient le ventre enflé tant ils avaient faim [216,82].*

В данном предложении слова *дарахтон* (деревья) и *гиёҳҳо* (травы) сформированы посредством суффиксов «-ҳо» и «-он». Коллокация «*решаи гиёҳҳо*» переведена как *les racines des arbres, l'herbe* (корни

деревьев и трав), слово реша – les racines во множественном числе и слово *гиёхҳо* – l'herbe в единственном числе. Следующие существительные с определенным артиклем множественного числа для обоих родов les и суффиксом «-s» в своем составе переведены корректно.

и) Существительные, обозначающие родственные связи. Данная группа слов в таджикском языке образуются посредством суффиксов «-ҳо» и «-он».

– *Гардам, бибиҳо, ҳама ҷои ҳаммоми Кунҷаки мо гарм аст, мегуфт вай...* [214,231].

– *Милые мои, в бане Кунджак тепло повсюду* [213, 228].

– *Mes chères amies, dans l'établissement de bains de Kounjak il fait chaud en tout lieu* [216, 294].

Корнем существительного *бибиҳо* (бабушки) является *бибӣ*, «-ҳо» – это суффикс. Однако переводчик выбрал в качестве эквивалента термин *mes chères amies* – мои дорогие подруги.

В ниже следующей фразе существительное *палонҷ* представлен во множественном числе:

Фирӯза ин ҳикояро шунида ҳайрон шуд, ҳам Бибизағора ва ҳам кирдори палонҷҳо, ки қасдан ба ҳамдигар қанг хезонда меистанд, ўро дар тааҷҷуб монанданд [214, 18].

Фируза дивилась, слушая эти разговоры: все казалось ей странным –и Бибизагора, и обе байские жены, и их ссора [213, 20].

Firouza s'étonnait, tout lui semblait bizarre: Bibizagora, les deux épouses du baï, leur dispute [216, 22].

Существительные *полонҷҳо* (*палонҷҳо*) (соперницы, жёны одного человека) на французский язык переведены как *les deux épouses*, в значении оба женщины (жены) поскольку двоеженство считается неприемлемым, непонятным чуждым французской культуре явлением. В просторечье жен одного мужа по отношению друг к другу таджики называли «кундош». Однако все эти факты переводчиком были

преднамеренно или случайно проигнорированы, что обусловило неадекватность французского перевода.

Французская грамматика предполагает наличие определенной идентичности некоторых частей речи: прилагательных, указательных и притяжательных местоимений существительных и числительных.

– *Боракаллоҳ, бародарҳо!* [214, 504].

– *Молодцы, братья правильно поступили!* [213, 466].

– *Bravo, mes frères vous avez eu raison!* [216, 589].

Дӯстҳо қарор доданд, ки майлаш вай равад ба сардори депо мегӯянд, ӯ касал шудааст ва ба ҷои худашон кор мекунанд [214, 346].

Проникишись его беспокойством, друзья согласились. Пусть идет, они сами выполняют его работу, а начальнику депо скажут, что он заболел [213, 340].

Ses amis avaient accepté. Il pouvait partir, eux se chargeraient de son travail, ils diraient au chef du depot que Khaïdarkoul était malade [216, 437].

Занед, дугонаҳо, ки мурад, ҷонаш ба ҷаҳаннам равад! [214, 421].

Бейте его, подруженьки, бейте его до смерти, пусть душа его попадѐт в ад! [213, 400].

Battez-le, mes amies, battez-le à mort, que son âme aille en enfer! [216, 508].

В первом примере для существительного (*бародарҳо*) выбран соответствующий эквивалент *mes frères*, в котором притяжательное местоимение представлено во множественном числе. Слово *дӯстҳо* (*друзья*) переведено как *ses amis*, что является ошибкой. Одушевленному существительному – *дугонаҳо* дана правильная форма – *mes amies*. Напомним, что несмотря на наличие различных способов представления множественного числа (повторение, окончания, приставки, суффиксы, суплективация, изменение огласовки), во французском языке оно всегда выражено суффиксом «-s». Эта же грамматическая норма сохраняет свой

статус и в рамках двух видов множественного числа: дистрибутивного и собирательного.

В романе «Дочь огня» собирательные существительные являются, как правило, однородными. В первом предложении существительные *хамсояхо*, *ёру ошнохо* имеют один суффикс, что идентифицирует их синонимичность. Во втором примере однородными считаются слова *занхо* и *бибихо*;

Хамсояхо, ёру ошнохо омада буданд, ки Оймулло ба онхо нуха диҳад
ё ки махусан ном ба ном навишта диҳад [214, 272].

В этот день к госпоже Танбур без конца приходили знакомые, друзья, просто соседи с просьбой дать образцы “снежных” писем [213, 266].

Ce jour-là, des amis, des connaissances des voisins venaient trouver Oïmoullou-Tanbour pour lui demander des modèles de «lettres de neige» [216, 346].

... одамони хоси ин занхо, бибихо ва хешу таборон ҳама ҳам мешуданд... [214, 498].

... служанки этих женщин, их близкие и родственники... [213, 461].

... les servants de ces femmes, leurs parents et leurs proches [216, 583].

Ҳақиқатан дар пеши ҳавли оқсақол дутарафа одамхо, хешу табор ва ёру ошнохои марҳум даст пеш гирифта, рост истода буданд [214, 436].

У двора аксакала, сложив на животе руки, в два ряда стояли мужчины – родственники, знакомые, друзья покойника [213, 411].

Dans la cour de celui-ci, les hommes, les mains croisées sur le ventre tenaient sur de rangs; c'étaient *des parents, des connaissances et des amis du défunt* [216, 523].

Перевод существительных *хамсояхо*, *ёру ошнохо* как *des amis, des connaissances des voisins* можно считать достаточно точным. Слово *одамон* (*люди*) во французском языке *les gens* переведено посредством суффикса

«-s»). Французский вариант выражения *одамони хосси ин занҳо* переведены как *служанки* представлен как *les servants*, то есть служанки.

к) Существительные, обозначающие животных и птиц. Образование множественного числа данной категории существительных в таджикском языке происходит посредством суффикса «-ҳо», а во французском посредством суффикса «-s».

Дар берун хурӯсҳо дафъаи савум ҳеҷ мезаданд ва кӯчаю хиёбонҳои шаҳр кайҳо аз мардум холӣ шуда буд, ҳама дар хоби роҳат буданд [214, 170].

Пропели третьи петухи. Улицы были давно пусты, город мирно спал [213, 170].

Les coqs chantèrent pour la troisième fois. Depuis longues les rues étaient vides, la ville dormait [216, 219].

... дар хонаҳо фароштурукҳо пайдо мешуданд ва дар фазои лочувардӣ қий-чуқунон бозӣ карда гаштани онҳоро дидан мумкин мешуд ва низ ба лаклакхонаҳои нӯки манораҳо ва болои гумбадҳо лаклак меомад [214, 312].

Приятно было следить за их изящным полетом, слушать их веселый щебет... Почти одновременно с ласточками появлялись аисты, они устраивали свое жилье на верхушках минаретов и куполов мечетей [213, 307].

Les hirondelles arrivaient et faisaient leurs nids. Qu'il était agréable de suivre leur vol des yeux d'écouter leurs cris joyeux... Presque en même temps arrivaient les cigognes qui s'installaient en haut des minarets et sur les toits des mosquées [216, 396].

Множественное число французских эквивалентов таджикских существительных *хурӯсҳо* (петухи) – *les coqs*, *фароштурукҳо* (ласточки) – *les hirondelles*, *лаклакҳо* (аисты) – *les cigognes* образовано посредством определенного артикля *les* для обоих родов и суффикса «-s».

Дар атроф шағолҳо нола мекашиданд, қабристонии калон ва беинтиҳо то худи уфуқ баланд шуда рафта буд [214, 475].

Было жутко, выли шакалы. Огромное кладбище, казалось, не имело конца [213, 444].

Les chakals hurlaient. Le cimetière semblait ne devoir jamais finir [216, 561].

В вышеуказанных предложениях зафиксирован ряд однородных существительных *фароштурук* (ласточка), *лаклакҳо* (аисты), для которых суффикс «-ҳо» является универсальным элементом формирования множественного числа. В таджикском языке собирательный суффикс в составе каждого однородного существительного или последней лексемы однородного ряда образует их множественное число *les cigognes, фароштурукҳо – les hirondelles*. Анализ примеров показал, что множественное число образовано посредством определенного артикля *les* и суффикса «-s».

Существительные *шағолҳо* (шакалы), *чондорҳо* (существа) при наличии обрели множественную форму посредством суффикса «-ҳо».

Поскольку, согласно французской грамматике, существительное, обозначающее количество больше двух, непременно принимает форму множественного числа. Например, в таджикском языке: *се шағол ё шағолҳо* или *се духтар, духтарҳо*, а во французском языке: *trois chakals, les chakals* или *trois filles, les filles*.

Еще одна особенность образования множественного числа существительных французского языка состоит в том, что если слово в единственном числе имеет окончание «-al», то во множественном числе заканчивается на «-aux». Следует отметить, что количество таких существительных достаточно ограничено, например, *journal – journaux, рӯзнама* (газета) – *рӯзнамаҳо* (газеты), *animal – animaux, ҳайвон – ҳайвонот* (зверь – звери). В выше приведенном предложении существительное *чондорҳо* представлено во множественном числе: *animaux*. В таджикском и французском языках прилагательное может

склоняться как существительное, например, *petits animaux* – *чондорҳои хӯрд*.

л) Существительные, обозначающие военные понятия. В романе «Дочь огня» к данной категории относятся такие слова, как солдаты, есаул, стража (*аскарҳо*, *ясавулҳо*, *сарбозҳо*). Термин *ясавулҳо* (стража) является архаизмом, и писатель использовал его для более точного описания явлений и событий той эпохи.

Вақте, ки намоиши аскарҳо ба охир расид ва ҳама ҷо ба ҷо шуданд, мардум ҳам ба Регистон паҳн шуда, оҳиста-оҳиста ҳавлӣ ба ҳавлӣ шуданд... [214, 493–494].

После военного парада люди начали расходиться, и скоро площадь опустела [213, 458].

Après le défilé militaire, la foule se dispersa et la place fut à nouveau déserte [216, 580].

Вай медид, ки чӣ тавр аз боло ҳар замон одамони басавлат, бо либосҳои ясавулҳо ва сарбозҳо чӣ тавр зуд роҳ гашта ба боло ва поён мераванд... [214, 282].

Поднимаясь по лестнице, она увидела знатных чиновников в пышных нарядах, военачальников с надменным и грозным взглядом, снующих взад и вперед есаулов, охранников и стражников [213, 275].

En gravissant l'escalier, elle avait vu de hauts dignitaires en vêtements somptueux, des chefs militaires au regard sévère et hautain, des gardes et des soldats [216, 359].

Из существительных *аскарҳо* – *militaire*, или *ясавулҳо* – *des chef militaires* и *сарбозҳо* – *des soldats*, *есаул* в значении «начальника» имеет исконно турецкие корни, и пополняет список архаизмом. Множественное число названных существительных во французском языке выражается определенным артиклем множественного числа *les* и суффиксом «-s». Существительное *militaire* переводится как *ҳарбиён* (военные).

В следующих предложениях писатель использовал существительные *солдатҳо* (солдаты) и *шотирҳо* (защитники). Лексема «шотирҳо» в значении «защитники» или «стремянные» в современном таджикском языке также вышла из общего употребления [206, 684].

– *Дар окопҳо солдатҳо иттифоқ баста, талаб карда истоданд, ки ҷанг бас карда шавад* [214, 476].

– *В окопах солдаты братаются, требуют окончания войны* [213, 445].

Dans les tranchées, les soldats fraternisent avec les allemands, ils exigent la fin de la guerre [216, 563].

Аз қафо онҳо дар ду тарафи асти амир шотирҳо ва одамони махсуси амир ва аз қафои ӯ боз як ғавҷ лашкар меомаданд [214, 493].

За ними, по обеим сторонам, шли стремянные и вельможи. Шествие замыкал отряд воинов [213, 457–458].

Derrière eux venaient soldats et dignitaires. Les défilé se terminait par un détachement de soldats [216, 579].

Существительные *солдатҳо* и *шотирҳо* оба переведены на французский язык как *les soldats* (только во втором случае без артикля). Однако правильной лексической формой слова *ҳимоятгар* (*шотирҳо*) (защитники) считается *gardien*. Следует напомнить о наличии в произведении группы существительных архаизмов. Так, например, лексема *миршабҳо* (стража) относится именно к данной категории.

Ана, миршабҳо аз раста табл зада гузаитанд, моҳ ҳам ба паси тавора гузаит ... хурӯсҳо...аз ҳар тараф ҷеғ мезананд... хурӯсҳо [214, 343].

Вот и ночная стража прошла, стуча в барабаны. Луна докатилась до забора их дома, зашла уже за него ... Пение петухов послышалось отовсюду ... Петухи ... Петухи [213, 337].

Les gardes de nuit venaient de passer en frappant du tambour. La lune effleurait de ses rayon la cloture de la maison, elle l'avait déjà dépossée... Les coqs chantaient... les coqs ...les coqs... les coqs... [216, 432].

– *Одамони миришаб омаданд, аз будани мо хабар доранд магар* [214, 157].

– *Стражники ... Видно, пронюхали, что мы здесь* [213, 158].

– *Les gardes... Ils ont dû se rendre compte que nous étions là* [216, 204].

Единица *миришабҳо* и словосочетание *одамони миришаб* (люди начальника полиции) представлены словом *les gardes de nuit*, что является неточной передачей семантической сути этой лексемы.

м) Существительные, обозначающие домашнюю утварь, скраб. В романе довольно часто используются существительные данной категории: *лаълиҳо, дегҳо, чойникҳо* и т. д. (подносы, котлы, казаны, чайники).

Лунгидорҳо зуд ба лаълиҳо чой оварда, ба назди меҳмонҳо дастурхон паҳн карданд [214, 231].

Появились подносы с чаем, угощение [213, 227].

On apporta des plateaux avec du thé et une collation [216, 293].

Кампир ба хизматгорҳои оишона гуфт, ки бе иҷозати вай ба дегҳо касе даст назанад... [214, 31].

Старуха приказала слуганкам без нее не прикасаться к котлам... [213,32].

La vieille femme ordonna aux servants de ne pas toucher aux plats son absence...[216, 40].

Существительные *лаълиҳо* – *des plateaux* и *дегҳо* – *les plats* в французском варианте представлены во множественном числе при наличии неопределенного артикля *des* для обоих родов и суффикса «-х». Во втором примере присутствуют слитный артикль *aux* (à+les=aux) и суффикс «-s». Во французском языке наблюдается смещение определенного артикля мужского рода и его соединение с предлогом. Анализ примеров показывает также, что смещённый артикль во множественном числе выражен суффиксом «-s».

Дар назди ҳама онҳо дастурхонҳо паҳн буда, ба рӯи дастурхонҳо нозу неъмат фаровон буд [214, 285].

Перед всеми были расставлены подносы, ломившиеся от яств [213,279].

Devant elles, des plateaux couverts de mets [216, 363].

– Хумҳо пур шуданд, боз қучо резам? [214, 390].

– Хозайка, хумы полные, куда деть остальную воду? [213,371].

– Les khoumes sont pleins, où dois-je verser l'eau qui reste? [216, 470].

В вышеуказанных примерах существительные дастурхонҳо, лаълиҳо, кӯрпачаҳо, хумҳо представлены во множественном числе. В переводе вместо существительного дастурхонҳо, использована единица *des plateaux* – лаълиҳо, что является неадекватной заменой. Перевод лексемы «кӯрпачаҳо» – *les matelas* также может считаться некорректным. Существительное кӯрпачаҳо является понятием, выражающим реалии таджикского народа. В этой связи было бы целесообразнее представить его в дословной форме. Хумҳо переведено на французский язык буквально – *les khoumes*. Множественное число в рассмотренных примерах выражено определенным артиклем *les* и суффиксом «-s».

В следующем предложении существительное кӯрпачаҳо выражено во множественном числе. Слово «курсиҳо» переведено как *les banquettes* в значении маленькой скамейки (полка в вагоне).

Дар вагон, ки нимторик буду аз шӯълаи фонуси болои дари он фақат мобайни курсиҳо роҳи одамгузар андаке равшан мешуд, кас кам буд [214, 353].

В полутемном вагоне было пусто. Тусклый фонарь над дверью плохо освещал проход между скамейками [213, 348].

Il y faisait sombre. Une petite lampe au-dessus de la porte éclairait faiblement le passage entre les banquettes [216, 446].

Следует отметить, что в романе автор достаточно часто употребляет такие лексемы, как: лӯнгиҳо, қуттиҳо, чойнику пиёлаҳо,

табақҳо, сатилҳо и др. Некоторые из них (лўнгиҳо, тосҳо) входят в перечень архаизмов. В составе большинства присутствует суффикс «-ҳо». Французский вариант перевода представят следующие существительные: *seaux* (ведры), *des cuvettes* (кюветы), *des épices* (пряный), *des sels parfumes* (благовония).

Дар тоқҳо мису мискина, чиннivorӣ, чойнику пиёлаҳои қирмизӣ, табақҳои қашқарӣ, гулдонҳои хитой гузошта буданд [214, 393].

В глубоких нишах, вделанных в стены, стояла медная и фарфоровая посуда, дорогие чайники и пиалы, кашгарские блюда, китайские вазы... [213, 374].

Dans des niches profondes se trouvaient de la vaisselle de cuivre et de porcelaine, des théières et des tasses de grands plats, des vases chinois... [216, 474].

Китобҳо дар ҷояш, чойнику пиёлаҳо аз чирк тоза шудаанд, гарду чанги рӯи ин гилеми кӯҳна камтар нест шуда гулҳояш аён ғаштааст... [214, 184].

Книги в порядке, чайник блестит, пиалы сверкают, на паласе ни соринки – даже рисунок видно... [213, 184].

Les livres sont à leur place, la théière brille, les tasses sont propres pas une saleté sur la nappe, on en voit même le dessin... [216, 236].

Французскими эквивалентами однородных существительных *китобҳо, чойнику пиёлаҳо* являются: *les livres, la théière, les tasses*.

н) Существительные с конкретно-предметным значением. Конкретные существительные выражают людей и предметов реального мира. Они состоят из отдельных копий, исчисляются, имеют вес, форму, объём и вкус. [141,21]. Существительные с конкретно предметным значением выражающие предметы, так же могут иметь множественное число. В произведении к этой группе слов относятся лексемы *тўпҳо, зинаҳо* (*canon, les esclaliers*).

Фирӯза ва Асоро ҳам овози гулдурроси **тӯнҳо** аз хоби ширин сахарӣ бедор кард [214, 521].

Пушечный гром разбудил Фирузу с Асо – он вернулся на рассвете [213, 479].

La bruit du canon avait réveillé Friouza et Asso qui était revenue à l'aube [216, 602].

Муҳаррами Фарч ғур-ғури бисёре карда, аз ҷо бархосту оҳиста-оҳиста ба болои **зинаҳо** баромада, ба роҳрави даромадаи ҳаммом нигоҳ кард [214, 396].

Ворча и тяжело отдуваясь, Мухаррама встала с места, тихонько поднялась по **ступенькам**, заглянула в проход, ведущий к бане [213, 377].

Tout en rochonnant, Moukharrama se leva, grandit les escaliers qui menaient à l'entrée [216, 477].

Переводчик представил существительное **тӯнҳо** в единственном числе, а существительное **зинаҳо** при помощи артикля множественного числа и собирательного суффикса *les escaliers*, что является вполне оправданной методикой.

В следующих примерах существительные *дар*, *тиреза*, *девор* выражены суффиксом множественного числа «-ҳо»:

Чаҳор дари васеъ ва калони он хона ба вай ба айвон кушода мешуд, ки ҳоло дар ҳамаи он **дарҳо тирезаҳои** рангин ва шишакорӣ шинонда буданд. Нақшу нигор ва гулқори **деворҳои** он хона мислу монанд надошт [214, 285].

Четыре просторные двери вели на террасу; двери были украшены цветными витражами. Краски на **стенах**, балках, потолке, **дверях** и **окнах** гармонично сочетались; им в тон во всю комнату был разостлан огромный ковер [213, 278].

Les teintes des murs, des piliers, du plafond, des portes et des fenêtres s'harmonisaient très agréablement; un immense tapis couvrait le plancher [216, 363].

Миршаб хатро бӯсида, ба чашмонаш молид, нолаю фиғон кард, сараширо ба деворҳо зад, ба тасаллӣ доданҳо ва насиҳати занони пир ва хешу табор гӯш накард [214, 310].

Миршаб поцеловал письмо, приложил его к глазам и стал биться головой о стену, громко рыдая и крича, не слушая ничьих увещаний... [213, 304].

Le mirchab couvrit la letter de baisers, il la porta à ses yeux et se mit à se frapper la tête contre le mur, songeation et criant, sans écouter les paroles de consolation qu'on lui prodiguait... [216, 393].

Французский перевод существительных *дарҳо*, *тирезаҳо*, *деворҳо* осуществлён посредством неопределенного артикля для обоих родов во множественном числе *des* и суффиксом «-s»: *des portes et des fenêtres, le mur*. Однако существительное *деворҳо*, представленное во множественном числе, во французском варианте выражено в единственном числе *le mur*.

Дар гирди сутунҳо ва дар таҳти деворҳои он собот панҷ-шаши нафар девонаҳо буданд, ки баъзе аз онҳо нишаста хомӯш ва сар ба чоҳи тафаккур фуру бурда, аз олами ҳастӣ беҳабар, баъзеҳо ба замини нам рӯйнокӣ ва ё лӯнда шуда хобида; баъзеҳо ба по рост истода ва ҳаракатҳои бешуурона аз худ вонамуда; баъзеҳо бо сояҳои муҳаррики сутунҳо ва ашӯҳои собот дар мусобиқа ва мучодила... [214, 243].

Два толстенных столба подпирали крышу; у столбов и у стен в разных позах расположились больные. Одни сидели прямо на земле, погруженные в свои думы, как бы отрешенные от мира; другие лежали свернувшись. Некоторые стояли, дергаясь и производя произвольные дикие движения [213, 239].

Les malades était installes près de ces piliers et près des murs. Ils étaient assis sur le sol, plongés dans leurs pensée comme détachètes du monde; [216, 309].

... ба вагонҳо басту ором гирифт [214, 475].

Наконец он выстроил в ряд все пустые вагоны [213, 445].

Enfin, tous les wagons furent en place [216, 562].

Существительные сутунҳо – *ses piliers* и деворҳо – *des murs* в обоих языках имеют форму множественного числа, как и указательное местоимение *ses* (*инҳо*). Если в первом примере существительное *деворҳо* представлено в единственном числе, то во втором – во множественном *des murs* посредством неопределенного артикля для обоих родов *des* и суффикса «-s».

о) Существительные, выражающие профессию, специальность, род занятий. В произведении данная группа лексем также образуется посредством суффикса множественного числа «-ҳо»: *дарзиҳо*, *созандаҳо*, *коргарҳо*, *табибҳо*.

–Духтар бахти худаширо оби чаим қатӣ меиӯяд! – гӯфт яке аз дарзиҳо [214, 299].

–Девушка слезами обмывает свое счастье! – наставительно сказала одна из портних [213, 294].

–Les jeunes filles baignent leur Bonheur dans des larmes! fit l'une de couturières [216, 384].

Дар пеигоҳи ин хона шаҳшинине буд, ки дар он амир менишаст, дар байни созандаҳо менавохтанд ва раққосон рақс мекарданд [214, 498].

В передней части огромного зала возвышался эмирский трон. Женщины и гости сидели ниже, а посредине зала играли музыканты и танцевали танцовщицы [213, 460].

A l'entrée de cette immense salle se trouvait le trône de l'émir. Les femmes et les hôtes s'installaient plus loin, au milieu de la salle se plaçaient les musiciens danseuses [216, 582–583].

Лекин дар депо устоҳо ва коргарҳои рӯздидаи рус бисёр буданд [214, 318].

Там работали опытные русские железнодорожники, мастера и путейские рабочие [213, 313].

*D'habiles **ouvrières** du chemin de fer, des Russes, y travaillaient* [216, 400].

***Табибҳои** маишӯри Бухоро аз табобат оқиз шуданд* [214, 53].

*Прославленные бухарские **лекари** бессильны ему помочь, не знают, что делать, какое дать ему лекарство* [213, 56].

*Les plus célèbres **médecins** de Boukhara étaient impuissant à l'aider* [216, 71].

Синонимом существительных *дарзиҳо* – *des couturières*, *созандаҳо* – *les musiciens*, *устоҳо* – *ouvriers* является единица *travailleur* – *коргарҳо*. Французским аналогом слова *табибҳо* считается *les médecins*. Во французском языке, в отличии от правил грамматики таджикского языка, прилагательное также может быть выражено во множественном числе. Так, *les musiciennes* образовано посредством суффикса «-s» и определенного артикля множественного числа для обоих родов *les*.

п) Существительные, выражающие небесные тела. В произведении такие лексемы встречаются достаточно редко. Относительно высокой частотностью употребления отличается только существительное *ситора* (звезда).

– *Ситораҳои осмон ба ман чашмакӣ зада гуфта истодаанд, пагоҳӣ дар Бухоро барф мешавад* [214, 240].

– *Звезды с неба подмигнули мне, дали понять, что завтра утром в Бухаре пойдет снег* [213, 236].

*Du haut des cieux **les étoiles** m'ont fait des clins d'œil, elles m'ont dit que demain il neigerait à Boukhara* [216, 306].

При переводе на французский язык использован неопределенный артикль для обоих родов во множественном числе, суффиксы «-s» (*les étoiles* – *ситораҳо*) и «-x» (*des cieux* – *осмонҳо*). Универсальным аналогом существительного *des cieux* – *осмонҳо* во французском языке принято считать термин *le ciel*.

р) Существительные, обозначающие религиозные, теологические понятия и элементы специальной терминологии. В исследованном

материале из данной группы встречаются только лексемы, заимствованные с арабского языка как «авлиё», «анбиё» в форме авлиёҳо, анбиёҳо.

Эти две единицы имеют теологическую характеристику и в словаре «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Толковый словарь таджикского языка) комментируются таким образом: Авлиё а. او اليا. ч. Валӣ; 1. д. святые люди, которые могут изобретать и предугадать. 2. Великие: святые государства [208] анбиё а. انبياء. пророки, апостолы [208].

Указанные существительные были переведены на французский язык таким образом: les prophètes, то есть “пророки”, что является грубой системной ошибкой.

–*Ман аз Худо ва аз ҷумлаи авлиёю **анбиёҳо** мехостам, ки шуморо расонад* [214, 411].

–*Я молил бога и всех его **пророков**, чтобы они послали мне вас, сестрица* [213, 391].

–*J'ai prié Dieu et tous ses **prophètes** pour qu'il vous fassent venir* [216, 496].

Таким образом, детальный анализ фактического материала на предмет различных номинаций имён существительных с участием суффикса множественного числа «-ҳо», соответствующий суффиксу французского языка «-s» показал:

а) Формообразующий суффикс «-ҳо» в таджикском языке выполняет универсальную функцию и в романе «Дочь огня» Джалола Икрами отличается относительно высокой частотностью употребления.

б) Наличие суффикса формообразования существительных «-ҳо» идентифицирует множественное число имён существительных.

в) Указанный суффикс в однородных существительных используется отдельно и в конце слова.

г) в произведении имеются несколько групп существительных, обозначающих дореволюционные понятия, которые сегодня относятся к архаизмам.

д) Множественное число существительных во французском языке образуется посредством суффикса «-s», неопределенного артикля для обоих родов.

е) Неопределенный артикль во французском языке наряду с собирательным суффиксом таджикского языка имеет идентичную функцию.

ё) Отсутствие некоторых существительных или неадекватный, или некорректный их перевод с таджикского языка на французский может усложнять когнитивный процесс восприятия языкового материала.

1.2. Функциональная характеристика суффиксов «-он» «-гон», «-вон», «-ён» и их французских аналогов в выражении категории множественности

Суффикс «-он» является одним из базовых элементов в процессе образования множественного числа лексических единиц таджикского языка. Сведения об этой морфеме встречаются даже в древнейших источниках по грамматике, согласно которым данный суффикс выражает множественное число одушевленных предметов, а словообразовательный элемент «-ҳо» присутствует в составе неодушевленных существительных множественного числа. Суффикс «-он» и его грамматические варианты часто используются в литературном таджикском языке. Как отмечает О. Джалолов, названия «предметов, которые исторически образованы суффиксом «-он» и его вариантами, в современном таджикском языке выражают номинации кварталов, местностей и деревень, например, деревни Кубодиён, Харангон и т.д. [51, 25].

Вопрос функциональных особенностей суффикса «-он» активно рассматривается в специализированной научной литературе. В некоторых источниках упомянуто, что суффикс «-он» используется в

составе только одушевленных существительных [44]. Однако мы уверены в контрадикторности этой позиции, поскольку анализ примеров показывает, что данный суффикс присутствует и в составе неодушевленных существительных, таких как *лабон*, *дарахтон* и т.д. В частности, в романе «Дочь огня» словообразовательный элемент «-он» и его грамматические варианты часто встречаются в одушевленных существительных:

а) Существительные родства:

–*Падарон ва модарони мо ҳеҷ гоҳ аз дили мо хабар намегиранд, ҳеҷ гоҳ розигии маро намекурсанд!* [214, 274].

–*Родители не спрашивают нас о наших чувствах. Никогда!* [213, 268].

–*Nos parents ne nous demandent jamais nos sentiments. Jamais!* [216, 348].

Мардум ҳамдигарро мехӯранд, ҳатто падарон писарони худро дидаю дониста ба зери наъли мӯзаашон гузашта маҷақ мекунанд ва баъд дилу ҷигари ӯро канда канда... [214, 254].

Люди пожирают друг друга, родной отец губит сына, рвет его сердце на части... [213, 250].

Les hommes s'entredévorent le père tue le fils, il lui déchire le cœur... [216, 324].

В вышеприведенных примерах существительные *падарон*, *модарон*, *писарон*, выраженные посредством суффикса множественного числа, переведены как *nos parents* (*волидон* – родители), хотя наиболее точным аналогом является *волидони мо* – наши родители, которое представлено притяжательными местоимением *nos* для обоих родов. Во втором предложении *падарон* (отцы) и *писарон* (сыновья) переведены в единственном числе – *le père tue le fils* в то время, как корректным вариантом указанных существительных является – *les pères, les fils*.

Следует отметить, что согласно правилам французского языка, в случае окончания существительного или прилагательного на согласные «-s», «-x» или «-z», образование их множественного числа не

предполагает изменение состава лексемы. Идентифицировать множественность предмета можно по наличию определённых и неопределённых артиклей, указательных и притяжательных местоимений для обоих родов. Например, un pays – des pays (страна – страны), un bras – des bras (рука – руки), un voix – des voix (голос-голоса), un nez – des nez (нос-носы)

Пас аз ин дӯстон бо завқу шавқ оиро хӯрданду дастурхонро ғундоштанд [214, 189].

Тут все дружно налегли на плов, с аппетитом съели. Убрали посуду [213, 188].

Et tous se mirent à manger le pilaf avec bon appetite. Ils nettoyèrent ensuite la vaisselle [216, 242].

Гумон кард, ки боз муфаттиши нурсидан мехоҳад; не, ба дидани ӯ ёру бародаронаш Смирнов, Умарҷон ва Амонҷонҳо омада буданд [214, 366].

Он ожидал, что его снова поведут к следователю, но оказалось, что к нему пришли друзья: Смирнов, Умарджон и Амон [213, 356].

Il pensait qu'on allait à nouveau le questionner, mais c'étaient ses amis qui étaient venus le voir: Smirnov, Oumar-djan et Amon [216, 456].

Занаи ҳам – Оймуллои Танбӯр, ки номи аслиаш Каримабону будааст, бо мактабдорӣ машғул шуда, аз ҳаққи таълими духтарон – хусусан давлатмандон даромади нағз доштааст [214, 15].

Сама Оймулло Танбур – настоящее имя ее было Карима, содержала школу для девочек и получала с нее хороший доход [213, 17].

Oïmoulo- Tanbour, son nom véritable était Karima, dirigeait une école pour jeunes filles, elle avait de bons revenus [216, 19].

В первом предложении существительное *дӯстон* переведено устанавливающим местоимением *ҳама tous*, что является ошибочным, так как корректная форма существительного *дӯстон* – это *les amis*. Во втором предложении перевод существительного *духтарон* можно считать корректным: *les jeunes filles*.

б) Существительные, выражающие лицо (личность), профессию, род занятий. Важно отметить, что подавляющее большинство лексем входящих в данную категорию, были образованы от глагольной основы суффиксальным и префиксальным способами и сохранили только генетическую связь с глаголами.

Круг и границы грамматической задачи суффикса «-он» (-гон, -ён, -вон) ограниченный и узкий чем суффикса «-ҳо». Суффикс «-он» больше всего употребляется во множественном числе с существительно обозначающую лицо: гуломон (рабы), ятимон (сироты), батракон (батраки) [141, 27].

Например, *одамони роҳгузар* (пешеходы, прохожие).

Ин дафъа дар назди мадрасачаи лаби ҳавзи Арбоб Аширафҷонро дид, ки нишастааст ва чаимаш ба роҳгузарон аст [214, 214].

На этот раз он сидел на обычном месте и внимательно всматривался в прохожих [213, 211–212].

Cette fois il était assis à sa place et examinait attentivement les passants [216, 273].

– *Шӯхӣ не, – гуфт бой. – Ман фахр мекунам, ки шуморо аз дасту рақибон бо қуввати бозу, хун рехта гирифтам* [214, 149].

– *Я не шучу, а горжусь тем, что отвоевал вас у своих соперников, пролил кровь за вас* [213, 150].

– *Je ne plaisante pas. Je suis fier de l'avoir emporté sur mes rivaux, je verse mon sang pour vous* [216, 193].

Существительное *роҳгузарон* – *les passants* представлено во множественном числе при помощи определенного артикля множественного числа *les*. Однако при переводе на французский существительное *рақибон* не было учтено, что обусловило некую смысловую несостоятельность контекста. Мы полагаем, что лексема *concurrent* смогла бы более точно передать задумку автора романа.

В следующих примерах существительные *лаблабуфурӯшон*, *обфурӯшон*, *ғӯломон*, *канизакон* (продавцы свеклы, воды, рабы, наложницы) выражены во множественном числе:

Дар пеши дарвозаи ин ҳаммом ва атрофи он ҳамеша гадоён, рамолон, лаблабуфурӯшон, агар тобистон бошад, обфурӯшон меншиастанд ва ҳамеша онҳо толибони худро дар ин ҷо меёфтанд [214, 228].

У ее ворот и в округе постоянно толкались нищие, гадальщики, торговцы печеной свеклой, а летом – водой [213, 225].

*Devant la porte de l'établissement grouillait toujours une foule de mendiants, de diseurs de bonne aventure, de **marchands de betterave** cuite et, l'été, **des porteurs d'eau*** [216, 290].

– *Ҳозир-ку ғулом ҳам несту каниз ҳам нест, – гуфт Оймулло, – лекин пештар, дар вақти будани бозори ғуломон ҳам, канизаконро* мехонондаанд ва аз байни онҳо чунон *олимаҳо* мебаромадаанд, ки ҳамаро ҳайрон мекардаанд [214, 25].

– *Ну, сейчас у нас, слава богу, нет ни рабов, ни невольниц, – отвечала оймулло. – Да и раньше, когда еще был невольничий рынок, все же иногда и рабынь обучали, и среди них были такие образованные, что все диву давались...* [213, 28].

– *Grâce au ciel, il n'y a plus **d'esclaves** chez nous, répondit Oïmoulo. D'ailleurs même avant, lorsqu'il existait un marché **aux esclaves**, on faisait parfois étudier celles-ci et il y en avait de si savantes qu'elles étonnaient tout le monde...* [216, 33].

Существительные *лаблабуфурӯшон*, *обфурӯшон*, номинирующие род занятий, переведены на французский язык следующим образом: *machands de betterave, des porteurs d'eau*. Нужно отметить, что существительные *marchand* – продавец, *marchands de betterave* – *лаблабуфурӯшон* (продавцы свеклы) – переведены релевантно смыслу, но единица *обфурӯшон* (продавцы воды) – выражена как *des porteurs d'eau*, хотя точным её эквивалентом является *marchands d'eau*, что передает

значение *машкoб* (водонос, разносчик воды) или люди, которые таскают воду.

Существительные *ғуломон*, *канизакон* (рабы, наложницы) на французский язык переведены одной лексемой *les esclaves*. Слово *канизакон* – *esclaves* выражено предлогом краткой формы *d'* и суффиксом «-s», во втором *esclaves* использовано во множественном числе со слитным артиклем *aux* и суффиксом «-s».

В следующих примерах единицы *мансабдорон*, *сардорон* (чиновники, начальники) использованы во множественном числе:

Фақат гоҳ-гоҳ сарт гуфта ба вай бо назари таҳқир нигоҳ кардани баъзе аз сардорони кор, ҳақорат додани баъзе мансабдорон ӯро сахт меранҷонданд ва дар ин дақиқаҳо ӯ худро танҳо, бекас, беҳуқуқ ва бехонумон медид ва хориаш меомад [214, 327].

*Порой только эту безоблачную радость нарушало чувство обиды, когда **некоторые русские** начальники называли его презрительно сартом или за какое-нибудь пустячное упущение кричали на него* [213, 321].

*Parfois seulement il était offensé lorsque **certains chefs** russes s'adressaient à lui sur un ton de mépris, ou se mettaient à hurler pour quelque bêtise. Cela assombrissait sa joie. Il lui semblait alors qu'il était à nouveau seul et n'avait aucun droit* [216, 410].

Ин пири нехисол, ки ба Ҳайдаркул хеле одат карда монда буд, ба сардорон ариза дода, илтимос карда, ӯро ҳам ба бемористон ба вазифаи санитарӣ қабул карда гирифт... [214, 383].

Врачом там поставили Израиля Борисовича. Вскоре он добился чтобы Ҳайдаркула направили к нему санитаром [213, 366].

Israïl Borissovitch en fut nommé médecin. Il obtint bientôt qu'on lui donna Khaïdarkoul pour aide [216, 466].

Существительные *мансабдорон*, *сардорон* (чиновники, начальники) переведены на французский язык при помощи суффикса «-s», *certain*s *chefs* в значении «некоторые чиновники». Во втором примере слова

сардорон было пропущено переводчиком. Сложное существительное *муфтхӯрон* (дармоеды), состоящее из двух лексем, также было проигнорировано при переводе. Адекватным аналогом *муфтхӯрон* (дармоеды) является фраза *chercheur de franche lippée* и слово *écornifleur*, ввиду наличия общего смысла.

– *Рост гуфтӣ, духтарам, – гуфт Ҳайдарқул. То ба он даме, ки дар дунё ин муфтхӯрон зиндагӣ доранд, мо ягон луқмаи беқиллу ғаш хӯрда наметавонем* [214, 435].

«–*Верно, дочка, верно*», – *сказал Ҳайдарқул. – Мы не пропадем, если будем держаться друг за друга* [213, 412].

–*Bien sûr, ma fille, bien sûr, répondit Khaïdarkoul. Si nous nous aidons les uns les autres, nous ne serons jamais perdus* [216, 522].

В приведенном примере французским эквивалентом существительного *савдогарон* является *marchands*, выраженное в форме единственного числа.

Дар шаҳр дар даҳлези бойтарин савдогарон ҳам қандил дида намешуд, аммо дар ин по қандили булӯрини шилишладор дар миёнаҳо аз сақф овезон буд [214, 284–285].

С середины потолка свисала хрустальная люстра, какой не увидишь в доме у самого богатого бухарского купца [213, 278].

Au milieu du plafond pendait un lustre de cristal tel qu'on n'en pouvait pas même voir chez le plus riche marchand de Boukhara [216, 362].

Лексемы *савдогарон* (купцы) и *marchand*, по сути, являются аналогами, однако единственное их отличие обусловлено контекстом употребления: в таджикском языке слово *савдогарон* имеет множественный числовой показатель, а в переводном варианте выражен в единственном числе.

...бисёрии бузургон ва аркони давлати амир аз ҳар ҷиҳат маҷони ӯ буданд [214, 508].

...большинство вельмож и важнейших **чиновников** были ее должниками [213, 470].

... *la plupart des **fonctionnaires** et des dignitaires étaient ses débiteurs* [216, 589].

Существительное *бузургон* также выражено в форме множественного числа при наличии суффикса «-он» и переведено на французский язык при помощи суффикса «-s». Таким образом, единица *fonctionnaires* представлена в значении *давлатманд* (богатый), *коркуни давлат* (государственный служащий), *мансабдор* (чиновник).

Ë он моҳиён камустухон буданд, ё ки моҳипазон моҳир ва устоди кори худ буданд ва ё ҳар ду [214, 79].

*Может быть, просто **рыба** была такая – без костей – или уж так искусно ее готовили **повара** – не знаю, а возможно и то и другое* [213, 82].

*Peut-être était-ce un **poisson** fait ainsi, sans arêtes ou peut-être **les cuisiniers** étaient-ils vraiment habillés à le préparer, je ne sais, peut-être était-ce et l'un et l'autre* [216, 104].

*Дар ин паскӯча ҳавлиҳои калони каршастии **бойҳо** ва **амалдорон** набуда, асосан ҳавлиҳои бева ва бечораҳо, ҳунарпешагон ва косибон ҷо гирифта буд* [214, 5].

*В этом переулке не было **больших** и **богатых** домов баев и городских **начальников**, в маленьких домишках здесь ютились кустари – ремесленники и бедные вдовы* [213, 6].

*Dans cette ruelle il n'y avait aucune demeure de bai ni celles **des notables** de la ville: dans ces minuscules mesures vivaient de petits artisans et de pauvres veuves* [216, 6].

Существительные *моҳипазон* (готовящие рыбу), *амалдорон* (чиновники), образованные посредством суффикса «-он», переведены на французский язык как *les cuisiniers, des notables*, которые, в свою очередь, были сформированы с помощью определенного артикля *les*,

неопределенного *des* для обоих родов и суффикса «-s». В следующем предложении слово *равғангарон* (маслобойщики) выполняет функцию имени собственного в форме множественного числа, обозначающего месторасположение объекта.

Чў тавре ки тахмин кард, он ҷо Сари Пули Равғангарон буд [214, 159].

Оглядевшись кругом, он понял, что находится в квартале Сари Пули Равғангарон [213, 160].

Il regarda autour de lui et comprit qu'il se trouvait dans le quartier de Sari Pouli Ravgangaron... [216, 207].

Поскольку единица *равғангарон* является именем собственным, на французский язык она переведена буквально – *ravgangaron*.

В романе однородные существительные, обозначающие профессию и род занятий, представлены, как правило, во множественном числе:

Дар рӯзҳои сайр ба назди дарвозаи Чашмаи Айюб фурӯшандаҳои бисёре – ҳалвофурӯшон, обидандон, ва ҳалвои баққолифурӯшон, писта ва донакшӯракфурӯшон, мевафурӯшон, обфурӯшон, нонфурӯшон, аттор ва чарчинфурӯшон ва ғайра фурӯшандагон зочабозу масхарабозу фолбину раммолу гадою саққои бисёре чамъ мешуданд [214, 409].

В дни гуляний у кладбищенских ворот шумела и толкалась разноголосая толпа продавцов халвы, фисташек, абрикосовых косточек, поджаренных с солью, лепешек, фруктов, воды, разносчиков галантерейных товаров и пряностей [213, 389].

En ces jours-là, une foule bigarrée de marchands de khalva, de pistaches, d'abricots secs, de galettes, des vendeurs d'eau et dépicés entouraient avec bruit la porte du cimetière. Des acteurs du théâtre des marionnettes, des saltimbanques, des diseurs de bonne aventure, des devins, des mendiants, des mutilés s'y rendaient aussi [216, 494–495].

Данный однородный ряд представлен следующими лексемами: *Ҳалвофурӯшон* (продавцы халвы) – *bigarrée de marchands*, *писта ва донак*

фурӯшон (продавцы фисташек и косточек) – de pistaches, *мевафурӯшон* (продавцы фруктов) – d’abricots secs, *обфурӯшон* (продавцы воды, водоносы) – des vendeurs d’eau, *нонфурӯшон* (продавцы хлеб) – de galettes, *аттор ва чарчинфурӯшон* (парфюмеры и галантерейщики) – et dépicés. Важно отметить, что релевантными аналогами существительного *фурӯшандагон* являются единицы marchands или des vendeurs.

В приведенном выше примере ряд существительных представлен посредством такого переводческого приёма, как обобщение: *зочабозу масхарабоз – des acteurs du théâtre, des marionettes; фолбину рамол – des diseurs de bonne aventure des saltimbanques, des devins; гадо – des mendiants саққо – des mutilés.*

Пеш аз саҳлавхонаи ҳарам даромадан, онҳоро дар бандаргоҳ Қаровулон–сарбозҳои шамшердор боздоштанд [214, 283].

Тут их остановили стражники, стоявшие на карауле с саблями наголо [213, 276].

Là, elles furent arrêtées par des gardes le sabre au clair [216, 360].

Қаровулон-сарбозҳо (охранники и солдаты) являются существительными, номинирующими профессию, работу, род занятий. Выражены эти единицы во множественном числе при наличии суффиксов «-он» и «-ҳо» и переведены на французский язык одной лексемой des gardes, множественное число которой образовано посредством неопределенного артикля des и суффикса «-s».

... ба вай тақлид карда ҳама духтаракон даст бардоштанд [214, 195].

Ее примеру последовали девочки; она прочитала молитву и, как полагалось, провела руками по лицу [213, 193].

Les jeunes filles suivirent son exemple [216, 249].

Одамони захмдор ва бемор омада бо ёриши нағзхӯрандагон ва шайхон он бо ба чашма ғусл карда, аз лояш ба захмҳояшон молида гӯё шифо ёфта мерафтаанд [214, 409].

Отовсюду к источнику сходились больные, с соизволения **шейхов** и с помощью специальных суфи совершали омовения, натирали раны глиной и ухаживали, считая себя исцеленными [213, 389].

Des malades, avec la permission des cheikhs et avec l'aide du soufi, venaient de toutes parts pour se laver dans l'eau de la source, frotter leurs blessures de terre, puis repartaient en se croyant guéris [216, 494].

Существительное *шайх* (шейх), будучи одной из самых известных реалий арабского мира, не подвергалось каким-либо кардинальным лексическим трансформациям. Исключением является лишь фонетический её аспект, поскольку у каждого языка есть свои уникальные звукопроизносительные и ритмико-интонационные нормы, в соответствии с которыми и произносится данная лексема без «ущерба» для оригинальной «версии». Так, французский аналог представлен лексемой *le cheikh*. Существительное *шайхон*, в составе которого находится суффикс «-он», выражающий множественность, во французском языке приобретает суффикс «-s» и определенный артикль множественного числа для мужского и женского родов – *les*.

Для образования множественного числа в состав следующих существительных – *рафиқ*, *ёр*, *сангпушт* и *моҳӣ* (товарищ, друг, черепаха и рыба) необходимо внести суффикс «-он» или его вариант «-ён». Условия применения этих двух суффиксов зависят от нескольких факторов. Например, если существительное заканчивается на гласные -и, -о – употребляется суффикс «-ён». В следующем предложении лексема *моҳиён* образована согласно этому грамматическому принципу:

– *Воҳима накунед рафиқон!* – гуфт Умарҷон! [214, 349].

– *Без паники, товарищи!* – сказал Умарджон [213, 343].

– *Pas de panique, camarades!* dit Oumardjon [216, 441].

Аммо Ҳайдарқул давида, ба назди ёрон баромаду аз бағалаш дуто нон се-чор дона бодиринг бароварда ба рӯи дастурхон партофт [214, 185].

А Хайдарқул вытащил из-за пазухи пару лепешек, несколько огурцов и положил все это на скатерть [213, 185].

Mais Khaïdarkoul sortit de sous sa chemise deux galettes, quelques concombres et il plaça le tout sur la nappe [216, 237].

в) Имена собственные. В таджикском языке если нарицательные существительные с суффиксом «-он» имеющий множественного числа обозначают название местности или села, то они переходят к имена собственные [141, 19].

В романе практически все лексемы данной категории использованы в названиях местностей, площадей зданий, построек и т.д.

Роҳи онҳо аз растаи Кӯшмадраса, тағи тоқи Аллофон ва тоқи Мисгарон ва Регистони Бухоро мерафт [214, 281].

На площади перед Кушмедресе столтились, беседа, о чем-то, учащиеся медресе. Под аркой Аллофон стояли продавцы муки в обсыпанной мукой одежде. Удары по металлу доносились из-под арки Мисгарон, где находились ряды медников... [213, 275].

La voiture suivait un chemin qui passait sous les arcades d'Allofon et de Mizgaron pour se diriger tout droit vers Réghistan [216, 357].

–...Ҳаммомҳои ин гирду пеш баста шуда бошанд, ба ҳаммоми Кафшолак ё ки таи тоқи Саррофон раветон, он ҷо то ними шаб кушода [214, 343].

–...Если ближайшая баня закрыта, отправляйся в Кафшолак или в ту, что под аркой Саррофон... [213, 337].

–...Si l'établissement de bains le plus proche est fermé, tu iras à Kafcholak ou bien à Sarrofon... Ces établissements sont ouverts jusqu'à minuit [216, 433].

В составе этих существительных практически всегда используется суффикс множественного числа «-он». Как видно, в стремлении сохранить за объектом уникальное имя, переводчик использовал межъязыковую переводческую транскрипцию, то есть буквальное уподобление слова в языке оригинала новому слову, формируемому в тексте перевода: *Аллофон ва Мисгарон* – Allofon et Misgaron, *Саррофон* – Sarrofon и т.д.

В таджикском языке суффикс «-он» имеет три варианта: «-гон», «-ён», «-вон», позиция их использования зависит от фонемного состава слов. Если существительное заканчивается на согласную букву, тогда используется суффикс «-он». В случае окончания слова гласной -а – суффикс множественного числа «-гон».

... муйҳояи парешон ва афтаи ба девонагон монанд буд, ҷеғ зада баровард [214, 310].

... распуценными волосами, она была олицетворением ужаса и горя [213, 304].

... les cheveux dénoués, elle était l'incarnation de l'horreur et du chagrin [216, 392].

Бобои машкоб... гаранг ба мисли девонагон бо худ пичир-пичир кунон гап зада, дар суфаи канори ҳавзи Мирдӯстим менишаст [214, 499–500].

Староста водоносов... как безумный, разговаривал сам собой [213, 462].

Le chef des porteurs d'eau... Il fixait l'eau et parlait tout seul [216, 585].

Существительное *девозагон*, образованное при помощи суффикса «-гон», не было, однако переведено на французский язык. Хотя его французскими эквивалентами могут быть лексемы: *les fous, les idiots*.

Дар хонабудагон сару сурати ба тирсиён монанди Ҳайдарқулро дида, аз ҷо бархостанд ва бо вай салому алейку пурсупос карданд [214, 460].

– Собравишиеся встретили гостя стоя; почтительно поздоровавшись, усадили его на почетное место [213, 433].

On salua les nouveaux venus, puis on installa Khaïdarkoul à la place d'honneur [216, 551].

Вақте ки миршаб ба ҳавлиаи расид, хонабудагон ҳама хобида буданд [214, 224].

У миршаба дома все уже легли спать [213, 221].

Chez le mirchab, tout le monde dormait [216, 286].

Хонабудагон, состоящее из трёх компонентов – двух слов – существительного *хона*, глагола *будан* и суффикса «-гон», на

французский переведено *les nouveaux venus* в значении новопришедших (вновь прибывший). Этот французский эквивалент также является сложным существительным, то есть имеет в своем составе артикль *les*, слова *nouveaux* – новые (с суффиксом множественного числа «-х») и *venus* – пришедшие (омадагон) (суффикса «-s»). Существительное *хонабудагон* в втором примере представлен выражением *tout le monde* – все (местоимение *tout* – (все) и существительное *le monde* – (мир)).

Шунавандагон чунин ҳис мекарданд, ки садои танбӯр ва суруди шӯхи Оймулло дили онҳоро қитиқ мекунад, аз ин рӯ шавқашон меафзуд ва рақс карданашон меомад [214, 32].

Все оживились, веселая шуточная песня так и подмывала двигаться, всем захотелось танцевать [213, 34].

Tout le monde s'agita; cette chanson invitait à bouger et chacun eut envie de danser [216, 43].

Базовым переводом существительного *шунавандагон* на французский язык является лексема *auditeur*, однако в приведенном примере эквивалентом единицы «*шунавандагон*» стала слово *tout le monde* – ҳама (все).

Дар беруни ҳаммом ба рӯи кӯрпача ва якандозҳо, ки махсусан барои меҳмонҳо партофта шуда буд, ҳамаи омадагон давра нишастанд. Муҳаррама Гарч ҳамаро табрик карда, муборақбод гуфт [214, 232].

Для гостей расстелили тюфячки, подстилки, и Мухаррама Гарч поздравила всех присутствующих [213, 229].

On disposa des matelas pour les invités et Moukharrama-Garch vint leur porter ses félicitations [216, 296].

Les invités является французским аналогом существительного «*омадагон*» (пришедшие), хотя данный термин, выбранный переводчиком в качестве эквивалента «*омадагон*», считается не вполне корректным, поскольку основное его значение «приглашённые» не передает смысловую нагрузку контекста.

Как видно из примеров, существительные, которые оканчиваются на гласное –а, вместо суффикса «-он» они имеют суффикс «-гон».

– *Чӯ хел кушташудагон?* – пурсид Ҳайдарқул. – *Ман нафаҳмидам-ку?* [214, 348].

– *Каких погибших? Отчего они погибли?* – недоуменно спросил он [213, 342].

– *Qui est mort? De quoi? Demande-t-il, étonné* [216, 440].

Существительное кушташудагон (казненные) представлено как *Qui est mort* (кто умер? кӣ мурдааст). Следует подчеркнуть, что вопросительное местоимение кихо во французском языке определено единственным числом и поэтому глагол *mourir* в форме прошедшего времени представлен как *est mort* в единственном числе.

Дастаи созандагони Мукаррамча як пайт бози худро тамом накарда дастаи созандаи Тилло омада расид [214, 127].

Музыкантши Мукаррамчи еще не кончили играть, как уже пришли другие, с танцовщицей Тилло во главе [213, 128].

Les musiciennes de Moukarramtcha n'avaient pas encore fini de jouer que déjà arrivaient d'autres musiciennes qui accompagnaient la danseuse Tillo [216, 163].

Лексическая единица *созандагон* состоит из существительного *созанда* и суффикса «-гон». Её французским эквивалентом является *les musiciens*, образованное посредством артикля множественного числа для обоих родов *les* и суффиксом «-s».

Бисёри дар он чо будагон ба ин ҳаракати «заифаи беақл» бо қаҳру ситеза нигоҳ карда, дар дили худ ўро коҳиш карданд, вале азбаскӣ мавқеъ нозук буд, касе ба лаб кушодан ҷуръат накард [214, 436].

Мужчины с возмущением смотрели на глупую женщину, легкомысленно попиравшую старинный обычай [213, 413].

Les hommes regardèrent d'un air mécontent cette sotte qui osait enfreindre la coutume. Mais ce n'était pas le moment de faire du scandale et personne n'osa lui en faire la remarque [216, 523].

Дар оишона будагон ба сӯҳбат ва ханда машғул шуда, аз омадани он зан беҳабар монданд... [214, 21].

Те, кто были на кухне, не заметили ее прихода... [213, 24].

Ceux qui se trouvaient dans la cuisine n'avaient pas remarqué sa venue [216, 28].

Существительные *будагон* в первом примере образован при помощи суффикса «-гон» и на французский язык переведён словом *les hommes* (мужчины). Во втором примере оно переведено лексемой *ceux qui se trouvaient*, состоящей из указательного местоимения множественного числа *ceux*, местоимение *qui*, глагола *se trouver* и являющейся причастием прошедшего продолжного времени.

Ҳайдарқул сар хам карда, дуоеро хонду ба гирди атрофаи дамид ва баъд ба рӯи нишастагон бо диққат назар кардан гирифт [214, 462].

Хайдарқул сидел, опустив голову и шепча слова молитвы. Потом он поднял голову и стал вглядываться в лица сидящих [213, 434].

Khaïdarkoul était assis tête baissée, murmurant des prières. Puis il releva la tête et se mit à examiner les visages de ceux qui étaient assis [216, 553].

Существительное *нишастагон* при переводе представленное фразой *ceux qui étaient assis*, можно считать корректным.

Ҳама бошандагон низ ба рӯи ҳамдигар нигоҳ мекарданд, вале дар равшани лампаи даҳуми овеза чизи казоиеро дида наметавонистанд [214, 462].

... все молча смотрели друг на друга. Но при слабом свете десятилинейной лампы ничего нельзя было разобрать [213, 434].

Les autres se regardaient en silence. Mais la lumière était trop faible pour qu'on puisse remarquer quoi que ce soit [216, 553].

Лексема *бошандагон* переведена *les autres*, однако смысл французского аналога, выбранного автором перевода, не соответствует значению самого слова и контексту его употребления, т. е. лексема *les autres* означает *другие, остальные*.

Қисса кӯтоҳ, аз шаҳр омадагон чаҳорбоғро тамошо карда, аз гулҳои дарахтон канда, ба сару мӯи худ карда, то ба қарибихои девори чаҳорбоғ рафта, ниҳоят ба хона баргаишанд [214, 446].

Прятељницы долго гуляли. Они нарвали огромные букеты, украсили себя цветами и вернулись в дом [213, 421].

Les amies se promenèrent longtemps. Elles firent un énorme bouquet de fleurs, elles s'en mirent même dans les cheveux, puis elles rentrèrent à la maison [216, 534].

Французским эквивалентом существительного *омадагон* является *les amies*, хотя первоначальное его значение – это друзья, подруги (*дӯстон, дугонаҳо*).

Мо фуқаро бошем, бо калонишавандагон ва пошиообибиҳо рӯ ба рӯ нашуда бошем... [214, 278].

Я скромная, простая подданная его величества, со знатными господами никогда не встречалась... [213, 272].

Je suis une femme simple et modeste, je n'ai jamais eu l'occasion de rencontrer des notables... [216, 354].

Лексема *калонишавандагон* на французский язык переведена как *des notables*, что является идентичным значению *мансабдорон* (чиновники).

Вай то ба қарибии сайргоҳ дар фойтуни дуаспа омада, дар мушоияти як дугонааш аз фойтун фаромада, аз байни фурушандагон гузашта ба даруни дарвозаи мазори Чаишаи Айюб даромад [214, 410].

У самого кладбища она отпустила фэтон и, с трудом протолкавшись со служанкой сквозь разношерстную толпу торговцев, вошла в ворота [213, 390].

*Près du cimetière elle renvoya sa voiture et, frayant avec peine un passage parmi la foule **des marchands**, elle entra dans le cimetière* [216, 495].

Фурӯшандагон – des marchands является существительным, обозначающим профессию, род занятия, образуется при помощи суффикса «-гон». Французский эквивалент представлен во множественном числе с неопределенным артиклем множественного числа des для обоих родов и суффиксом «-s», также обозначающим профессию, род деятельности.

*Баъд худи Оймулло ҳамин ғазали аввалини девонро хонда доду хусусан ҳамин байтро такрор кард, ки **шунавандагон** лаззате гирифтанд.* [214, 272]

Прочла вслух несколько двустопных, объяснила их значение [213, 266].

Elle avait lu des vers à haute voix et les avait commentés [216, 347].

В данных предложениях зафиксировано опущение лексемы *шунавандагон* и в русском, и во французском вариантах перевода. Аналогом *шунавандагон* в русском языке является единица «слушатели», а французский эквивалент имеет форму мужского и женского родов (auditeur (м. р.) – auditrice (ж. р.)). Образование множественного числа французских лексем обоих родов требует наличия окончания – s (auditeurs – auditrices).

В соответствии с орфографическими правилами таджикского языка существительные заканчивающиеся на гласные звуки «и» и «о», требуют добавления суффикса «-ён» (ҷаҳониён, оламиён, намоишчиён, дороён, зиёиён).

*Чиниҳо мегӯянд, ки “вақто ки ду аждар меҷанганд **сангпуштон**, **моҳиён** ва **ғукон** маҳв мешаванд”* [214, 405].

У китайцев есть поговорка: “Когда воюют драконы, гибнут черепахи, жабы и рыбы” [213, 386].

Les Chinois ont un bon proverbe: “Lorsque les dragons se battent, ce sont les tortues, les grenouilles et les poissons qui meurent” [216, 489].

В случае окончания существительных заканчивается на гласные буквы «-у» и «-ӯ», используется суффикс «-вон» (охувон, абрувон, зонувон).

Чашмони сиёҳи бодомшакл, абрувони пайваста, риши култаи сиёҳ, бини рост ва ранги рухсораи ҳамеша арғувонӣ ва тоза дошт [214, 89].

...черные миндалевидные глаза, сросшиеся брови, черная окладистая борода, красивый прямой нос, прекрасный цвет лица, стройная фигура... [213, 91].

... des yeux noirs en amande, des sourcils bien fournis, une barbe noire, le nez droit, le teint clair, la taille élancée ... [216, 115].

Абрувон – брови переведено на французский язык лексемой *des sourcils*, образованной посредством суффикса множественного числа «-s» и неопределённого артикля множественного числа. Таджикский суффикс «-вон» обозначает бычно используется в составе лексем, обозначающих части тела (лабон – губы – les lèvres; бозувон – локти – les bras, (зонувон) – (колени – jénoix) и при номинации некоторых животных (охувон (газели)).

Следует подчеркнуть, что во французском языке для образования множественного числа в основном используется только один вид суффикса. Существительные сангпуштон – les tortues, моҳиён – les poissons и ғузон – les grenouilles образуются посредством артикля les и суффикса «-s».

– Дар ин ҳавлӣ касе ҳаст ё на? – гуфт ба лафзи эрониён Ҳайдарқул [214, 432].

– Есть здесь кто-нибудь? – спросил по-персидски Хайдарқул [213, 409].

– Y a-t- quelqu'un ici? demanda Khaïdarkoul il en langue perse [216 ,518].

Вай фарзанди яке аз муллоёни маишӯри Бухоро буда, бинобар он ба «Акамахсумӣ» ном бароварда, лекин худаи хоксор, олӯфта ва бо ҳама баробар буд [214, 163].

Он – сын известного в Бухаре муллы, отсюда и имя Махсум, которое дается обычно сыновьям духовных лиц. Но, несмотря на почтительное к нему обращение – Акамахсум, он был простой и скромный человек [213, 164].

*Il est fils d'un célèbre **mollah** de Boukhara, c'était un garçon simple et modeste [216, 211].*

Осюда вывод, что с помощью суффикса «-он» («-ён», «-вон») образуются множественное число не только одушевлённых существительных, но и некоторые не одушевлённые существительные обозначающее части тела.

г) Арабские суффиксы, образующие множественное число. Заимствование арабских грамматических элементов в таджикском языке имеет долгую историю и связано с процессом распространения ислама и арабского языка среди иранских народов. Арабы наравне с внедрением своей религиозной политики, старались распространить арабский язык в Средней Азии. Период их правления характеризуется появлением научных, литературных, историко-политических и других трудов, которые имели непосредственное влияние на таджикский язык. Как отмечает академик Бабаджан Гафуров, арабский язык как латинский, который в Европе считался языком научных произведений, эту задачу выполнил в завоеванных арабами странах [41].

Детальный анализ лексического состава таджикского языка показал, что большинство таджикских слов, имеют арабские корни. Сегодня эти лексические единицы настолько прочно вошли в таджикский язык, что многие из нас даже не подозревают об этимологии тех или иных арабских заимствований, считая их исконно таджикскими словами. В течении долгих лет большая часть арабских лексем входили в группу архаистических слов, а другая часть изменила свою семантику. Необходимо отметить, что арабские собирательные элементы в классической литературе наблюдаются достаточно часто. Образование множественного числа на арабском языке осуществляется и в

неискаженной, и в адаптированной формах. Неискаженная выражается суффиксами «-от», «-ёт», «-ин». Способ образования множественного числа арабского языка в таджикских словах наблюдается редко. Следует подчеркнуть, что арабский собирательный суффикс «-ин» считается непродуктивным в отношении образования слов во всех частях речи, кроме имени существительного, где он довольно активно используется для придания предмету множественности, например, *ҳозирин* (присутствующие), *мусофирин* (приезжие), *мухолифин* (противники).

Множественная форма арабского языка больше всего встречается в классической литературе, особенно в прозе: *ҳукамо* (ҳакимон – мыслители), *фузало* (фозилон – учёные), *вузаро* (вазирон – министры). В прошлом мыслители так же в множественных арабских словах добавляли множественные суффиксы таджикского языка: *мулукон* (мулук – чамъи малик – подшоҳҳо – падишахи (цари)), *аҷоибҳо* (чудеса), *аҳволҳо* (состояния), *аҳборҳо* (новости), *манозилҳо* (манзилҳо – жилища) [141, 28].

Языковед Б. Камолетдинов по поводу стилистических функций арабских суффиксов отмечает, что: «способы арабского образования множественного числа в тексте художественного произведения выполняют различные стилистические функции. В частности, это один из способов избегания лексических и смысловых повторов, а также возможность мастерски оперировать таджикскими и арабскими лексическими единицами. Помимо этого данный способ повсеместно применяется в материалах средств массовой информации» [57, 5- 6].

Джалол Икрами в своих произведениях в образовании множественного числа в основном использовал также таджикские суффиксы. Наряду с этим, в его романе «Дочь огня» было зафиксировано также слово «*харочот*», заимствованное с арабского языка во множественной форме и обозначающее «раходы», «затраты» от единственной формы слова «*харч*» (расход, затрата).

–*Тутаҷон, тӯи инишаба, ҳамин қадар хароҷот, ҳамин қадар ташивиш, наҳод, ки фақат аз барои ханда бошад?* [214, 35].

– *Бабушка, ведь на сегодняшнюю “свадьбу” столько истрачено денег, столько было хлопот и возни, – неужели это все только ради того, чтобы подишутить над бедной женщиной?* [213, 37].

Mais enfin, grand-mère, pour ce mariage, aujourd’hui, on a dépensé tant d’argent, tout le monde a eu tant à faire, n’était-ce vraiment que pour se moquer de cette pauvre femme? [216, 47].

Существительное *хароҷот* на французский язык переведено глаголом в прошедшем времени *dépenser* – *харҷ кардан* (расходовать, тратить). Однако слово *dépenser* – расходовать, тратить (*харҷ кардан*) не имеет никакой корреляции с именем существительным.

Итоги данной главы могут быть представлены в следующих положениях:

1. Анализ и интерпретация переводного материала показывают, что при переводе лексических единиц не было обращено должного внимания на их словарное и лексическое значение, следовательно, перевод этих слов не всегда соответствовал контекстуальному смыслу первоисточника.

2. При переводе отдельных частей текста оригинала некоторые слова, словосочетания были пропущены, что иногда может негативно отразиться на полноте понимания читателем содержания текста.

3. При рассмотрении языкового материала в рамках отмеченных во введении методов исследования выявлен факт неадекватного перевода целого ряда лексем, что может обусловить появление трудностей объективного и субъективного характера в процессе восприятия контекста.

4. Вариативный ряд суффиксов множественного числа в таджикском языке демонстрирует их разделение по степени активного использования этих суффиксов в процессе словообразования. Так, по

частности употребления приоритетная позиция сохраняется за суффиксом «-ҳо» в силу его универсальности.

Нами также были рассмотрены некоторые прямые переводы французских произведений на таджикский язык. В частности, роман французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери «Vol de nuit» (Ночной полёт) известный таджикскому читателю под названием «Парвози шабона», был переведён Туйчибоем Джумаевым. Именно это произведение (на языке оригинала и перевод на таджикский) стало дополнительным фактическим материалом и послужило ресурсной лингвистической базой нашего исследования.

Мы полагаем, что анализ некоторых предложений позволит предоставить дополнительные аргументы в пользу представленных выше положений, а также целей и задач, о которых было заявлено во введении работы.

*Le sommet se perdait très haut dans **les nuages** de neige... [215, 17].*

*Сари тӯфон дар баландӣ, дар байни **абрҳои** барфӣ нопадид буд,... [212,33].*

*Les **collines**, sous l'avion, creusaient déjà leur sillage d'ombre dans l'or du soir [215, 4].*

***Тепнаҳо** зери болҳои ҳавонаймо сояҳои сиёҳи худро алақай дар шоми тиллоранги фарорасида ғарқ мекарданд. [212,7].*

Примеры еще раз доказывают, что суффиксы множественного числа «-ҳо» (в таджикском языке) являются прямыми эквивалентами. Так, если во французском языке множественное число образовано с помощью суффикса «-s», то в таджикском языке – посредством суффикса «-ҳо».

Следующие предложения также показывают, что множественность предмета во французском языке образуется при помощи суффикса «-s», а в таджикском языке помимо суффикса «-ҳо» употребляется суффикс «-он» (*одамон, чавонмардон*).

Tout ce qui fait douce la vie des hommes grandissait vers lui : leurs maisons, leurs petits cafés, les arbres de leur promenade [215, 5].

Ҳамаи он чизе, ки ҳаёти одамонро хуш мегардонад – хонаҳо, қаҳвахонаҳои хурдак, хиёбонҳои ба сӯи ӯ ҳаракаткарда, бузург мешуданд [212,10].

Il nous a coûté beaucoup d'hommes, de jeunes hommes [215, 26].

Зебоие, ки ба қиммати ҳаёти одамони бисёр, махсусан ҷавонмардон, ба даст омадааст [212,52].

Говоря о грамматических категориях имен существительных таджикского языка стоит отметить о своеобразной разновидности категории числа древнеперсидского языка. Как и в других языках в древнеперсидском языке кроме единственного и множественного числа, существовало двойственное число. Оно употреблялось в различных синтаксических предложениях. Но со временем оно становится излишним и постепенно в многие индоевропейские языки утрачивается. Именно такая историческая предрасположенность способствовало тому, что в таджикском языке некоторые слова встречаются в форме двойственного арабского числа. Они образовались при помощи суффикса *-айн* : хасмайн (ду душман – два врага), қавсайн (ду қавс – две скобки (оба скобки)), тарафайн (ду тараф – две стороны (обе стороны)), зулфайн (ду зулф – две локоны (обе локоны)), давлатайн (ду давлат – два государства – обе государства) [141, 29 - 30].

Известно, что древнеиранские языки принадлежали к синтетическому типу с развитой системой флексий. Постепенно, в результате ослабления флективной структуры древнеперсидского языка уже в среднюю эпоху западно-иранских языков сохранились лишь остатки двойственного числа [1, 30].

В арабском языке двойственное число является одним из свидетельств того, что сама грамматическая категория числа в своем отвлеченном значении вырабатывалась постепенно, в процессе своеобразного преодоления сопротивления конкретного лексического

материала. Двойственное число отличается от формы множественного числа и употребляется при обозначении двух предметов как явлений. Во многих древних языках использовали двойственное число, но во многих, например, индоевропейских языках постепенно исчез из употребления. Известный ученый – арабист и семитолог, профессор Б.М. Гранде пишет: «Двойственное число имеет полное развитие лишь в арабском языке... Форма двойственного числа возникла, видимо, в самих семитских языках в весьма раннюю эпоху и первоначально употреблялась лишь для обозначения парных частей тела. Тенденция же к выработке особых форм для обозначения двойственного числа восходит, вероятно, еще к периоду до выделения семитских языков в качестве самостоятельных...» Потом он отмечает, что «первоначально человек обозначал различные направления по соответствующим частям своего тела. Например, **араб.** يَدَان [йадāни] (2 руки) означало «направление руки» ... и так далее». [45, 308 – 310].

Мы полагаем, что существование двойственного числа в арабском языке связано с тем, что он является единственным из семитских языков, которое даёт непрерывную цепь развития от древнейших времен до сегодняшних дней. Подтверждением этому является Коран. Когда мы читаем Коран мы видим что в течение тысяча четыреста лет своей существования не претерпел никаких изменений.

Во французском языке мы не наблюдали форму двойственного числа, но есть некоторые существительные, которые обозначают преимущественно предметы. Они состоят из парных частей и имеют форму множественного числа (*pluralia tantum*): *menottes* (наручники), *armes*(оружия) *ciseaux* (ножница), *tenailles* (клещи).

По мере развития человеческого мышления двойственное число становится излишним: форм единственного и множественного числа оказывается вполне достаточно для выражений количественных отношений. Процесс утраты двойственного числа пережили вообще многие индоевропейские языки (Например, латинский язык и итальянские

диалекты потеряли двойственное число ещё в доисторические времена, так что в историческую эпоху, известную нам, там сохранились лишь ничтожные остатки двойственного числа) [1, 28].

ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ТАДЖИКСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Артикль «-е» как показатель категории неопределенности и определенности в таджикском языке

Исследования, направленные на установление и системный анализ органической связи языка и мышления, в современной лингвистике становятся эпицентром внимания научного сообщества. В рамках этих работ особое место занимает вопрос о мыслительных или «понятийных» категориях, где одним из центральных направлений считается проблематика категории определенности/неопределенности. Это универсальное и вместе с тем уникальное явление традиционно выделяется в грамматических описаниях ряда языков и получает достаточно широкое толкование. Так, в специальной лингвистической литературе в контексте функциональной грамматики данная категория рассматривается в качестве коммуникативно-грамматической категории имени существительного. Следовательно, можно заявить об актуальности ее изучения как в общетипологическом (с неограниченным диапазоном сравнения), так и в сопоставительном (контрастивном) плане, предполагающем минимальный диапазон сравнения – два языка.

Категория неопределенности и определенности типологически относит таджикский и французский языки к так называемым артиклевому языкам. В таджикском языке заявленная категория выражается различными способами, самыми известными из которых являются морфологический, синтаксический и лексико-грамматический. [44, 156]. Во французском языке, например, значение определенности объекта реализуется посредством определенных артиклей

(«индивидуализаторов») мужского и женского рода единственного числа *le, la* и множественного – *les*. В выборе артикля ситуация общения и контекст так же играют важную роль.

Французский артикль является показателем определенного комплекса грамматических значений: мужского/женского рода, числа, считаемости/несчитаемости и определенности/неопределенности [144, 152].

Безусловно, представленные выше обобщения в рамках данной главы станут предметом анализа и соответствующей апробации. В частности, будут рассмотрены разновидности и функционально-семантические оттенки категории неопределенности / определенности на материале романа Дж. Икрами «Дочь огня» и его перевода на французский и русский языки.

На данном этапе развития таджикского языкознания взгляды таджикских ученых по вопросам категории неопределенности и определенности характеризуются противоречивостью. Еще в 1954 году известный ученый Шавкат Ниёзи издал монографию на тему «Существительное и прилагательное в таджикском языке», в которой рассмотрел упомянутую грамматическую категорию существительного. Автор следующим образом излагает свою позицию относительно роли артикля «-e» и его грамматических функций в выражении неопределенности существительного: «Существительные обладают категориями определенности, неопределенности и единичности. Неопределенность существительного выражается посредством суффикса «-e». Дар ҳамин вақт нонфуруше... // В это время какой-то продавец лепешек... Если существительное подчиняет себе качественное определение, то суффикс, выражающий неопределенность, связывается с прилагательным: Ин оби дурахшон монанди моҳи тобоне, ки дар паси абр медарояд...// Эта светлая вода подобно сияющей луне, которая прячется за облаками ... [88, 6].

Неопределенность и единичность (часто в разговорной речи) выражаются посредством числительного **як** (один) (як ҷавони тахминан 20–сола.... // Один 20–летний юноша...).

Для выражения неопределенности и единичности могут употребляться числительное **як** (один), суффикс «-е» и только одно существительное, в результате чего подчеркивается значение единичности и неопределенности: Кӯҳсоре, ки ин дарраро печонида гирифтааст, аз дур ба назаратон монанди як кӯҳпорае менамояд, ки ба дарунаш шикофе ва сӯрохие надошта бошад – Горы, окружившие ущелья, издалика кажутся подобно скале, внутри которой не существует ни одной дыры [88, 7].

На наш субъективный взгляд, артикль «-е» является суффиксом, хотя данный элемент не обладает его специфическими свойствами. В случае если существительное подчиняет себе качественное определение, то артикль «-е» принадлежит не прилагательному, а существительному. Следует отметить, что позиции ученых относительно принадлежности артикль «-е» к конкретной грамматической категории до сих пор сохраняют свой дискуссионный статус.

В.С. Расторгуева, А. Л. Хромов, Ш. Ниёзи, Р. Гаффаров считают артикль суффиксальным показателем, но Ю. А. Рубинчик, И. К. Овчинникова, Р. Л. Неменова – грамматическим показателем [100]. Мы придерживаемся мнения второй группы исследователей, поскольку в артикле отсутствуют все свойства суффиксального характера и в большинстве специализированных научных источников «-е» фиксируется как артикль.

2.2. Средства обозначения категории неопределенности и определенности в таджикском и французском языках

Известный ученый Р. Гаффаров в своей монографии «Язык и стиль Рахима Джалила» фрагментарно рассматривает категорию

неопределенности существительных. По его мнению, существительные выражаются в предложении тремя способами: умеренно, определенно и неопределенно. Неопределенность существительного представлена посредством артикля «-е» словами *як* (один), *ягон* (какой-либо), иногда местоимениями *ҳеҷ* (ничто) и *кадом* (который) [44,104–111]. Исследователь, отмечая стилистическую принадлежность такого грамматического средства, как артикль «-е» и лексических единиц *як*, *ягон*, *баъзан*, *кадом*, *ҳеҷ*, считает, что артикль «-е» относится к книжному, а *як* – к разговорным стилям. Ученый также фиксирует факт синонимии артикля «-е» и отрицательного местоимения *ҳеҷ*.

Известный ученый-лингвист Н. Маъсуми в «Очерках о развитии литературного таджикского языка» (1959), сравнивая язык классической литературы и современный таджикский язык, рассматривает особенности использования неопределенного артикля «-е» в творчестве С. Айни: «Использование «-е» в современном и классическом таджикском языке отличается только в изафетных сочетаниях. В таджикском языке классического периода наблюдается использование неопределенного существительного со своим определением, т.е. суффикс «-е» соединяется с существительным (определяемое) и не переходит к определяющему, («марде нек // добрый мужчина», «шаҳре ободон // благоустроенный город», «майдоне васеъ // широкая площадь») [76]. В современном таджикском литературном языке подобный способ выражения встречается в поэзии и иногда в прозе (к примеру, у С. Улугзаде – «пайдоиши шахсе донишманд» (появление умного человека), следовательно, упомянутое правило об элементе «-е» претерпело некоторые изменения, хотя он сохранил свою синтаксическую основу. Теперь в изафетных сочетаниях, даже если неопределенность свойственна существительному (определяемому), ее показатель – суффикс «-е» – располагается в конце определяемого. Этому принципу строго следовал и С. Айни при создании своих произведений: («порчай калонтаре» // сравнительно большой кусок [76, 85], «кофтукови бисёре» //

многочисленные поиски [76, 89], «хунари дигаре» // другой талант [76, 98], «ҳавои хубе» // хорошая погода [76, 109], «вақти муайяне» // определенное время [76, 133]).

В современном таджикском языке артикль «-е» и понятие неопределенности переходит в разряд определенности в случае, если слово является именем существительным (*хори гуле (колючка цветка), дарахти себе (дерево яблони)*).

Вопрос количества артиклей в таджикском языке отличается определённой степенью двоякости.

1. Согласно научным источникам, существует один артикль и этот артикль выражает и определенность, и неопределенность, а также имеет значение единичности и указательности.

2. Зафиксировано два одинаковых по форме артикля, которые придают существительным противоположные значения неопределенности / единичности / определенности / указательности / [44, 30].

Артикль ставит грань не значению существительного, а понятию предмета.

Востоковед Муравьева З. Л. в автореферате своей кандидатской диссертации «Артикль в современном таджикском и персидском литературном языках» номинировала эти два артикля, как «ограничивающий» артикль существительного и нулевой артикль. Наличие упомянутых двух артиклей можно наблюдать в «Грамматике таджикского литературного языка» (1985) и работе Ш. Рустамова «Существительное» (1981). Однако мы не можем согласиться с точкой зрения З. Л. Муравьевой. Поскольку свойства, которые она приписывает артиклю «-е», не его соответствуют реальным функциональным особенностям.

Исследователь Р. Джураев уверен в возможности одновременного употребления указательного местоимения и артикля «-е» с одним существительным. В современном таджикском литературном языке в

результате вытеснения «-e₂» из практического употребления, нормой считается синхронное использование артикля «-e» (выражающих определенность) и указательного местоимения (Он марде, ки // Тот мужчина, который) ... [12, 42]

С. Атобуллоев следующим образом определяет роль и функции артикля «-e» в формировании сложноподчиненного предложения с придаточным определительным предложением: «Артикль «-e», соединившись с существительными и субстантивными компонентами, входящими в состав главного предложения, которые описывают его признак и свойства в придаточных предложениях, указывают и подчеркивают различные грамматические и лексические значения и этим выполняют одну функцию с группой местоимений, наречий и адвербиальных сочетаний. Артикль в составе с существительных главного предложения, с одной стороны, в качестве относительного слова создаёт в придаточном предложении своего рода связь и зависимость, и, с другой – связывает между собой части предложения. Основная функция артикля «-e» состоит в том, что он, соединившись со словом–пояснителем главного предложения, разделяет предмет от всех, или от группы однородных предметов, а также какой–нибудь признак от множества других сходных показателей. Придаточное предложение характеризует предмет или указанный признак, проясняет и идентифицирует его в определенном аспекте [12, 140–142]. Ученый также отмечает, что местоимения, в частности отрицательное местоимение ҳеч, и ҳар выполняют функцию артикля «-e».

Усмонов К. в своей статье «Снова об артикле «-e» («Бори дигар дар бораи артикли «-e»»), проанализировав позицию ученых–лингвистов и диалектологов, пришел к следующим выводам:

1. Каждый из этих артиклей имеет свой этимологический источник: «-e₁» возник из «aiva», а артикль «e₂» – из «aita».

2. В простых предложениях при наличии неопределенного артикля при существительном использование указательных местоимений при этой лексической единице недопустимо.

3. Артикль «-е» в простых предложениях не придает существительным значения определенности и указания.

4. Именно структура предложения определяет выбор конкретного артикля. Или выбранный артикль обуславливает использование конкретной синтаксической структуры.

5. Существительное с «-е₂» иногда может дублировать функции существительного с «-е₁», в частности в вопросе предметной зависимости.

6. Если количественное числительное поясняет существительное, то связь с артиклем аннулируется.

Известный ученый Ш. Рустамов отмечает наличие двух артиклей в таджикском языке, о чем говорится и в «Грамматике современного таджикского литературного языка» [44]. Основная функция артикля «-е₁» – выражение неопределенности (Дар ҳамин дам аз рӯйи ҳавлӣ овози занаке баланд шуд // В это время во дворе послышался чей-то женский голос [44, 95]). В современном таджикском литературном языке для выражения неопределенности активно используется артикль «-е₁» и число **як**. В этой позиции артикль «-е₁» и слова «**як**», «**ягон**» выполняют одну функцию и могут заменять друг друга без рисков для потери смысла высказывания. Это свидетельствует о том, что функция артикля «-е₁» проявляется в выражении неопределенности и единичности. Артикль «-е₂» обладает определительным (указательным) свойством и в качестве его синонимов выступают указательные местоимения. Употребление артикля «-е₂» с существительными идентифицирует наличие придаточных определительных предложений: Саг аз **гуфтугузоре**, ки дар байни чӯпон ва оянда рафт ва ҳам аз **фармоне**, ки чӯпон ба худаш «ҷим!.. дам бихоб!» гӯён дод, пай бурд, ки оянда як шахси безарар будааст ва ором гирифт // Собака по **разговору** пастуха с пришедшим и приказу пастуха – «Тихо!

Лежать», по чувствовала, что гостьявляется безвредным, и успокоилась [44, 97].

В подобных существительных артикль «-e₂» выполняет указательную функцию, а объект, на который указывает этот артикль, находится в составе придаточного предложения. Поскольку в определяемом существительном указательные местоимения являются синонимом артикля «-e₂» то возможным становится и их одновременное использование. («– Он овозе, ки аз Чангали Ғарибмазор шунидӣ, нолаи шағолон аст // – Тот звук, который ты услышал из леса Ғарибмазор, это вой шакалов»). [44, 97].

Аналогичную особенность артикля «-e₂» отметили и другие исследователи. С. Халимов и К. Шукурова уверены в синонимичности артикля «-e», местоимений **ҳеч, баъзе, кадом, ягон** и числительного **як** (один), однако позиция ученых относительно артиклей «-e₁» и «-e₂» до сих пор остается неоднозначной [141].

Во французском языке выражение неопределенности и единичности существительного как грамматическая категория всегда привлекала внимание ученых–лингвистов. Французские существительные имеют род (мужской и женский) и число (множественное и единственное). Категория числа выражается, в основном, в формах артикля или ряда других определителей. Во множественном числе существительные женского и мужского рода имеют единый артикль. Выразить некоторые противоположные значения можно посредством трех форм артикля: *le* (или *un*) – для выражения единственного числа мужского рода, *la* (или *une*) – для выражения единственного числа женского рода и *les* (или *des*) для выражения множественного числа женского и мужского родов [31, 126].

Во французском языке артикль разделяют на: определенный и неопределенный. Термины «муайяни» (определенность) и «номуайяни» (неопределенность) подверглись к серьёзной критике языковедов, в частности русских, так как под категорией определенности

подразумевается конкретность предмета. Ещё Ж. Дамурет и Э. Пеншон считали *le, la les* определенными артиклями (*articles notoires*). [167, 468]. Эти артикли употребляются с существительными, которые уже были упомянуты в контексте.

Ю. В. Чудинова в своей диссертации «Определенный артикль во французском тексте и средства его передачи в русском языке» пишет: «Основными грамматическими функциями определенного артикля являются индивидуализирующая и генерализирующая. Индивидуализация является первичной семантической функцией определенного артикля, генерализация - вторичной» [144, 158].

Определенный артикль также используется в процессе идентификации конкретного предмета объекта из целого ряда аналогов.

Определенный артикль используется перед существительными в зависимости от категории рода (*le soleil, la lune, la terre, le ciel, la pluie*) и перед названиями природных явлений (*le vent, la neige, la pluie*).

La lune éclairait la neige (M. Druon). Моҳтоб барфро равшан мекард.
Луна осветила снег.

La chaleur était maintenant très forte (P. Boulle). Акнун гармӣ боз шаддидтар мешуд. Теперь жара становилась всё сильнее.

Во французском языке, кроме категории неопределенности и определенности, существует категория рода. Категория рода проявляет большое своеобразие, особенно в плане выражения.

Другие части речи (прилагательный, детерминативы, местоимения, глагол) также имеют категория рода, однако основным является род существительных.

В общем языкознании высказывалось мнение, что слова мужского рода обозначают первичные объекты, а слова женского рода – вторичные понятия. Французский язык в определенной степени подтверждает это наблюдение. Производные имена – наименования действий, качеств, абстрактных и собирательных понятий – в основном формируются с помощью суффиксов женского рода: *-tion, -aison, -eur, -*

erie, -aille, -esse, -ise, -ude, -té, -ade, -ée, -aie, -aine, etc. Из суффиксов мужского рода можно отметить: -âge, -ment, -is, -isme, -at [35, 69].

Категории определенности и неопределенности во французском языке имеют мужской род и женский род, которые представляются также в роли артиклей: la – определённый артикл женского рода, le – определённый артикл мужского рода, une – неопределённый артикл женского рода и un – неопределённый артикл мужского рода.

Категория определенности / неопределенности играет весьма важную роль в художественных и публицистических текстах. Так, языковые средства выражения определенности выполняют текстообразующую функцию, тогда как неопределенности – текстокомпозиционную.... Использование неопределенных существительных влечет за собой и подключение читателя к диалогу. В художественных произведениях встречается первичное упоминание о герое или предмете, событии с целью сообщить о субъекте, о котором пойдет речь в дальнейшем повествовании [48].

В таджикском языке грамматическая категория рода отсутствует, есть только биологический род выражающих людей: мард (мужчина), зан (женщина), додар (брат), хоҳар (сестра), духтар (девочка), писар (мальчик) и т.д.

Другой путь выражение рода в таджикском языке является словообразование. Для выражения различия рода к словам добавляются слова мард (мужчина), зан (женщина), духтар (девочка), писар (мальчик):

пирамард – пиразан (старик – старуха), чавонмард – чавонзан (молодой мужчина – молодая женщина), шоҳзода – шоҳдухтар (принц – принцесса).

В некоторые собственные имена существительные, род женских существительных образуются словами гул (цветок), моҳ (луна), бибӣ(биби): Раҷабмоҳ, Раҷабгул, Сафаргул, Сафармоҳ, Гулсанам, Бибираҷаб [141, 22].

В таджикском языке некоторые существительные арабского происхождения имеют и женский и мужской роды:

шоир – шоира (поэт – поэтесса), раққос – раққоса (танцовщик – танцовщица), котиб – котиба (секретарь – секретарша), муаллим – муаллима (учитель – учительница).

Ш. Рустмов в своей книге *Имя существительное в современном таджикском литературном языке* отмечает что «в течение долгого времени проводилась мысль о наличии категория рода (ҷинсият) в таджикском языке. Известную роль здесь играли многочисленные лексические заимствования арабских существительных женского рода, сохраняющие в таджикском формальные приметы, fem, а также способность воспроизводить определительные сочетания в которых оба компонента имеют приметы fem, как правило заимствования с арабского» [110, 41 – 42].

Название некоторые животные и птицы выражают значение рода:

Қучкор (овец), така (козёл), петух (хурӯс).

Буққа (бык), модбуз (коза), мокиён (курица).

Гендерно ориентированные имена существительные. Данная категория лексических единиц как в таджикском, так и во французском языках имеют схожую форму и употребляются без принципиальных грамматических отличий. В таджикском языке одушевленность и неодушевленность имен существительных не обладает статусом грамматической категории из-за отсутствия соответствующих идентификаторов. Однако можно наблюдать определенную группу имен существительных, которые представляют гендерно ориентированное значение, что и может в лексико-семантическом плане выполнять определенную роль категории рода.

Так в романе «Дочь огня» практически повсеместно прослеживается наличие собирательных суффиксов «-ҳо»: *мардҳо*, *занҳо*, *духтарҳо* (мужчины, женщины, девушки).

Замонаҳои мо замонаҳои нағз буд, мардҳо аз худо метарсиданд, ба ятиму бекасон даст дароз намекарданд, аммо алҳазар, мардум девона шудагӣ барин... ба болои зан боз зан мегиранд, сиёҳсарҳоро бадбахт мекунанд... [214, 25].

*... Раньше **мужчины** бога боялись, не обижали сирот, а сейчас точно с ума посходили, женятся то на одной, то на другой, а несчастным женщинам приходится страдать...[213, 27].*

*... Autre fois, **les hommes** craignaient Dieu, ils n'osaient offenser les orphéliens, mais maintenant ils ont perdu l'esprit, ils se marient avec l'une avec l'autre, et les pauvres femmes ont beaucoup à supporter...[216, 33].*

*Акнун **занҳо** бо занҳо шинанд ҳам шумо, **мардҳо** рашк мекардагӣ шудетон! [214, 449].*

*– И к **женщинам** начинаете ревновать,...[213, 423].*

*Vous êtes mêmes jaloux **des femmes**? [216, 538].*

***Духтарҳо** пеш пеш, Асо аз қафо ба долони бекас, ки дар он қарибӣ буд, рафтанд ва дар он ҷо гиреҳи забони Асо кушода шуд [214, 266].*

***Девушки** пошли вперед, Асо – за ними. В сумрачном безлюдном проходе он осмелел и заговорил [213, 261] .*

***Les jeunes filles** passèrent devant, Asso les suivit. A l'abri de la porte, dans l'obscurité, il reprit courage et se mit parler [216, 339].*

Представленные предложения демонстрируют, что имена существительные в обоих языках выражены в форме множественного числа: в таджикском варианте при помощи суффикса «-ҳо», во французском – посредством определенного артикля les, неопределенного des и суффикса «-s»

Перевод существительных *мардҳо* – les hommes, *занҳо* – des femmes и *духтарҳо* – les jeunes filles соответствует всем грамматическим нормам.

Таким образом становится очевидно, что существительные разного рода в таджикском языке формируются только посредством суффикса «-ҳо», а во французском языке обязательно наличие не только суффикса «-

s», но и артикля множественного числа *les*. Более того, в таджикском языке часть названных существительных могут иметь в своём составе другой суффикс, образующий множественное число, – «-он»: *занҳо – занон, мардҳо – мардон*.

Основным показателем категории неопределенности в таджикском языке является артикль «-е». Наравне с артиклем «-е» слова **як, ягон, кадом, ҳеч** также выражают неопределенность существительного. В этом разделе работы нами будет предпринята попытка рассмотреть средства выражения категории неопределенности существительного в таджикском и французском языках.

Как отмечалось ранее, основным грамматическим показателем неопределенности существительного в таджикском языке является артикль «-е». Грамматический контент-анализ романа «Дочь огня» Джалола Икрами показал высокую степень частотности употребления данного элемента в выражении категории неопределенности:

*Аз қазо рафту агар дар ин ҳавлӣ **диле** аз таъсири шиқ ба татии сар кунад, ё бояд хунафишон шавад ё ки ба сангу сафол мубаддал гардад* [214, 256].

Стоило только чему-нибудь сердцу затрепетать от любви, как его тут же безжалостно растаптывали [213, 252].

*Il suffisait que **le coeur** de quelqu'un soit pris d'amour pour qu'il soit aussitôt écrasé sans pitié. Et le pauvre coeur perdait tout son sang, et il devenait de pierre* [216, 327].

*Асо сар хам карду **gane** назад* [214, 261].

Асо потупилса и промолчал [213, 256].

*Mais Asso gardait **le silence*** [216, 333].

В приведенных примерах для выражения неопределенности использован артикль «-е» с существительным **дил** (сердце), который также обозначает единичность предмета. Во французском языке эта категория выражается артиклем мужского рода *le*: *le coeur*. В другом примере употреблено существительное *gane-le silence* (молчание) Само

слово *le silence* на таджикский язык переводится как «хомушӣ», следовательно, лексема *gane* должна быть выражена единицей *une parole (un mot)*. Необходимо отметить, что в таджикском языке артикль «-е» располагается в конце существительного и пишется слитно, а во французском занимает позицию перед существительным и пишется раздельно, это является главной отличительной чертой неопределенного артикля в сравниваемых языках.

Вопрос связи количества и номенклатуры артиклей французского языка остается для научного сообщества открытым. Галише, например, заявляет о наличии всего двух артиклей: *le* и *un*. Вагнер и Пеншон дополняют данный список артиклями *du, de la*, однако не считают их грамматическими компонентными. В грамматике Ларусса зафиксировано четыре артикля: определенный, неопределенный, компонентный и нулевой (сифрӣ).

Исключая артикль, существительное не в силах выполнить свои основные синтаксические функции и переходит в другую категорию (*prendre peur, vivre en paix, mourir de froid, Paul est artiste*), теряя своё грамматическое значение.

Во французском языке значение определенности объекта выражается определенными артиклями («индивидуализаторами») мужского и женского рода единственного числа *le, la* и множественного *les* (*Il lit le roman de Maupassant «Une vie» et les nouvelles de Maurois. – Он читает роман Мопассана «Жизнь» и новеллы Морюа*). В выборе артикля ситуация общения и контекст так же играют важную роль. Так, если оба собеседника французы, определенный артикль используется перед такими словами, как башня (*la tour*), столица (*la capital*), это Эйфелева башня, Париж. Такие средства, как прилагательные при существительном (*seul, unique, dernier, suivante* и др.), качественные прилагательные в превосходной степени, придаточные определительные, «дополнения, выраженные существительным с предлогом *de*» [144,15] позволяют индивидуализировать предмет.

Актуальным вопросом теории грамматики является определение значений различных артиклей (*le, un*), поскольку в них встречается своего рода оппозиция – определенность и неопределенность.

Неопределенный артикль французского языка употребляется для обозначения предмета, неизвестного говорящему или слушающему. Например, в предложении *Je t'ai apporté un roman de Balzac* речь идет о знакомой говорящему и не знакомой слушающему книге. Поэтому используется неопределенный артикль.

Боз чавобе нашунид... [214, 309].

Молчание [213, 304].

Seul le silence lui répondit. [216, 392].

Дар кишлоқашон ин ҳодисаро ҳама медонанд, вале аз тарс овозе бароварда наметавонистанд [214, 254].

Весь кишлак знает о его грязных делах, но и словом не обмолвятся, боятся... [213, 250].

Tout le village est au courant de ses méfaits, mais personne n'ose protester, on le craint... [216, 323–324].

Как видим, в начале текста неопределенное существительное *чавобе* переводится на французский язык *le silence*. По нашему мнению, корректным вариантом перевода является *la réponse*. Слово *le silence* употребляется в значении «молчание». В другом примере имя существительное *овозе* (чей-то, какой-то голос) во французском переводе опущено.

Поскольку артикль «-е» употребляется с существительными в единственном числе, он, наравне с неопределенностью, выражает и единичность. В следующих предложениях это прослеживается на примере существительных *саге* (какая-то собака), *овозе* (чей-то голос):

– *Хайр, дустони азиз, саге буд, омаду ак-ак карду рафт* [214, 459].

– *Ну что ж, друзья, собака полаяла и, слава аллаху, сбежала* [213, 432].

– *Allons, mes amis, le chien a aboyé, mais grâce à Allah il s'est enfui* [216, 550].

Дар тангкӯча касе набуд, аз гирду атроф овозе шунида намешуд, гуё дар ин кунҷи шаҳри нурвалвала ва серодам ҳаёт як дараҷа бозистода ва хомӯш гашта буд [214, 262].

В этот час переулок был безлюден. Царица полная тишина, словно здесь остановилась жизнь многолюдного города [213, 258].

A cette heure-là, la ruelle était presque déserte. Le calme était complet, comme si la vie s'était arrêtée [216, 334].

Переводчик адекватно представил таджикское существительное *casе*, заменив его французским эквивалентом *le chien*. Но слово *casе* в таджикском языке имеющее неопределённый артикль «-е», во французском варианте выражено посредством определённого артикля (*le*). В другом примере существительное *овозе* заменено выражением *le calme*, хотя точным переводом является *une voix*. Слово *le calme* используется в значении «спокойствие», «тишина».

В учебнике «Современный таджикский язык» (Забони ҳозираи тоҷик, 1988) одно из центральных мест занимает вопрос о грамматических категориях существительного. Авторы данной книги отмечают, что «неопределённый артикль «-е» указывает на предмет, который не известен ни слушающему, ни говорящему. Говорящий же подразумевает единичный предмет, находящийся во взаимосвязи с рядом других объектов: Савдогаре дартоз ба сарояш даромад... // Какой-то купец быстро зашёл в свой сарай... (в свою лавку) [44].

Артикль «-е» обозначает не только неопределённую единичность, но и отрицание: Ғайр аз ин дар кӯчаи шаҳр шамъе, чароғе ё фонусе набуд... // Помимо этого на этой улице города не было ни свечи, ни светильника, ни фонаря. Если артикль «-е» расположен в конце существительного, за которым следует определительное придаточное предложение, то с его помощью происходит разделяние предмета от

однородного ряда: Хона, хонае, ки аз падару модараш мерос мондааст [44, 23–24] // Дом, дом, который остался в наследство от родителей.

То расидан ба ҳавли Оймулло тоқат накарда, дар роҳ ба даруни долоне даромаду варақаро кушоду хонд, ки навиштааст... [214, 215].

У нее не хватило терпения, чтобы дойти до школы. Она юркнула в крытый коридор первого попавшегося дома, развернула листок, и вот что она прочла... [213, 212].

Elle n'eut pas la patience d'aller jusqu'à l'école. Elle pénétra dans le corridor de la première maison venue, déplia la feuille de papier et lut... [216, 273].

В вышеприведенном примере таджикское существительное *долоне* было корректно переведено на французский язык *le corridor*, и неопределенность выражена посредством артикля мужского рода *le*. Напомним, что во французском языке одним из средств выражения неопределенности в обоих языках является неопределенный артикль, который, в свою очередь также может иметь категорию рода. Данный факт отсутствует в таджикском языке.

Выражение неопределенности посредством артикля «-е» в таджикском языке свойственно не только простым существительным, но и сложным. В романе «Дочь огня» Джалола Икрами прослеживается присоединение артикля «-е» к окончанию сложными существительных:

...Эшонбибӣ дар ӯрдаи худаи меҳмондорие тартиб дода буд [214, 283].

По этому торжественному случаю Эшонбиби устроила прием гостей [213, 277].

A cette occasion, Echonbibi recevait ses hôtes [216, 361].

Слово *меҳмондорӣ* (гостеприимство) является абстрактным существительным, и переводчик ошибочно передал его на французский язык лексемой *ses hôtes* - «его (своих) гостей» которая выражена личным

местоимением множественного числа для обоих родов (*ses*). Адекватным смыслу оригинала переводом стало бы сочетание **donner l'hospitalité**.

Агар... агар гунохе аз мо содир шуда бошад, тавба кардем... [214, 458].

Ну а если мы в чем-то провинились, то просим извинения... [213, 431]

*Si nous avons commis **quelque faute**, nous nous en excusons...* [216, 548].

Существительное *гунохе* переведено на французский язык **quelque faute** – «какая-то ошибка». Переводчику следовало заменить его на слово **une faute** – *ошибка*. Однако он передал упомянутое существительное неопределенным местоимением **quelque** «какой-либо».

*Шамсия дид, ки бо зӯрӣ ва муқобилият **коре** карда наметавонад...* [214, 226].

Поняв, что ее положение безвыходно... [213, 223].

*Comprenant que **la situation** était sans issue...* [216, 288].

В данном предложении французским аналогом неопределенного существительного *коре* является **la situation**. Согласно контексту, выбор данной лексемы можно считать корректным. Существительное *коре* во французском языке выражается словом *un travail, un affaire*, следовательно, это объясняет использование артикля женского рода.

– *Назар ба шунидам, – гуфт миришаб **бахонае** ёфта, – Ганиҷонбой ин духтари нозанинро ба урусо пешкаш карданӣ будааст* [214, 295].

– *Я слышал... Ганидҷонбай намеревался преподнести эту девушку русским* [213, 289].

– *J'ai entendu dire... Ghanidjon–baï aurait **l'intention** de donner cette jeune fille aux Russes* [216, 378].

Неопределенное существительное *бахонае* было представлено французской лексемой **l'intention**. Отметим, что во французском языке категория неопределенности выражается посредством различных артиклей. Единица *бахонае* имеет в составе краткую форму артикля, что считается грамматической нормой. Если существительное начинается с

гласной буквы или немой h, то возможно употребление сокращенной формы артикля. Например, l'usine – завод; l'école – мактаб–школа; l'ami – дӯст–друг; l'université – донишгоҳ–университет; l'hôtel – меҳмонхона–гостиница, и т. д. Необходимо констатировать то, что большинство существительных, в составе которых присутствует краткий артикль, относятся к женскому роду.

В природе не существуют как таковые определенные и неопределенные предметы, это наименование имеет место лишь в конкретной речевой ситуации, поэтому категория определенности / неопределенности – это своего рода языковая категория, существующая в сознании людей и по-разному выражающаяся в каждом языке. Так, в русском языке эта категория является «скрытой» и выражается синтаксическими, лексическими и морфологическими средствами, а во французском – предмет актуализируется с помощью формального показателя – артикля. В обоих языках определенность / неопределенность предмета – контекстуальная категория [48].

Рӯзе набуд, ки бо баҳонае ҷанг накунад, шабе набуд, ки ё худаш, ё кайвониш ӯ аз наси бикаш хурдӣ наояд [214, 110].

Не было дня, чтобы она не подняла скандала, по ночам она сама или ее служанка стояли под дверью комнаты младшей жены, подслушивали [213, 112].

*Elles se disputaient **tous les jours** et la nuit, la plus vieille épouse ou sa servante, venaient se placer près de la porte de la plus jeune afin d'écouter ce qui se passait dans la pièce [216, 141].*

Существительное *рӯзе* (однажды) в приведенном примере передано единицей *tous les jours* (*ҳама рӯз*), то есть согласно смыслу оригинального текста. В исходном языке слово представлено в единственном числе, в переводном – во множественном. Как известно, во французском языке особой активностью употребления отличается артикль множественного числа, что не характерно для таджикского

языка. Аналогом таджикского артикля «-е» французский *les*, который указывает на множественность предмета: *les jours*.

Необходимо отметить, что артикль «-е» действует в рамках нормы таджикского литературного языка и передает понятие неопределенности. Во французском языке для этого употребляются артикли *un, une, des*. Если в таджикском языке неопределенным артиклем считается «-е₁», то во французском эти артикли разделяются в зависимости от категорий рода числа. Например, *un* – для мужского рода, *une* – для женского и *des* – для обоих родов во множественном числе.

Вай марде буд қадбаланд, девсират ва дағал... [214, 437].

Это был высоченный, уродливый, как див, мужчина [213, 413].

C'était un homme de haute taille et très laid [216, 524].

Одушевленное существительное *марде* (какой-то мужчина) в таджикском языке употреблено с артиклем «-е», а во французском переводе выражено неопределенным артиклем мужского рода *un* и существительным *homme* – мужчина.

Лекин каме дуртар аз Ҳайдарқул дар зери девор ҷавоне нишаста буд, ки зеборӯ, маъюс ва бо чашмони нур аз ашк ба сӯи ӯ менигарист ва гӯё бошууруна ба ҳоли ӯ месӯхт [214, 243].

У самой стены, недалеко от Хайдаркула, сидел красивый юноша. Глаза его были полны слез, он печально, вполне осмысленно смотрел на Хайдаркула, и тот прочитал в глазах юноши жалость [213, 239].

Près du mur, non loin de Khaïdarkoul, se trouvait un beau jeune homme. Ses yeux étaient pleins de larmes, il fixait Khaïdarkoul et son regard n'était pas celui d'un fou. Khaïdarkoul y lut une prière [216, 309].

Слово *ҷавоне* (юноша) является качественным прилагательным, субстантивированным путём морфолого-синтаксического способа словообразования. Существительное *ҷавоне* переведено на французский язык лексемой *un jeune homme* «молодой человек». Следует отметить, что некоторые французские прилагательные располагаются перед

существительными. Для выражения неопределенности в отдельных предложениях использован артикль мужского рода *un*.

В таджикском языке артикль «-е» и изафетные словосочетания модели существительное + прилагательное относятся к категории существительного. В случае исключения из этой модели прилагательного, артикль соединяется с существительным:

*Баъд аз роҳрави **торике** гузашта, ба «масҷид» ҳама қадам мегузоранд* [214, 231].

Отсюда по темному коридору проходят в огромную круглую комнату с большой, тоже круглой суфой посередине [213, 228].

*De là, on passe dans **un corridor sombre** qui conduit...* [216, 293].

Переводчик заменил словосочетание **роҳрави торике** (тёмный коридор) французской лексемой ***un corridor sombre***, которая в достаточной степени охватывает содержание исходной единицы, но в этом случае существительное располагается перед прилагательным, и артикль мужского рода *un* употреблен для выражения неопределенности.

*–Бале, бале, – гуфт Асо, – илоҳӣ Фирӯза хатро гирифта **коре** карда тавонад!* [214, 494].

– Не знаю, сможет ли что-нибудь сделать Фируза, – через некоторое время в раздумье проговорил Асо [213, 459].

*–Je ne sais si Firouza pourra faire **quelque chose**, dit Asso au bout de quelques instants* [216, 581].

*Онҳо ҳар ду ҳам аз байни мардум **касоро** мечустанд ва бинобар он дар як ҷо наистода оҳиста–оҳиста аз тарафи девори масҷиди Поянда ба сӯи арк мерафтанд* [214, 491].

Они медленно пробирались через толпу от мечети Поянда к арку, не обращая внимания на сыпавшиеся на них со всех сторон толчки и ругань [213, 456].

*Ils se frayaient lentement **un passage** à travers la foule, de la mosquée au palais* [216, 577].

В представленных примерах использованы неопределенное существительное *коре* (какая-либо работа) и местоимение *касе* (кто-либо, кто-то). Переводчик смог адекватно передать смысл существительного *коре* лексемой *quelque chose*. Слово *quelque* во французском языке является неопределенным местоимением в значении «какой-нибудь» и *chose* – предмет. Существительное *касе* передает французское слово *un passage*, которое обозначает «прохожий», хотя, по нашему мнению, более точным эквивалентом *касе* (**ягон кас**) является французское слово *quelqu'un*.

Гуломалӣ ба рӯи суфа дар офтобрӯя шолча ва кӯрпачае партофта, меҳмонро шинонду гуфт: [214, 432–433].

Гуломали расстелил на суфе палас и одеяла так, чтобы на них падало солнце, и пригласил гостя сесть [213, 409].

Sur la terrasse, au soleil, Goulomali diposa un tapis et un matelas et il invita son hôte à s'y asseoir [216, 518].

Существительное *кӯрпачае* – *un matelas* обозначает предмет домашнего обихода, относится к категории национальных (таджикских) реалий. Переводчик представил данное слово на французский язык посредством неопределенного артикля мужского рода *un* – *un matelas*.

Ҳар бор, ки ману ту ба кори хайре даст задем, муваффақ шудем, ин дафъа ҳам бахтамонро месанҷем [214, 499].

–Когда бы мы ни брались за какое-нибудь доброе дело, оно всегда удавалось [213, 462].

Chaque fois que nous avons entrepris une bonne action, elle à réussi [216, 584].

Пас аз соате Фирӯза тухмбирёне карда ба рӯи дастурхон оварду онҳо ҳанӯз табақ даст дароз накарда, дарвоза тақ-тақ шуд [214, 434].

Она уже подала яичницу, но не успели все приняться за еду, как послышался стук в дверь [213, 411].

Firouza mit une nappe. Elle servait une omelette, lorsque quelqu'un frappe soudain à la porte [216, 521].

В приведенных примерах слова (кори) *хайре* – *une bonne action*, *тухмбирёне* – *une omelette* переведены на французский язык корректно. Выражение *une bonne action* может быть переведено, как хорошее поведение: *bonne* (*прилагательное женского рода*) – хороший, *action* – поведение, действие. Неопределенность во французском языке выражена неопределенным артиклем *une* в женском роде.

Хайдаркул дуое карду аз чо бархост ва ба байни мардум даромада, аз назари раис ва мулозимонаш тинҳон шуд [214, 429].

Хайдаркул громко прочитал молитву, поднялся с места и исчез в толпе [213, 407].

Khaïdarkoul dit à haute voix une prière, puis il s'en alla et se perdit dans la foule [216, 516].

– *Дароед!* – *гуфт аз дарун овози занонае* [214, 390].

– *Войдите,* – *послышался женский голос* [213, 371].

– *Entrez, fit une voix de femme* [216, 470].

Существительные *дуое* – *une prière*, *овози занонае* – *une voix de femme* представлены на французский язык с помощью неопределенного артикля женского рода *une*.

Азбаски вай тар нашавад гуфта, аз болои саллаши руймоли калоне партофта буд, дар вокзалбудагон афту андоми ўро дида натавонистанд [214, 352].

Спасаясь от дождя, он накинул поверх чалмы большой платок, так что лица его нельзя было разглядеть [213, 348].

Pour se protéger de la pluie il avait jeté une grande écharpe par-dessus son turban et on ne pouvait distinguer son visage [216, 446].

В данном предложении артикль «-е», хотя и находится в составе прилагательного *калоне* (большой), относится, однако, к существительному *руймол* (платок) – *руймоли калоне*. Прилагательное *калон* переведено единицей *grande* – *une grande écharpe*, а неопределенность выражена неопределенным артиклем женского рода *une*.

–Бибиробиа, зани Ҳайдарқули моҳипаз ту мешавӣ? – пурсид қозӣ ба **қоғазе** нигоҳ карда [214, 81].

–Ты, Бибиробия, жена рыбного повара Хайдаркула? – спросил судья, заглядывая **в какую-то бумагу** [213, 85].

–*C'est toi Bibirobia, la femme du cuisinier Khaïdarkoul? demanda le juge, en jetant un coup d'oeil sur **un papier*** [216, 107].

Дақиқае гузашту боз худи мириаб ба вай хитоб кард [214, 236].

Наступило молчание. Миршаб первый нарушил его [213, 233].

*Il y eut **un moment** de silence. Le mirchab fut le premier à l'interrompre* [216, 302].

В вышеприведенных предложениях абстрактное существительное **дақиқа** (минута) и конкретное – **қоғаз** (бумага), соединившись с артиклем «-е», указывают на понятие неопределенности. Переводчик, верно представив существительное **қоғаз** (бумага) посредством французского **un papier**, использовал неопределенный артикль мужского рода **un**. А лексема **дақиқае** во французском заменена словом **un moment**, в котором понятие неопределенности также выражено неопределенным артиклем мужского рода **un**.

Муҳаррами Фарч аввал бо модари ҷомафурӯи, ки пеш-пеш меомад ва зани солхӯрдаи қадбаланд ва лоғарандоме буд, вохӯрӣ ва пурсупос кард... [214, 230].

Мухаррама, прежде всего поздоровалась с матерью бая, высокой пожилой женщиной.... [213, 227].

*Moukharrama salua d'abord la mère du bai, **une grande femme assez âgée**...* [216, 292].

*Адолатоим, ба рӯяш нимтабассум, **gane** назада ба замин чаши дӯхта буд* [214, 260].

Но Адолат ласково удержала его, уговаривая не обращать внимания на разъяренных женщин [213, 254].

*Adolat restait **silencieuse**, elle souriait* [216, 332].

В первом примере неопределенный артикль относится к существительному *зан* (женщина). В переводном тексте он корректно передан посредством неопределенного артикля женского рода *une* и словосочетания *une grande femme assez âgée*. Уникальное грамматическое свойство французского языка проявляется в том, что прилагательное может занимать позицию между неопределенным артиклем и существительным. В следующем примере лексема гапе выражена французским прилагательным женского рода *silencieuse* – *молчаливый, безмолвный*.

... *шахси қадбаланде баромаду ба даруни вокзал давид* [214, 352].

... *вышел высокий мужчина* [213, 348].

Un homme de haute taille en sortit [216, 446].

Вақто ки аз дарвозаи берун ба дохили роҳрави ҳавлии Оймулло қадам гузошт, назараи ба барнописаре афтод, ки... кадом як шеъреро хонда истодааст [214, 212].

В коридоре, ведущем на женскую половину двора, она увидела красивого юношу [213, 209–210].

Dans le corridor que menait vers la cour des femmes, elle avait aperçu un beau jeune homme. ... il lisait des vers [216, 270].

Словосочетание *шахси қадбаланде* (какой-то высокий мужчина) адекватно представлено французским эквивалентом *un homme de haute taille*. Неопределенный артикль мужского рода *un* расположен перед существительным. Лексема *барнописаре-(красивого юношу)* переведена в форме словосочетания *un beau jeune homme*. Соответственно, существительные в переводном варианте также представлены словосочетаниями.

Ҳар замон аспакие тозон-тозон меомад, қамчинаширо дар ҳаво бозӣ доронда, мардумро аз миёни роҳ дур мекард ва бо овози баланд меғуфт... [214, 490].

Не раз уже на площади появлялись всадники, посвистом нагаек разгоняя людей и громко возвещая... [213, 456].

*Plus d'une fois, **des cavaliers** étaient apparus sur la place dispersant les gens à coups de fouet et criant...* [216, 576–577].

– Ана ин си тангаро гир, агар боз дар ин роҳ **харче** шавад, аз ҳисоби ман! [214, 238].

– Возьми вот эти тридцать монет! Все расходы за мой счет! [213, 235].

– *Prends donc ces trente pièces! Je paie tout* [216, 304].

Существительное **аснакие** на французский язык передано **des cavaliers**. В качестве синонима неопределенного артикля таджикского языка «–е» переводчик использовал неопределенный артикль множественного числа для обоих родов **des**. Однако в другом примере существительное **харче** выступает в качестве именного компонента сложного (составного) глагола в неопределенной форме. В процессе перевода данная лексема была опущена, хотя корректным переводом единицы **харче** – могла стать слова **une dépense**.

*Дар ин ҷо **канизак духтаре** буд аз Қаршӣ, ба ҳамин Пошиобибӣ – модари валиаҳд оварда тортуқ карда буданд* [214, 288].

Была здесь среди слуг одна девушка–рабыня, ее привели из Карши от ее высочества, в подарок Эшонбиби [213, 281].

*Il y avait ici parmi les servantes **une jeune esclave** venue de Karchi envoyée par Sa Majesté à Echonbibi* [216, 367].

*Мо **коре** мекунем, ки ту ҳамеша бо дугонаи дӯстдорат бошӣ, ғам нахӯр бачем!* [214, 220].

Мы стараемся устроить так, чтобы вы всегда были вместе, будь спокойна, доченька! [213, 218].

*Nous allons essayer de **faire en sorte que** vous soyez toujours ensemble. Sois tranquille, ma fille!* [216, 280].

Сложное существительное **канизак духтаре** во французском тексте представлено составным существительным **une jeune esclave**. Неопределенность выражена посредством специального артикля

женского рода *une*. Единица *коре* передана французским глаголом *faire* (*faire en sorte que*) - «делать так чтобы». Во французском переводе артикль отсутствует.

В случае последовательного употребления неопределенных существительных, артикль «-е» находится в составе отдельных существительных ярко выражает значение неопределенности:

Ҳар замон аз даруни ҳавлии қозӣ, аз сӯи меҳмонхонаи вай гоҳ овози доду фарёди марде ва гоҳ нолаю фиғони зане шунида мешуд. Гоҳе фақат овози шарт-шарт ба тани урьёни касе расидани дарра ба гӯш мерасид... [214, 84–86].

Иногда из глубины двора слышались голоса и крики мужчин, раздавались вопли и стоны женщин, порой – свист хлыста по голому телу... [213, 88].

A l'intérieur de la cour, on entendait des voix et des cris, des pleurs et des gémissements de femmes, parfois le claquement d'un fouet sur un corps nu [216, 111].

Ҳайдарқул косаи обро ба назди худ, ба ҷойи намоёне гузошту аз кисабағалаш халтачаи қоғазие бароварда, аз даруни он хокаи сафедде гирифта, ба косаи об як гард полиду гуфт... [214, 461–462].

Хайдаркул поставил чашу около себя на видное место. Потом вынул из-за пазухи бумажный пакетик, взял оттуда щепотку красного порошка и бросил в воду [213, 434].

Puis il sortit une petite enveloppe, prit une pincée de poudre rouge qui s'y trouvait et la jeta dans l'eau [216, 553].

В первом примере вещественные существительные *марде* (*какой-то мужчина*), *зане* (*какая-то женщина*), соединяясь с артиклем «-е», приобретают статус неопределенности. Передача указанных лексем на французский считается неполной. Существительное *марде* (*какой-то мужчина*) при переводе опущено, а *зане* (*какая-то женщина*) переведено во множественном числе *femmes*, неопределенный артикль отсутствует. *Халтачаи қоғазие, хокаи сафедде* представлены посредством

таких единиц как une *petite enveloppe, une pincée* (бумажный пакетик, щепотка) *de poudre rouge*. В таджикском языке указанные лексемы имеют в своем составе артикль «-е», во французском – неопределенный артикль женского рода *une*, расположенный перед существительными.

– *Ҳа, – гуфт сарбоз табассуме карда, – аз ғарч-ғурчат фаҳмидагӣ барин шудаму боз мабодо гуфтам...* [214, 283].

– *A... – заулыбался солдат. – Слышу, скрипят, будто бы это вы, подумал...*[213, 276].

– *Ah... et le soldat sourit. J’ai bien entendu des bottes grincer, comme si c’était vous, j’ai pensé...* [216, 360].

Бой кисаашро кофта, гоҳо пул медод, гоҳо набот ё ҳалвое [198, 332].

Пошарив в кармане, бай вытаскивал то монету, то кусок постного сахара или халвы и давал ей... [213, 327].

Le baï fouillait dans ses poches, en retirait tantôt un peu d’argent, tantôt un bonbon ou de khalva qu’il lui donnait [216, 419].

Табассуме-(заулыбался), ҳалвое-(халва), на французский язык переведены лексемами *sourit, khalva* и если в таджикском языке неопределенность выражена артиклем «-е», то во французском в одном случае без него, в другом – переведена глаголом (*sourire*) в третьем лице (*sourit*).

Аз омаданаи ин ҷониб қариб бист рӯз гузашта бошад ҳам, аз падараи ва модараи хабаре нашунида буд [214, 88].

Уже двадцать дней прошло с тех пор, как она попала в дом бая, а у нее не было никаких вестей об отце с матерью [213, 90].

Vingt jours s’étaient déjà écoulés depuis le moment où elle était arrivée chez le baï et elle n’avait aucune nouvelle de sa mère et de son père [216, 114].

Занак осудаҳолона нафасе гирифтуну гуфт... [214, 225].

Облегченно вздохнув, она сказала... [213, 222].

Elle poussa un soupir et dit... [216, 287].

Здесь неопределенный артикль «-е» находится в составе существительных *хабаре (какое-то известие)*, *нафасе (вдох)*. Лексема *хабаре* во французской версии передана адекватно – *aucune nouvelle*, но не с помощью неопределенного артикля, а посредством неопределенного местоимения *aucune* – *никакой, какой-нибудь*. Существительное *нафасе* корректно представлено неопределенным артиклем *un: un soupir*.

Фирӯза сухане нагуфта, аз хона баромада рафт [214, 335].

Фируза промолчала и ушла в кухню [213, 329].

Firouza ne dit rien et s'en alla à la cuisine [216, 422].

При переводе существительного *сухане* (какое-то слово) на французский язык были использованы два грамматических средства: **ne** и **rien**: – *ne dit rien*.

Инро гуфту Ҳайдарқул аз кисааш латмае бароварда ба даҳони бой чой кард... [214, 345].

Ҳайдарқул вытащил из кармана тряпку, сделал из нее кляп и заткнул им баю рот... [213, 339].

Khaïdarkoul tira un chiffon de sa poche, il fit un tampon qu'il mit dans la bouche du baï [216,436].

Шамсия гане назада, хомӯш мондан гирифт... [214, 306].

Шамсия молчала [213, 300].

Chamsia restait silencieuse [216, 388].

Перевод существительного *латмае* можно считать достаточно точным: *un chiffon*. Поскольку единица *chiffon* относится к мужскому роду, она представлена в единственном числе и имеет неопределённый артикль *un*. Однако ошибочным является перевод слова *гане* – *silencieuse* «безмолвный, молчаливый, тихий», что относится к категории прилагательных женского рода. Смысл сочетания *rester silencieuse* (остаться безмолвным, молчаливым), делает его адекватным контексту.

– *Биёед, гуфтам ба ин кас, гуфт вай дар охир, – ба пеши Оймуллои Танбӯр рафта арз мекунем, ба дарди мо ба ғайр аз ҳамон кас дигаре чора ёфта наметавонанд* [214, 443].

–*Вот мы и решили прийти к вам, ведь, кроме вас, нам некому помочь,*
–*грустно закончила она свой рассказ* [213, 418].

– *Nous avons donc décidé de venir chez vous, **personne d'autre** ne peut pas aider, conclut-elle tristement* [216, 531].

Слово **digare** (никто другой) является местоимением, выполняющим функцию существительного и принявшим его грамматическую категорию. Переводчик верно передал существительное **digare** – **personne d'autre**. Неопределенный артикль принадлежит обоим родам.

– *Вай давлат надорад! – гуфт Муҳаррами Фарч ва табассуме карда ба рӯи Оймулло назар кард...* [214, 291].

– *Главное, она бедна, – мудро улыбаясь, ответила Мухаррама, в этой улыбке можно было прочесть...* [213, 284].

– *Le plus important, c'est qu'elle est pauvre, fit remarquer Moukharrama en souriant d'un air rusé et son **sourire** voulait dire...* [216, 371].

В процессе перевода абстрактного существительного **табассуме** (улыбка) на французский был опущен неопределенный артикль: **sourire**.

В романе «Дочь огня» нами обнаружено огромное количество примеров, в которых слово **касе** (кто-то) и неопределенный артикль «-е» использованы в неопределенной форме:

*Ба хонаи Акаабдулло даромада дид, ки бой танҳо нишастааст, дигар **касе** нест, Акаабдулло дар даҳлез бо чӣ коре машғул аст* [214, 90].

Войдя в комнату Абдуллы, она увидела, что бай сидит один, никого с ним нет, а Абдулла чем-то занят в сенях [213, 93].

*Lorsqu'elle pénétra dans la chambre d'Abdoulla, elle vit que le bai s'y trouvait seul, il n'y avait **personne** avec lui et Abdoulla était occupé dans l'entrée* [216, 116].

Personne является релевантным аналогом слова **касе**.

*Вай аз **касе** қарз нагирифта буд ва агар қарз мегирифт, мо ба ин ҳам зор намебудем* [214, 82].

– Он ни у кого в долг не брал денег, у нас не было в том нужды [213, 85].

*Il n'a jamais rien emprunté à **personne**. Nous n'en avons pas besoin* [216, 108].

*Вай ба **касe** дӯстӣ надошт, лекин бисёр касон хоҷ аз тоифи зан ва хоҷ мард гумон мекарданд...* [214, 89].

Ни к кому он не питал дружеских чувств, всем был чужой [213, 91].

*Il n'éprouvait de l'amitié pour **personne**, tout le monde lui était étranger* [216, 115].

В приведенных примерах в таджикском варианте понятие неопределенности выражено словом **касe**, а во французском – лексемой *personne* «кто-нибудь».

*Ҳар бегоҳӣ аз наси вай **касe** меомад ё вай бо дугонаҳояш ҳамроҳ шуда мерафт* [214, 211].

...обычно за ней посылали из дому служанку или она шла в компании подруг [213, 209].

*D'habitude **une servante** venait la chercher ou bien elle revenait en compagnie de ses amies* [216, 268].

*Лекин онҳо наредонад, ки Шамсия ҳоло ба **касe** дил додааст, бахту саодати худро танҳо ба ӯ, бо васли ӯ мемонад* [214, 212].

Они и не подозревают, что сердце Шамсии принадлежит уже одному человеку, что только с ним она может быть счастлива... [213, 209].

*Ils ne soupçonnaient même pas que le coeur de Chamsia puisse appartenir à **un autre**, et qu'avec lui seulement elle serait heureuse...* [216, 270].

Выражение неопределенности в романе обозначается словом **касe**, однако во французской версии в обоих примерах оно передано неправильно: в первом предложении переведено существительным **une servante** в значении «служанка» и выражено посредством неопределенного артикля женского рода, во-втором – словом **un autre**, в котором

неопределенность выражена неопределенным артиклем мужского рода **ин**.

*Баъд маълум нашудааст, ки лаънати Хайдарқул лағжида ба ҳавз афтода бошад ё ки **касе** ўро зада ба ҳавз тела дода бошад?* [214, 207].

Неизвестно, то ли проклятый Хайдаркул сам поскользнулся и упал в хауз, то ли его кто-то стукнул и сбросил туда [213, 205].

*On ne sait si ce maudit Khaïdarkoul a glissé et est tombé dans l'étang, ou si **quelqu'un** l'y a poussé* [216, 264].

– *Дар ин ҳавлӣ **касе** ҳаст ё на? Гуфт ба лаҳҷаи эронӣ Хайдарқул* [214, 432].

– *Есть здесь кто-нибудь? – спросил по-персидски Хайдаркул* [213, 409].

– *Y a-t-il **quelqu'un** ici? demanda Khaïdarkoul en langue perse* [216, 518].

В этом предложении слово **касе** передано на французский язык посредством неопределенного местоимения **quelqu'un** – **касе, кадоме, нафаре**.

*Лекин ман дониستم ва ба ман чунин илҳом шуд, ки мумкин аст дар байни мо **касе** бошад, ки ...* [214, 461].

Провидение открыло мне, что есть среди нас один нечистый [213, 433].

*Je sais qu'il y a **un être** impur parmi nous* [216, 552].

*Қорӣ Шариф... ба лаби ҳафзи Арбоб наздик шуд буд, ки аз таги долони як паскӯча **касе** баромада...* [214, 183].

Коришариф... увидел, что из крытого коридора в переулке вышел какой-то человек; этот незнакомец поравнялся с ним и... [213, 183].

*Koricharif... vit alors **un homme** qui sortait et ...* [216, 235].

Перевод слова **касе** – **un être** в первом примере можно считать верным, ввиду наличия неопределенного артикля **ин** и существительного **être**, во-втором были использованы неопределенный артикль мужского рода **ин** и существительное **homme**.

Анализ вышеприведенных примеров показал, что слово *касе* при переводе может быть представлено рядом лексем.

2.3. Морфологические и синтаксические свойства отрицательных местоимений

Генерализированная трактовка такого грамматического явления как отрицательное местоимение заключается в том, что данная категория указывает на отсутствие лиц, предметов или количества. Они выполняют несколько синтаксических функций: определение, обстоятельство, дополнение, подлежащее.

В таджикском языке отрицательное местоимение представлено целым рядом лексических единиц. Однако именно *ҳеҷ* (никакой, ничего, никто) – базовая лексема, которая употребляется со словами *чӣ*, *кадом*, *касе*. В значении отрицательных местоимений могут также использоваться существительные *кас*, *чиз* с суффиксом «-е».

Считаем целесообразным рассмотреть эти формы более подробно. Составные формы отрицательных местоимений формируются из местоимения *ҳеҷ* (ничто), вопросительных местоимений, слова *як* (один) или существительных *ҳеҷ кӣ* (никто), *ҳеҷ чӣ* (ничто), *ҳеҷ кас* (никто), *ҳеҷ чиз* (ничто), *ҳеҷ гуна* (никак), *ҳеҷ кадом* (ни один), *ҳеҷ як* (ни один). Эти местоимения имеют особые свойства. К примеру, *ҳеҷ кӣ* (никто), *ҳеҷ кас* (никто) указывают на отсутствие человека, а сочетания *ҳеҷ чӣ*, *ҳеҷ чиз* (ничто) – отсутствие предметов. Отсутствие какого-нибудь признака предмета выражают сочетания *ҳеҷ гуна*, *ҳеҷ хел* (никак), количество предмета – *ҳеҷ як* (ни один): *Бо сесад танга ҳеҷ кас ба сарбозӣ розӣ намешавад // С тремястами теньга никто не согласиться на службу в армии* [42, 290].

Относительно грамматической синонимии неопределенного артикля «-е» и отрицательного местоимения *ҳеҷ* ученый-лингвист Р. Гаффаров отмечает, что «отрицательное местоимение «*ҳеҷ*» в «Одамони

човид» (Вечные люди) употреблено для выражения неопределенности существительного. В романе его использование зафиксировано не только в предложениях с отрицательными сказуемыми, но и положительными их аналогами. В этом случае они наглядно демонстрируют неопределенность: Шумо **ҳеҷ** китоб овардед? // Вы принесли какую–нибудь книгу? [42, 269]. В этом предложении отрицательными местоимениями являются **ҳеҷ** и **ягон**. Однако замена их словом **як** приводит к нейтрализации значения неопределенности» [112].

Местоимение **ҳеҷ** и его составные формы употребляются для выражения неопределенности, оно является синонимом слова **ягон ҳеҷ кас – ягон кас (никто)**. В следующем примере использованы отрицательное составное местоимение **ҳеҷ кас** и неопределенное существительное **осебе**.

То ман зинда ҳастам, ба ҳурмати арвоҳи поки Дилором–хола, ба ту ҳеҷ кас осебе расонида наметавонад, духтарам [214, 345].

Ну, теперь тебе никто больше не причинит вреда, дочь моя! [213, 339].

*Allons, maintenant **personne** ne te **fera plus** de mal, ma fille! [216, 435].*

Переводчик корректно передал смысл отрицательного местоимения **ҳеҷ кас** посредством лексемы **personne**. Неопределенное существительное **осебе – fort a plus** переведено дословно, что вполне оправданно в рамках данного контекста.

*Беҳтар, ки ҷавоб дода фиристонем. Аз вай ҳеҷ **чиз** намерӯяд [214, 220].*

Лучше уж отпустить его, все равно ничего не добьемся [213, 218].

*Il vaut mieux le libérer, de toute façon on **ne peut rien** obtenir de lui [216, 281].*

*Шамсия духтари хуб аст, вай туро дӯст медорад ва ҳеҷ **гоҳ** дар бораи ту ба падарам сухане намегӯяд [214, 203].*

– Шамсия очень хорошая девушка, она тебя любит и ни в коем случае не расскажет о тебе отцу [213, 200].

*Chamsia est une brave fille. Elle t'aime beaucoup et elle **ne** racontera **rien** à son père* [216, 258].

Местоименная конструкция **ҳеч чиз** в первом предложении выражает понятие неопределенности и во французском языке передана отрицательной частицей *ne ... rien*. *Rien* – **ҳеч чиз** (*ничто, ничего*) для выражения отрицания может использоваться с частицей *ne* – *не*. Во втором примере было выбрано адекватное местоимению **ҳеч гоҳ** (*никогда*) единица *jamais*. Конструкция *ne ... rien* (**ҳеч гоҳ**) также употребляется для выражения отрицания глагола и фраза *сухане намегӯяд* переведено как *ne racontera rien* (*ничего не расскажет*).

Лекин, чӣ, гуфтам-а духтарам?! Ба ҳеч кас налаққӣ? Замонаҳо нобоб шудагӣ [214, 467].

Но помни, доченька, что я тебе сказала, никому ни слова, времена теперь тревожные... [213, 439].

*Mais souviens-toi de ce que je t'ai dit, **n'en** parle à **personne**, nous vivons à une époque troublée...* [216, 559].

Лекин Савсан ба ҳеч кадоми онҳо ҷавоб намедод, хомӯш буд [214, 89].

Савсан не отзывалась на все эти шутки, молчала [213, 91].

*Savsane **ne** répondait pas à **toutes** ces moqueries, elle gardait le silence...* [216, 115].

В приведенных примерах употреблены выражающие неопределенность местоименные конструкции **ҳеч кас** (*никто*) и **ҳеч кадом** (*никто*). Переводчиком были использованы отрицательные частицы и неопределенные местоимения: *n'en ... personne* – **ҳеч кас** (*никто*) и *ne ... pas à toutes (personne* – *ягон кас, ягон нафар* (*никто*), *toutes* – *ҳама* (*все*)).

– *Намедонед, ки барои ба мо тӯҳмат задан эшонӣ раиси калон ва падарашон ҳам аз ҳеч чиз даст намекашанд* [214, 296].

– *Как вы не понимаете, что ишан, главный раис и его папаша на все готовы, чтобы поддеть нас, не остановятся ни перед какой клеветой* [213, 290].

Comment ne comprenez–vous pas que l’ichan, le raïs et le père du garçon sont prêts à tout pour nous empêcher d’agir, ils ne s’arrêteront devant aucune médisance [216, 379].

Ҳеҷ гап не, ба Асо худат гап зада, ҳодисаро мефаҳмонӣ [214, 227].

– *Ничего страшного, ты с ним сама поговоришь, все ему расскажешь* [213, 224].

Ça ne fait rien, tu parleras avec lui, tu lui raconteras tout [216, 289].

Данная группа предложений демонстрирует корректный перевод единицы *ҳеҷ чиз (ничто)* посредством слова *aucune*, что также выражает неопределенность. Отрицательную частицу *ne... rien* в качестве выбранного переводчиком эквивалента *ҳеҷ тажже* можно считать вполне адекватной заменой.

– *Ҳеҷ кас ранҷонидагӣ не, шикамаи сер шудааст!* [214, 479].

– *Никто его не обижал. Просто он у вас важничать стал* [213, 447].

– *Personne ne l’a offensé. Il se donne tout simplement de l’importance* [216, 565].

Сабр кун, вай, албатта, гуреа, пинҳон мегаиштагист, дар ин ҷо, ту гуфтагистӣ, ки ҳеҷ кас нест... [214, 100].

– *Постой! Ведь он беглец... конечно, он прячется от людей, ты ему сказал, что здесь никого нет...* [213, 103].

Attends! C’est qu’il est en fuite! Bien sûr, il se cache. Tu lui as sans doute dit qu’il n’y avait personne ici? [216, 130].

В обоих предложениях категория неопределенности выражена в таджикском языке сочетанием *ҳеҷ кас*, во французском – неопределенным словом *personne*.

В таджикском данная грамматическая категория может быть реализована и лексическим способом, в рамках которого важную роль

играют числительное **як** (один) и местоимения «ягон» (какой-нибудь), «кадом як» (какой-то) [125, 24].

В романе «Духтари оташ» (Дочь огня) единичность и неопределенность существительного выражаются посредством артикля «-е», иногда словами **як**, **ягон**, **кадом**, **фалон**, **ҳеч** и т.п. Ш. Рустамов относительно позиции лексемы **як** отмечает, что «в этой функции **як** выступает в качестве синонима артикля «-е». Существительное, выраженное словом **як**, обозначает не только единичность предмета, но и его неопределенность [111, 83]. **Як** считается одним из известных средств выражения неопределенности. Анализ фактического материала показал контексты одновременного употребления артикля «-е» и слова **як**. Существительное, использованное вместе с лексемой **як**, приобретает не только статус единичности, но и неопределенности. В этом случае, по мнению Н. Маъсуми, происходит слияние художественного и разговорного стилей [76,178–179].

В следующем примере артикль «-е» и единица **як**, оказавшись в составе сочетания **як сӯрохие**, **кунче**, выражают категорию неопределенности:

Чаҳор девор, як сӯрохие дар қарибии ишфт, камтар хасу хошок дар кунче барои хобидан, дигар ҳеч... [214, 370].

Четыре стены. Маленькое отверстие под потолком. Куча соломы в углу [213, 358].

Quatre murs. Une petite ouverture sous le plafond. Un tas de paille dans un coin [216, 458].

Во французском переводе использованы неопределенный артикль женского рода *une* (**як сӯрохие** – *une petite ouverture*) и существительное **кунче**– *un coin* (какой-нибудь, какой-то угол) с неопределенным артиклем мужского рода *un*.

Лексема **як**, реализующая категорию неопределённости предмета **як** часто употребляется в качестве неотъемлемого элемента живого разговорного языка, в частности сказкок, рассказов. Данная единица

полностью соответствуя общему содержанию предложения и глагольных наклонений, приобретает статус устойчивости в составе словосочетания, что обуславливает невозможность её замены на артикль «-е», поскольку в противном случае инвентивные коллокации приобретают особый книжный характер, а их простота и естественность нейтрализуются [76]. Необходимо отметить, что в исследуемом произведении данное грамматическое средство, как правило, находится в составе существительных.

Аммо худашон беҳабар аз он ки Шамсияро бо як одами ношинос, ба як шахсе, ки вай ҳаргиз надидааст ва намешиносад... [214, 212].

А что они сами ей готовят? Просватают за чужого и чуждого ей человека, которого она и в глаза не видела [213, 209].

Mais qui lui préparaient-ils, eux? Ils la donneraient en mariage a un étranger qu'elle n'aurait jamais vu [216, 270].

Як рӯз онҳо маро миёнагир карда таъна доданд... [214, 250–251].

Однажды ко мне подошли его друзья... [213, 247].

Un jour, ses amis vinrent me trouver [216, 319].

Неопределенность в таджикском языке выражается также словом **як**, которое во французском переводе представлено неопределенным артиклем мужского рода **un**. Следует отметить, что во французском языке неопределенный артикль мужского рода **un** действует в качестве нумератива **як**.

...бо кунҷи чаими сиёҳаш ба ман як нигоҳи ғарронае кард, ки дилам ҳатто аз он нигоҳ ҳаросида рафт [214, 250].

Она ...взглянула на меня одним уголком глаза так шаловливо и задорно, что я смутился [213, 246–247].

...elle me jeta un coup d'œil en coin d'un air si provoquant, que je me sentis gêné [216, 318].

Як духтари боақду ҳуш, донишманд, ҳунарманд ва соҳибҷамол ... [214, 236].

... нужна умная, красивая, образованная девушка, искусная во всех делах, мудрая, как большой ученый... [213, 233].

*Il me faut **une** jeune fille intelligente, belle et instruite, habile en toutes choses et pleine de sagesse...* [216, 301].

Анализ фактического материала показал, что неопределенность во французском языке выражается различными неопределенными артиклями: если существительное относится к мужскому роду, то употребляется артикль мужского рода, с существительными женского рода используется артикль соответствующего рода. Например, в первом примере в составе существительного имеется неопределенный артикль мужского рода **un**, а во-втором – неопределенный артикль женского рода **une**.

Як дўғу ҷазаба карда, халқро меиўронанду амиrho метарсонанд [214, 324].

Пошумят, возбуждают страсти, напугают эмира, это им только и нужно! [213, 319].

On fait du bruit, on éveille les passions, on fait peur à l'émir... [216, 407].

Фирўза медонист, ки дар Когон ва дар Зираобод Ҳайдарқулино ким-чӣ тавр як ҷамъияте доранд, вале аз корубори он, аз ҷамъ шудан ва маҷлисҳои он беҳабар буд [214, 467].

... Верно, Хайдаркул все время ездит в Каган и Зирабад, там собираются какие-то люди [213, 439].

*Certes, Khaïdarkoul se rendait très souvent à Kagan et à Zirabad où avaient lieu **certaines** réunions* [216, 559].

Выражения **як дўғу ҷазаба** (напугать как-то) и **як ҷамъияте** (одно (какое-то) общество) переведены следующим образом: **як дўғу ҷазаба (карда)** – *On fait du bruit*, т.е. посредством неопределенного местоимения **он** и словосочетания *faire du bruit* в третьем лице, единственном числе настоящего времени и словосочетанием **як ҷамъияте – certaines** (несколько).

2.4. Синтаксические особенности употребления неопределенного местоимения «баъзе»

Неопределенные местоимения указывают на предмет и его признак в общих чертах, приблизительно. В эту группу входят слова **баъзе** – **некоторые**, **ягон** – **какой-то**, **фалон** – **кто-то**, **кадом** – **кто**, **чандин** – **несколько**, **якчанд** – **несколько**, **андак** – **немного**, **чанде** – **несколько** и т.п. Местоимение **баъзе** служит для выражения неопределенности существительных, и его функциональная особенность состоит в способности отделять неопределенный компонент от общего. Это местоимение используется в качестве прилагательного и располагается перед неопределенным объектом: ...монанди **баъзе** занони фаранчипартофтаи мо ба сари худ чомаеро гирифта... (Айнӣ). **Баъзе** аз инҳо ғилофи корд медӯхтанд (Айнӣ). Достаточно часто апробируется способ использования местоимения **баъзе** в субстантивном (существительном) виде, то есть вместе с суффиксом, образующим множественное число: Ёдгор... бошандагони он чоро дид: баъзе бо чел, баъзе бо ишкел, **баъзе** монанди худаш бо челу ишкел хобида буданд [44, 288].

В следующем примере неопределенное местоимение *баъзе* реализует неопределенность объекта:

– *Ашрафҷон, – гуфт заргар, – Ашрафҷон, писари сандуқсоз омада буд, баъзе маслиҳатҳо дошт* [214, 213].

– *Это приходил Ашрафджон, сын сундучника, кое о чем посоветоваться* [213, 210].

– *Achraf-djon est venu me voir. C'est le fils du fabricant de malles. Il m'a demandé conseil* [216, 271].

Во французском контексте переведено лишь существительное *маслиҳат*: *conseil*. Сокращено слово *баъзе*, в результате чего нейтрализовалось значение неопределенности существительного.

2.5. Функционально-синтаксические характеристики неопределенного местоимения «ягон»

Лексическая единица **ягон** известна как средство выражения неопределенности и единичности существительного. В романе «Дочь огня» данная единица наравне со своими грамматическими синонимами, выполняет именно эту функцию. Однако круг её употребления сравнительно узок, нежели спектр использования артикля «-е» и числительного **як**. **Ягон**, являясь синонимом артикля «-е» и других грамматических средств выражения неопределенности, обычно употребляется в двух значениях: первое – для выражения неопределенности и единичности существительного, второе – для эмфазы основного значения:

*Мулло шуда ба **ягон** мадраса мударрис мешавад ё ки ба **ягон** туман қозӣ?* [214, 277].

Муллои не станет или в медресе мударрисом, казием тоже нет [213, 271].

*Elle ne deviendra **ni** mollah, **ni** kazii* [216, 352].

– *Ман **ягон** сухани бечо нагуфтам, тақсир! гуфт нонвой* [214, 428].

– *Помилуйте, господин раис, я ни одного плохого слова не сказал!* [213, 406].

– *Je **n'ai rien** dit mal! fit le cuisinier* [216, 515].

В этой группе примеров неопределенность существительного выражена неопределенным местоимением **ягон** (**ni– ni**, в таджикском языке **на на**). В другом предложении **ягон** во французском переводе представлен единицей **n'ai rien**, которая употребляется при использовании так называемого «двойного» **отрицания**, то есть сочетание отрицательного глагола с отрицательной частицей **ne ... rien**. Перевод в полной мере передаёт смысловое содержание исходного текста.

– *Аз вай ҳам барҷомондатар **ягон** кас набуд?* [214, 479].

– *А кого-нибудь подрыхлее вы не смогли найти?* [213, 447].

– *Vous n’auriez pu trouver **quelqu’un** de pire!* [216, 565].

– *Аз рӯи қоида, мо **ягон машкобро** маҷбур карда наметавонем* [214, 479].

– *По нашим обычаям, мы не можем заставить водоноса...* [213, 447].

– *Nous ne pouvons obliger **un porteur d’eau**...* [216, 480].

Выбор французского слова *quelqu’un* в качестве эквивалента неопределенного сочетания *ягон кас* можно считать корректным, выражение *ягон машкоб* переведено *un porteur*, в котором неопределенность обозначена неопределенным артиклем мужского рода *un*.

*Аксар вақт ё маст шуда меомад, ё бангу тарёк кашида девона мешуд ва бо ҳар **баҳонае** моро дошта мезад ва қисса мухтасар, ки мо **ягон рӯзи** нек ва **хурсандие** надоштем* [214, 249].

Избывал он нас по любому поводу: то придерется к какой-нибудь ничтожной мелочи, то просто придет пьяный или накурится опиума [213, 246].

*Il nous battait pour un rien: parfois pour une bêtise, ou bien parce qu’il était ivre ou encore lorsqu’il avait fumé de l’opium. En **un mot**. Nous ne passions pas **un jour tranquille*** [216, 317].

В вышеприведенном примере существительные обладают статусом неопределенности: *баҳонае* – *какой-либо повод* – *un rien*, *ягон рӯз* – *когда-нибудь* – *un jour*, *хурсандие* – *радость* – *un jour tranquille*. Данные единицы в таджикском языке сформированы посредством артикля «-е» и лексемы *ягон*, и переводчик посчитал возможным ретранслировать их существительными *un rien*, *un jour*, где неопределенность выражена соответствующим артиклем мужского рода *un*.

– *Не гуфт Олимхоҷа, – **ягон кори** зарури дигар будагист, – ба ҳар ҳол то оша пухта, шуморо қоил накунам, ба **ҳеч ҷо** намеравам* [214, 454].

– *Да нет, – возразил Олимходжа, – видно, что-нибудь серьезное, иначе он не стал бы специально за мной посылать* [213, 427].

– *Non, répliqua Olim–Khodja. Ce doit être **quelque chose** de plus sérieux, sans quoi il ne m'aurait pas envoyé chercher. Mais ça **ne fait rien** je n'irai pas tant que le pilaf ne sera pas prêt* [216, 543–544].

*Шояд дар ҳамин кор ҳам **ягон хайрияти** мо будагист...* [214, 303].

Может, оно и к лучшему все, может, нас ждет что–то очень хорошее... [213, 298].

*Peut–être est–ce mieux d'ailleurs, peut–être **quelque chose de très bon** nous attend–il...* [216, 385–386].

Словосочетание **ягон кор** на французский язык переведено **quelque chose**. Неопределенное местоимение **quelque** употреблено в составе неопределенного словосочетания **quelque chose** «что–нибудь». Выражение **ягон хайрияти** на французский язык передано коллокацией **quelque chose de très bon**, которая полностью передает смысловую нагрузку контекста.

*... лекин мувофиқи супориши қушбегӣ ва қозӣ барои амир **ягон духтари** боақду ҳуш ва соҳибчамолро ёфтаи лозим* [214, 234].

... но тогда ведь все равно приходится искать для эмира какую–нибудь красивую, умную девушку [213, 230–231].

*...mais alors il lui faudrait trouver **une autre jeune fille**, belle et intelligente, pour l'émir* [216, 298].

*Ман ёд надорам, ки **ягон косиб** бечора ва ё ки зани **деҳқон** сабукпо шуда бошад* [214, 418].

А вот я чего–то не упомяну, чтобы какая–нибудь бедная женщина, жена ремесленника или дехканина, бегала к любовникам [213, 398].

*Mais je ne me souviens pas, pour ma part, **qu'une pauvre femme**, l'épouse d'un artisan ait osé prendre un amant* [216, 504].

В данных примерах неопределенность во французском варианте перевода выражена полисемичным сочетанием **une autre jeune fille**. Во втором примере неопределенность выражена словом **qu'une pauvre femme**, сформированным посредством сокращенной формы вопросительного местоимения **que** и неопределенного артикля женского рода **une**.

Напомним, что во французском языке апостроф ставится, когда происходит элизия, то есть выпадение конечных гласных слова и его слияние с последующей лексемой, которая начинается на гласную букву. Особенно часто апостроф ставится на конце служебных слов (предлогов, союзов, артиклей) и местоимений.

*Ба ин кас фармон доданд, ки аз кирдори ҷадидҳо бохабар шаванд, намонанд, ки онҳо **ягон фитнае** бардоранд [214, 447].*

... они приказали моему мужу глаз с них не спускать, смотреть, как бы они не устроили каких-нибудь беспорядков [213, 422].

*Il a ordonné à mon mari de ne pas les quitter des yeux, de veiller à ce qu'ils ne créent **aucun désordre** [216, 536].*

*Наход ки он кас **ягон** роҳи наҷотро нишон надиҳанд? [214, 332].*

Неужели и она ничем не поможет? [213, 327].

*Se pourrait-il qu'elle **non plus** ne puisse pas m'aider? [216, 418].*

В вышеприведенных примерах неопределенность выражена словом **ягон**, во французском языке лексемой **aucun** и словосочетанием **non plus**. Лексема **aucun** вполне адекватно заменяет исходную единицу (**ягон**), но слово **non plus**, переведенное как дигар **не** (больше не) не соответствует сути предложения.

*...ту чилимро зуд алав карда бурда те, ки боз **ягон мағал** нахезад [214, 335].*

–Разожги, доченка, поскорее чилим – у меня руки в тесте, и отнеси поскорее, а то, чего доброго, опять поднимется скандал... [213, 330].

*Apporte-le lui au plus vite, sinon il va encore y avoir **un scandale**... [216, 422].*

*Майлаш, илоҳӣ бой боз **ягон ҳила** накунад [214, 342].*

Господи, хоть бы коварный бай не придумал еще какую-нибудь гадость! [213, 336].

*Seigneur pour vu que le bai n'aille pas inventer encore **quelque méchanceté**! [216, 431–432].*

Словосочетание **ягон мағал** на французский переведено *un scandale*, в котором неопределенность выражена неопределенным артиклем мужского рода *un*. Во втором примере слово **ягон ҳила** может считаться точным аналогом французской лексемы *quelque méchanceté*.

–Шумо, албатта, инро ба амир ё ки ба **ягон каси** дигар мекардагистед? [214, 224–225].

–Вы наверно, намереваетесь поднести ее эмиру или еще кому-нибудь... [213, 222].

– Vous avez sans doute l'intention d'en faire cadeau à l'émir ou à **quelqu'un** d'autre... [216, 286].

Ман аз кай боз мехостам, ки худо ба ман **ягон дилҷӯе** расонад, ки ба вай қиссаи пинҳони худро гӯяму баъд ҳар чӣ шавам, майлаш, аз тақдирам. [214, 245].

Я давно уже молю бога, чтобы он послал мне такого человека, которому можно довериться, а потом – будь что будет [213, 241].

Depuis longtemps déjà je demande à Dieu qu'il m'envoie **un homme** auquel je puisse faire confiance. Après, advienne que pourra [216, 312].

В вышеприведенных предложениях перевод неопределенных существительных **ягон кас** – *quelqu'un*, **ягон дилҷӯе** – *un homme* следует идентифицировать как корретный. Наблюдения показывают, что неопределенный артикль в структуре французского предложения или фразы не имеет определенной позиции. Слово **ягон** часто употребляется в разговорном языке, и писатель широко использует его в речи персонажей, что придает всем его произведениям статус уникальности.

Наравне с неопределенным артиклем «-е», лексемой **як**, местоимениями **ҳеч**, **ягон** для выражения неопределенности в романе «Дочь огня» употреблено неопределенное местоимение **кадом** (который, какой). Рассматривая вопрос о функциональных характеристиках местоимения **кадом**, ученый-лингвист Р. Гаффаров отмечает, что единица «кадом» как местоимение утратило своё лексическое значение и служит в

качестве грамматической формы в выражении неопределенности существительного. Данная разновидность категории неопределенности свойственна разговорной речи. Именно по этой причине Рахим Джалил редко употребляет его в своей описательной речи, и часто в речи персонажей. Другой особенностью неопределенного местоимения **кадом** считается выражение настойчивости (подтверждения):

Ман намедонам, ки шумо духтари кадом парӣ ва ё малак ҳастед [214, 215].

Я не знаю, чья вы дочь, кто вы, пери или ангел... [213, 212].

Je ne sais de qui vous êtes la fille, j'ignore qui vous êtes... [216, 273].

... Мағфират бо кадом афсун ҷоду кард? [214, 339].

Какими чарами околдавала его Мағфират? [213, 333].

Par quels charmes Magfirat l'avait-elle envoûté? [216, 426].

Слово **кадом** во французском контексте отсутствует, а во втором выражено вопросительным местоимением **quels**. Напомним, что согласно правилам французской грамматики, именно род и число существительного обуславливает выбор конкретного местоимения. Например, только одна лексема **кадом** на французский язык может быть переведена в разных родовых категориях: мужской род – **quel**, женский – **quelle**, и в обоих родах во множественном числе – **quels, quelles**.

Шамсия хуб гиря карду баъд оби чаимонаширо пок карда истода ким-чиҳо гуфт, гӯё боз ҳам шеърҳо хонд ва ба Фирӯза хуб дарду ҳасрат кард... [214, 203].

Наплакавшись вволю, Шамсия вытерла мокрое от слез лицо и снова заговорила, но Фируза уже не вникала в смысл ее слов, она думала о своем [213, 199].

Chamsia essuya ses larmes et se remit à parler. Mais Firouza ne l'écoutait plus, ses pensées étaient occupées ailleurs [216, 257].

Ещё одним средством выражения неопределенности в таджикском языке является лексема **ким-чиҳо**, идентичная французской единице **quelque chose**, однако при переводе на французский она была опущена.

Вовремя контент-анализа фактического материала были выявлены ряд предложений, в которых слово **чиз** и артикль «-е» обозначают неопределенность, выражая неизвестный для говорящего и слушающего предмет:

*Ниҳоят Шамсия ба гӯши Фирӯза **чизе** гуфтааст, ки вай дарҳол розӣ шуда, ба назди ӯ рафтааст [214, 224].*

Тогда Шамсия что-то ей шепнула, и Фируза пошла [213, 221].

*Alors Chamsia lui avait chuchoté **quelque chose** et Firouza l'avait suivie [216, 286].*

Неопределенность в таджикском языке выражается также словом **чизе** (что-нибудь) **quelque chose**, что, безусловно, можно считать верным переводом. Французский вариант происходит от слова **quelque** – **ягон** (что-нибудь), **une chose** – **чизе**.

*Гиря гулӯи Шамсияро фушурда гирифт ва ӯ ба ин суханҳо **чизе** гуфта натавониста, дар ҷогаҳаш тапиду бас [214, 228].*

У Шамсии от жалости больно сжалось сердце, горло перехватила спазма, она ничего не ответила Фирузе [213, 225].

*La coeur de Chamsia s'emplissait de pitié, elle avait la gorge serrée. Elle ne répondit **rien** à Firouza [216, 289].*

*Оймулло боз таъзим карду **чизе** гуфта натавонист [214, 286].*

Оймулло снова поклонилась, промолчав [213, 279].

*Oïmoullou s'inclina une fois encore mais garda **le silence** [216, 364].*

В приведенных примерах неопределенность, представленная словом **чизе**, в первом примере была реализована отрицательной частицей **ne ... rien** – ничто и существительным **le silence** – **хомӯшӣ** (**чизе гуфта**) – тишина.

Анализ фактического материала показал, что выражение неопределенности зависит от позиции слова, наличия специальных условий для осуществления различных грамматических средств и умения ими оперировать.

1. Ограниченный функциональный спектр артикля «-е», слов **як, ягон, ҳеч, кадом** и их взаимозаменяемость доказывает, что основная функция артикля «-е₁» заключается в выражении неопределенности и единичности.

2. В произведении артикль «-е» имеет достаточно широкий круг употребления в частности он повсеместно используется в описательной речи писателя.

3. Лексемы **як, ягон** отличаются частотностью употребления в речи персонажей, что обосновывает факт их принадлежности к разговорному стилю.

4. Для выражения категории неопределенности существительного были использованы все релевантные цели грамматические средства, в частности слова **як, ягон, ҳеч, кадом, баъзе**, которые в большинстве случаев выступали в качестве синонима неопределенного артикля «-е». Писатель мастерски оперировал ими в соответствии с речевыми задачами персонажей произведения и смысловой нагрузкой нарратива.

5. Если неопределенность имени существительного во французском языке выражается только посредством артикля, то в таджикском языке для реализации этой цели существует ряд способов в рамках морфолого-синтаксического и лексико-грамматического подходов.

6. В таджикском и французском языках существительное обладает морфологической категорией определенности и неопределенности, основным средством выражения которых во французском языке являются артикли **le, la, les** (определенность), **un, une, des** (неопределенность), **du, de la** (компонентный), а в таджикском – артикль «-е» и послелог **-ро**.

7. Одной из основных причин опущений слов и словосочитаний в тексте французского перевода является неадекватность русского перевода произведения. Так, все упущения, недочёты, ошибки

грамматического, лексического, синтаксического характера, допущенные в процессе перевода оригинального (на таджикском языке) текста на русский язык обусловили появление аналогичных просчетов во французской версии перевода

В частности, неопределенность существительного в таджикском языке выражается посредством неопределенного артикля «-е» словами *як, ягон, кадом, ҳеч* и во французском при помощи неопределенных артиклей *un, une* и *des*. Категория рода французских существительных включает два компонента – женский и мужской род, в таджикском языке данная грамматическая категория вообще отсутствует.

Формат применения артикля неопределенности и определенности заключается в частом использовании писателем артикля «-е» в описательной речи слов «*ягон*», «*як*» в речи персонажей произведения.

Писатель при выборе грамматических средств акцентирует внимание на индивидуально-стилистических аспектах своего творчества, применяя семантико-стилистические возможности различных грамматических средств, в частности категории определенности и неопределенности.

Во второй части мы также приводим примеры из французского романа Антуана де Сент-Экзюпери «Ночной полет» и его таджикского перевода.

Oui, c'est bien là qu'il fut le témoin d'un miracle [215, 13].

Ope, ope, ӯ маҳз дар он ҷо шохуди мӯъҷиза буд [212, 26].

Il leva les yeux vers les étoiles, qui luisaient sur la route étroite, presque effacées par les affiches lumineuses, et pensa: [215, 32].

Вай ба ситораҳо, ки аз болои кӯчаи танг нурношӣ доштанд ва дар назди равшании эълонҳо оқиз монда, аз нав дар осмон нопадид мешуданд нигоҳ кард [212, 63].

Существительные *le témoin, les étoiles, la route, les affiches* представлены определёнными артиклями единственного и множественного числа (*le* – муж. род и *la* – жен. род и *les* – множ. число для обоих родов), которые переведены на таджикский язык лексемами *шоҳид, кӯча* в единственном числе и *ситораҳо, эълонҳо* во множественном числе.

Un sourire triste lui vint aux lèvres, que Robineau ne comprit pas [215, 27].

Дар қиёфаи раис **табассуме** ғамомезе пайдо шуд, ки маънои онро Робино нафаҳмид [212, 53].

Rivière pensa qu'ainsi, chaque nuit, une action se jouait dans le ciel comme un drame [215, 27].

Аммо Ривьер фикир кард, ки ана ҳамин тавр ҳар шаб дар осмон **як** гиреҳи фоҷиаи нав бафта мешавад [212, 53].

Il posait parfois des rébus en sortant d'un songe [215, 26].

Аз дунёи хаёлот баргашта, Ривьер баъзан ба зердастони худ ҳамин зайл **муаммоҳоро** пешниҳод мекард [212, 51].

Существительные *un sourire, une action, un drame* имеют в своем составе неопределённые артикли единственного числа (*un* – муж. род и *une* – жен. род), которые в таджикском варианте представлены посредством неопределённых артиклей «-е» (*табассуме*) и слова **як** (**як гиреҳ**). Существительное *des rebus*, сформированное с помощью неопределённого артикля множественного числа *des*, которое в таджикском переводе (**муаммоҳо**) отсутствует.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе ценных и достоверных языковых материалов анализ и интерпретация категории числа, определенности и неопределённости имени существительного таджикского и французского языков и их сопоставления позволили нам сформулировать определенные выводы и заключения как теоретической, так и прикладной значимости.

Общеизвестно, что категория числа и в таджикском и во французском языках считается одной из важнейших языковых категорий, которая выражает единичность или множественность предметов.

С нашей точки зрения, категории числа имен существительных не относится к разряду словообразования и не является лексико-грамматическим феноменом категория. Она может быть причислена к собственно-грамматической, словоизменительной категориям, выявляемым в соотношении форм единственного и множественного числа, не нарушающей лексического тождества слова.

В таджикском и французском языках единственное и множественное число реализуется путём добавления суффиксов.

Формы единственного и множественного числа имени существительного в таджикском языке образуются с помощью суффиксов «-ҳо», «-он (-гон, -вон, -ён)» и суффикса – «-от», имеющего арабскую этимологию (китоб – китобҳо, чавон – чавонон, хонанда – хонандагон). Во французском языке имя существительное в форме единственного числа обладает категорией род (мужской род и женский род), что выражается посредством артиклей (определённый и неопределённый). Морфологическими показателями множественного числа являются суффикс «-s», определённый артикль *les* и неопределённый артикль *des*: *le livre – les livres (un livre – des livres), la fille – les filles (une fille – des filles)*. Формы единственного числа существительных в таджикском и французском языках не всегда связаны

с понятием единичности. Они могут обозначать также названия единичных и безотносительных предметов (le miel – асал (мёд), l'eau – об (вода)).

В отличие от таджикского языка категория числа в французском языке непосредственно связана с идеей определенности–неопределенности. Это особенно ярко проявляется при лексико–синтаксическом способе выражения числового значения.

В обоих языках в сферу грамматических форм числа вовлечены не только наименования исчисляемых предметов (хона — хонаҳо), но и обозначения таких понятий, как: собирательность (мардум), вещественность (нафт – pétrol) и отвлеченность (ғусса–tristesse). В таджикском языке такие существительные относятся либо к именам, употребляемым только во множественном числе, либо к именам, употребляемым только в единственном числе. Категория числа в таджикском и французском языках в целом характеризуется тождеством в плане содержания, но обладает уникальным национальным своеобразием в плане выражения.

Анализ семантики и способов выражения грамматической категории числа у имени существительного во французском и таджикском языках позволяет нам сделать следующие выводы.

Категория числа принадлежит к числу важнейших языковых категорий. Универсальность категории числа, или то, что значение числа получают все имена существительные, свидетельствует о ее грамматической форме, которая с помощью особых морфологических средств выражает единичность или множественность предметов, производителей действия, явлений. Однако до сих пор вопрос функциональных особенностей категории числа остаётся для научного сообщества нерешенным. Мы считаем, что главным элементом при определении единственности или множественности предмета является суффикс.

Тема лексико-грамматических разрядов имен существительных относительно категории числа рассматриваются нами в рамках категории числа, а не вне последней, так как закрепление одной из форм единственного и множественного числа является обязательным и определяется традицией языка.

В таджикском и французском языкознании относительно проблематики грамматической категории числа издано огромное количество трудов под авторством отечественных и зарубежных ученых.

Можно считать, что существительные множественного числа, которые являющиеся нарицательными, в большинстве случаев приобретают степень обобщения при помощи суффикса «-он» и сравнительно реже обобщаются посредством суффикса «-ҳо» («одамон» (люди), «шерон» (львы), «кирмҳо» (черви)).

Во французском языке категория числа характеризуется специфичностью как в отношении способов ее выражения, так и в плане ее содержательной стороны. В формальном аспекте, прежде всего, констатируется ее нерегулярное выражение, особенно в устной речи, ввиду чего число предмета очень часто опознается не по морфологическим признакам, а по синтаксическим (служебные слова, согласование).

Наиболее распространенным средством выражения множественного числа является агглютинация: прибавление -s (-x) к форме ед. числа: table – tables, jeu – jeux. Более редкие способы: а) внутренняя флексия travail – travaux; б) аналитический способ с помощью служебных слов: une voix – des voix; в) супплетивизм: œil – yeux; homme – gens.

Различие между исчисляемостью и неисчисляемостью во французском языке образует особую грамматическую категорию, выраженную артиклем. Так, например, любое исчисляемое существительное может, благодаря артиклю, перейти в разряд неисчисляемых (un bœuf – du boeuf) и наоборот (du verre – un verre).

Во французском языке форма множественного числа легко присоединяется к различным семантическим разрядам имен существительных и используется как средство расширения номинативных возможностей языка.

Категория неопределенности и определенности имеет более широкий смысл и выражается различными способами и средствами. Предмет, знакомый собеседнику, является определенным, а предмет, о котором осведомлен только говорящий, – неопределенным. Категория неопределенности и определенности имени существительного в различных языках, в частности, в таджикском и французском языках выражается разными способами и средствами. Данная грамматическая категория существительного находится в ракурсе повышенного внимания ученых–лингвистов и востоковедов. Следовательно, в данной работе предпринята попытка определить и решить актуальные вопросы теоретической интерпретации данной проблемы на материале таджикского и французского языков. Точки зрения таджикских ученых относительно вопроса категории неопределенности и определенности на данном этапе развития таджикского языкознания в определенной степени расходятся. Во французском языке категория неопределенности и определенности имени существительного выражается определёнными артиклями **le, la, les** и неопределёнными – **un, une** и **des**.

Логическая теория артикля подчеркивает его роль в отражении объема и содержания понятия. Определенный артикль переносит акцент на объем понятия, выражая тотальность или единичность. Ср.: **Le chien est un animal; Je vois le chien du voisin.**

Неопределенный артикль, напротив, подчеркивает содержательную сторону понятия и употребляется для выделения специфических черт объекта. Если определенный артикль несет денотативную функцию, указывая на конкретный объект или группу объектов, то неопределенный артикль – сигнификативную, детерминируя на понятие, под которое подводится объект.

В общем, категории неопределенности и определенности в таджикском и во французском языках имеют некоторые сходства, так, например, в сфере единичности и неопределенности (марде – un homme, шахсе – une personne). Во французском языке категория рода (мужской род и женский род) занимает место одного из ведущих грамматических явлений, а в таджикском языке грамматический род вообще отсутствует.

Сравнительный анализ материалов исследуемых языков показывает, что некоторые фонетические и грамматические соответствия и определенные несоответствия подвергаются интерферентному влиянию адаптационных процессов: например, совпадение некоторых фонем и грамматических правил в таджикском и французском языках и их отсутствие в русском языке; в таджикском языке достаточно широко используется способ аффиксального словообразования, французскому языку также свойственен подобный способ формирования слов, так же как и использование изафетных конструкций.

В связи с этим перспективы дальнейшего изучения категории числа, определённости и неопределённости таджикского и французского языков представляются нам в следующих направлениях: продолжение более детального и всестороннего сопоставительного исследования грамматических единиц, выявленных в данной работе в качестве разрядов категории числа, определённости и неопределённости на материале французского и таджикского языков; специальное сопоставительное изучение следующих разрядов категории числа, определённости и неопределённости имени существительного, не охваченных настоящим диссертационным исследованием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллоева, М. Н. Категория числа в русском и таджикском языках / М. Н. Абдуллоева. – Душанбе, 1980. – 87 с.
2. Абдуллоева, М. Н. Сопоставительная характеристика имен существительных в русском и таджикском языках / М. Н. Абдуллоева. – Душанбе, 1989. – 61 с.
3. Абдуллоева, М. Н. Практикум по сопоставительной морфологии в русском и таджикском языках / М. Н. Абдуллоева, С. И. Ибрахимова. – Душанбе, – 1997. – 300 с.
4. Абдурахимов, С. Ибораҳои исмии забони адабии ҳозираи тоҷик / С. Абдурахимов. – Душанбе: Дониш, 1973. – 159 с.
5. Абросимова, Т.А. Хрестоматия по теоретической грамматике французского языка; на фр. яз. / Т.А. Абросимова. – М.: Просвещение, 1987. – 223 с.
6. Адамец, П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных. Филологические науки / П. Адамец. – 1973. – № 4. – С. 40–46.
7. Ализода С. Сарф ва наҳви забони тоҷикӣ / С. Ализода. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2010. – 92 с.
8. Алисова, Т.Б. Введение в романскую филологию. / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М.А. Таривердиева / – М., 1987. – 229 с.
9. Арзуманов, С. Таджикский язык / учебник / С. Арзуманов, О. Джалолова. – Душанбе: Ирфон 1969. – 416 с.
10. Арнольд, И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания / И. В. Арнольд. – М., 1982. – № 4. – С. 83 - 89.
11. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. Аспекты семантических исследований / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1980. – С. 156 – 250.

12. Атобуллоев, С. Заметки о первой грамматике таджикского языка / С. Атобуллоев // Известия АН Таджикской ССР, 1971, №3(65). – С. 34 – 39.
13. Ахманова, О.С. "Вертикальный контекст" как филологическая проблема / О.С.Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. № 3. – С. 47–54.
14. Багирокова, И. Г. Категория определенности-неопределенности в сопоставительном аспекте: На материале адыгейского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Багирокова Ирина Гаруновна. – М., 2000. – 191 с.
15. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Иностр. литер., 1955. – 416 с.
16. Басманова, А. Г. Именные части речи во французском языке / А. Г. Басманова. – М.: Высшая школа, 1977. – 198 с.
17. Басманова, А.Г. Именные грамматические категории в современном французском языке /А.Г. Басманова. -М.: Высшая школа, 1977. – 198 с.
18. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 448с.
19. Бертельс, Е.Э. Грамматика персидского языка / Е.Э. Бертельс. – Ленинград, 1926. – 127 с.
20. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко – Л.: Наука, 1971. – 115 с.
21. Бондарко, А. В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике // Принципы и методы семантических исследований / А. В. Бондарко – М.: Наука, 1976. – С. 180 – 202.
22. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
23. Булыгина, Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований / Т. В. Булыгина. – М.: Наука, 1980. – С. 320–355.

24. Булыгина, Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова – М.: Наука, 1982. – с. 7 – 85.
25. Васильева, Н.М. Грамматические категории французского глагола / Н.М. Васильева, Л. П. Пицкова. – М.: Высшая школа, 1978. – 289 с.
26. Виноградов В.В. Грамматика русского языка. Т. 1/ В.В. Виноградов. - М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 102 с.
27. Виноградов, В.В. Грамматика русского языка. Т. 2 / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. - 112 с.
28. Виноградов, В. А. Методы типологии // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / В. А. Виноградов. – М.: Наука, 1973. – с. 224 – 256.
29. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 344 с.
30. Газиева, М.И. Таджикские словосочетания имён существительных и их соответствия в русском языке. Автореферат дисс. канд. филол. наук: 10.02. 02/Газиева Мавлюда Исламовна. – Душанбе, 1991. -17 с.
31. Гак, В. Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков / В.Г. Гак. – М., 1966. – 254 с.
32. Гак, В.Г. Очерк функциональной грамматики французского языка. Часть 1 / В. Г. Гак. – М., 1974. – 378 с.
33. Гак, В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы) / В. Г. Гак. – М.: Наука, 1977. – С. 230–293.
34. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. – М., 1977. – 264с.

35. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология: Для институтов и факультетов иностранных языков / В.Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1979. – 304 с.
36. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1983. – 287 с.
37. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис / В.Г. Гак. – М.: Высш. Шк., 1986. – с. 220
38. Гак, В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским: к изучению дисциплины / В.Г. Гак. – 3-е изд., испр. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
39. Гак, В.Г. Теория и практика перевода: Французский язык. 11-е изд. / В. Г. Гак, Б. Б. Григорьев. – М.: Ленанд, 2015. – 464 с.
40. Гальперин, И.Р. К проблеме зависимости предложения от контекста // Вопросы языкознания / И. Р. Гальперин. – 1971. – № 1. – с. 48 – 55.
41. Гафуров Б. «Краткая история таджикского народа» / Б. Гафуров –Сталинабад, 1947. – 382 с.
42. Гаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Чалил (дар асоси романи «Одамони ҷовид») / Р. Гаффоров. – Душанбе, 1966. – с. 104–118
43. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. / – Душанбе: Дониш, 1986. - ҷ.2. – 368 с.
44. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми I. Фонетика, морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 314с
45. Гранде Б. М. Введение в сравнительной изучение семитских языков / Б. М. Гранде. М.: 1998. – 439 с.
46. Джалолов, О. Дж. Категория множественного числа и некоторые вопросы современного таджикского языка. Издательство академия наук. Таджикской ССР / О. Дж. Джалолов. – Сталинабад. –1961. – 160с.

47. Джураев Р. Очерк по истории грамматики таджикского и персидского языков. (На материале памятника XII в. «Асрор-уттавхид».) / Р. Джураев. – Душанбе, «Ирфон». 1972. – С. 172.
48. Долинин, К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания / К.А. Долинин. – 1983. – № 6. – с. 37 – 47.
49. Ефремова, И. Н. Способы и средства выражения категории определенности / неопределенности в русском и французском языках / И. Н. Ефремова, Т. М. Белкова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 28. – С. 27–30.
50. Забони адабии хозираи тоҷик // Мухаррири махсус Ш. Рустамов. – Душанбе: Маориф, 1982. – 234 с.
51. Зарубин, И.И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев. Опыт характеристики / И.И. Зарубин // Материалы Лен. отд. Акад. Наук СССР, 1928. – С.181.
52. Илия, Л.И. Очерки по грамматике современного французского языка / Л.И. Илия. – М., 1970. – 174 с.
53. Илия, Л.И. Пособие по теоретической грамматике французского языка / Л.И. Илия. – М., 1979. – 359 с.
54. Илия, Л.И. Синтаксис современного французского языка / Л.И. Илия. – М., 1962. – 384 с.
55. Камолиддинов, Б. Ушлублиноӣ / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 116 с.
56. Камолетдинов, Б. О синонимике некоторых инфинитивных оборотов в произведениях С. Айни / Б. Камолиддинов // Проблемы иранской филологии: Материалы всесоюзной научной конференции. – Баку, 1979. – С. 22.
57. Камолиддинов, Б. Хусусияти услубии сарфу наҳви забони тоҷикӣ / Б. Камолиддинов – Душанбе: Маориф, 1992 – С.16–24.
58. Камолиддинов, Б. Наҳви забони тоҷикӣ / Б. Камолиддинов. – Душанбе, 2010. – 231 с.

59. Каримов, Ҳ.К. Масъалаҳои забоншиносии тоҷик / Ҳ.К. Каримов. – Душанбе – 1967. – 180 с.
60. Катфорд, Дж.К. Лингвистическая теория перевода: Об одном аспекте прикладной лингвистики: к изучению дисциплины / Дж. К. Катфорд. пер. с англ. В.Д. Мазо. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
61. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
62. Кокорина, А.В. Стратегии перевода образной речи (на материале французского языка): сборник статей / А.В. Кокорина. – Архангельск: Поморский университет, 2010. – 90 с.
63. Колыбелькина Е. В. Сопоставительный анализ категории определенности / неопределенности и способов её выражения во французском, английском и русском языках / Е. В. Колыбелькина // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2015. – №3. – С. 125 – 130.
64. Комиссаров, В.Н. Лингвистическое переводоведение в России: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 184 с.
65. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – Москва: ЭТС, 2002. – 424 с.
66. Кузнецова, И.Н. Сопоставительная грамматика французского и русского языков / И.Н. Кузнецова. М.: Изд-во «Нестор Академик», 2009. – 271 с.
67. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М.: Иностранная литература, 1962. – 456 с.
68. Қосимова, М. Н. Мухтасар оид ба истилоҳоти забоншиносии пешини тоҷик // М. Н. Қосимова. – Душанбе, 2002. – 113 с.
69. Қосимова, М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик / М.Н. Қосимова. – Душанбе, 2003. – 506 с.
70. Латышева Ю. А. Функционально-семантическое поле предметной определенности и неопределенности и контекст в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол.

наук:10.02. 20 Юлия Александровна. – М.: МГОУ им. Крупской, 2006. – 33с.

71. Лившиц В.А. О внутренних законах развития таджикского языка / В.А. Лившиц // Изв. АН Тадж. ССР. отд. обществ. наук, 1954, №5. – с. 87-102.

72. Мальчанова, У.К. Категория числа в таджикском языке / У. К. Мальчанова. – М.: Наук, –1976. С. 132 – 142.

73. Махмадалиева Х.П. Сопоставительный анализ адъективных словосочетаний в таджикском, английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Махмадалиева Халима Пирмуродовна. - Душанбе, 2015. – 181 с.

74. Маҳмудов, Д.О. Грамматикаи забони франсавӣ / Д.О. Маҳмудов, М. Ч. Шоев. – Душанбе, 2012. – 126 с.

75. Маҷидов Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик. Луғатшиносӣ. / Ҳ. Маҷидов. – Душанбе: Деваштич, ҷилди 1, 2007. – 255 с.

76. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик. / Н. Маъсумӣ. – Сталинобод, 1959. – 294с.

77. Мингазова, Н.Г. Сопоставительный анализ категории числа имен существительных в английском и арабском языках. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мингазова Наиля Габделхамитовна. – Казань, 2004. – 26 с.

78. Мирзоев, А. Масъалаҳои ибора дар забони адабии тоҷикӣ / А. Мирзоев. – Душанбе: Деваштич, 2002. – 308 с.

79. Мурадова, Л.А. Грамматика французского языка. 8–е издание / Л.А. Мурадова. – М.: Айрис – Пресс, 2013. – 320 с.

80. Мухторов, З.М. Структура и семантика текста (на материале таджикского и русского языков) /З.М. Мухторов. – Душанбе, 2013. – 242с.

81. Набиев, М. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Наҳв. Қисми 2 / М. Набиев. – Душанбе: Ирфон, 2012 – 176 с.

82. Наджотов, А.А. Таджикско-персидские заимствования в сочинениях по арабскому языкознанию: на основе книги ас-Суюти «ал-Музхир»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Наджотов Абдулмуте Абдулкосимович. – Душанбе, 2011. – 28 с.
83. Надыршина, С.Ш. Сопоставительное исследование слов образовательных рядов отглагольных наименований лица в русском и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Надыршина Суфия Шамильевна – Душанбе, 1999. – 24 с.
84. Нелюбин Л. Л., Бухтиярова С. А., Гаргуша Л. Г., Филиппова Л. Г. Сравнительная типология английского и русского, немецкого и русского, французского и русского языков, М.: МГОУ, 2004. – 204 с.
85. Неменова Р.Л. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа) / Р.Л. Неменова. – Сталинабад, 1956. – 190 с.
86. Нечаева, Е. Ф. Тренинг будущего переводчика. Французский язык / Е. Ф. Нечаева. – М.: Владос, 2024. – 133 с.
87. Ниёзи, Ш. Словообразование имен существительных в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Шавкат Ниёзи. – Сталинабад, 1950. – 24 с.
88. Ниёзӣ, Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ / Ш. Ниёзӣ. – Сталинобод. – 1954. – 130 с
89. Ниёзмӯҳаммадов Б. Морфологияи забони тоҷикӣ./ Б.Ниёзмӯҳаммадов, Л. Бузургзода – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1941. – 70 с.
90. Ниёзмӯҳаммадов Б. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Синтаксис. Қисми 2 / Б. Ниёзмӯҳаммадов, Ш. Ниёзӣ. – Сталинобод, 1952. – 159 с.
91. Ниёзмӯҳаммадов, Б. Баъзе масъалаҳои забони адабии ҳозираи тоҷик / Б. Ниёзмӯҳаммадов. Душанбе: Ирфон 1965. – 93с.
92. Ниёзмӯҳаммадов, Б. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1 / Б. Ниёзмӯҳаммадов. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 450 с.

93. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
94. Норматов, М. Забони адабии муосири тоҷик (синтаксис). – Душанбе, 2011. – 324 с.
95. Овчинникова, И.К. Именные словосочетания в персидском языке и возможные принципы их классификации /И.К. Овчинникова //Иранская филология. М.: МГУ, 1971. - С. 37 - 53.
96. Олимов Р.Ш. Выражения категория определенности с помощью послелога «-ро» / Р.Ш. Олимов // Актуальные проблемы лингвистики, переводведения и методики обучения иностранным языкам в высшей школе. ТГПУ им С. Айни. Душанбе – 2018. –С. 251-254
97. Петрова, А.А. Метаязыковая аспектность модальных отношений в процессе перевода (на материале морской терминологии русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Петрова Анжелика Александровна. – Краснодар, 1999. – 24 с.
98. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-ое изд./А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 450 с.
99. Поликарпова Е. В. «Число, исчисление и грамматическая категория числа в английском и французском языках» : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Поликарпова Евгения Владимировна. М., 2007. – 203с.
100. Поликарпова Е. В. Число, исчисление и грамматическая категория числа в английском и французском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Поликарпова Евгения Владимировна. – Москва, 2007. – 20 с.
101. Расторгуева, В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров / В.С. Расторгуева. – М.: Наука, 1962. – 188с.
102. Ребрушкина И.А. «О термине «термин» // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы / И.А. Ребрушкина // Международная научная конференция, посвященная 200-

летию Казанского университета. Труды и материалы. – Казань, КГУ, 2004. – С. 79 – 80.

103. Реферовская, Е. А. Синтаксис современного французского языка / Е. А. Реферовская. – Л.: Наука, 1966. – 237 с.

104. Розенфельд А.З. Говоры Каротегина//Труды АН. Тадж. ССР XVIII// А.З. Розенфельд. – Сталинабад, 1960. – 93 с.

105. Розенцвейг, В. Лексика имущественных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика / В. Розенцвейг. – 1964. – Вып. 8. – С. 104 – 108.

106. Рубинчик, Ю. А. Артикль в современном таджикском языке. Краткие сообщения института востоковедения Ан СССР / Ю.А. Рубинчик, А.У. Муравьёва. – М. – 1959. - С. 75 – 87.

107. Рубинчик, Ю.А. Современный персидский язык / Ю.А. Рубинчик. – М., 1960. -140 с.

108. Руделева, О. А. Существительное и его семантико-грамматические классы (на материале поэзии А. Вознесенского): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Руделева Ольга Алексеевна. – Саратов, 1990. – 14 с.

109. Рустамов, Ш. Имя существительное (на таджикском языке) / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1980. –220 с.

110. Рустамов, Ш. Исм дар забои ҳозираи тоҷик/ Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 218 с.

111. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1972. –77 с.

112. Рустамов, Ш. Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм / Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон. – 1972. – 156 с.

113. Саймиддинов, Д. Пажӯҳишҳои забоншиносӣ / Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2013. –208 с.

114. Саломов, А. Дж. Адаптация арабских заимствований в таджикском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Саломов Аскар Джабборович. – Душанбе, 2010. – 25 с.

115. Серебренников, Б.А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания // Принципы описания языков мира / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1976. – С. 7 – 52.
116. Сильман, Т.И. Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки / Т.И. Сильман. – М.: 1969. – № 1. – С. 84 – 90.
117. Сияров, А. Лексико-семантические изменения арабских заимствований в современном дари и таджикском языках: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.08 / Сияров Ахмад. – Тбилиси, 1988. – 20 с.
118. Соколова, М. С. Семантико-грамматическая классификация герундия. // Романская филология. Сборник статей. К юбилею кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ им. Ломоносова / М. С. Соколова. – М.: 2005. – С. 123 – 137.
119. Солиев, А. Доир ба як навъи ибораи исми /А. Солиев // Мактаби советӣ. – 1977. – №2. - С.19-22.
120. Солиев, А. Предложно-именные словосочетания в современном таджикском литературном языке (на материале художественной прозы С. Айни): автореф. дис. .... канд. филол. наук: 10.02.02 / Солиев Абибулло. – Душанбе, 1984. – 183 с.
121. Солихов, Н. Х. Лингвистический анализ арабских масдаров в таджикском языке (на основе материала «Кимийāи са‘ādат» Имама Газзали): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Солихов Наджмиддин Хамидович. – Душанбе, 2013. – 25 с.
122. Солнцев, В. М. Язык как структура образования / В. М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 340 с.
123. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М., 1977. – 695с.
124. Степанов, Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1976. – 224 с.

125. Степанов, Ю.С. Структура французского языка: морфология, словообразование, основы синтаксиса в норме французской речи / Ю.С. Степанов. – М., 1965. – 183 с.
126. Степанова, А.Н. Практикум по теоретической грамматике французского языка / А.Н. Степанова, В.Д. Бурло, Н. А. Рыбкина, С.А. Шашкова. – Минск, 1986. – 236 с.
127. Супрун, А.Е. Лексическая типология славянских языков / А.Е. Супрун. – Минск: Изд-во БГУ, 1987. – 47 с.
128. Тарасова, А.Н. Практикум по теоретической грамматике. Французский язык / А.Н. Тарасова, Е. А. Рощупкина, Н. Б. Кудрявцева. – М.: Высшая школа, 2003. – 204 с.
129. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.
130. Третьякова, О. Д. Неопределённые местоимения, лишённые маркера неопределённости, в типологической перспективе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Третьякова Ольга Дмитриевна. – М., 2009. – 201 с.
131. Успенская, Л.В. Именные части речи русском и таджикском языках / Л. В. Успенская. – Душанбе. – 1984. – 282 с.
132. Успенский, Б.А. Принципы структурной типологии / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во МГУ, 1962. – 62 с.
133. Файзиева, Г. И. Выражения интенсивности в русском, английском и таджикском языках (сопоставительный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Файзиева Гюльчехра Ильясовна. – Худжанд, 2007. – 26 с
134. Ферс Джон, Р. Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Р. Ферс Джон. – М.: Международные отношения, 1987. – С. 25 – 35.
135. Халилов, А. Вазифаҳои грамматикии бандаки изофӣ (-ӣ) дар забони адабии ҳозираи тоҷик /А. Халилов. – Душанбе, 1969. – 148 с.
136. Халилов, А. Ибораҳои изофӣ дар забони адабии тоҷик /А. Халилов. – Душанбе, 1964. – 93 с.

137. Хиддекель, С.С., Кошель, Г.Г. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. С.С. Хиддекель, Г.Г. Кошель.– Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. – С. 11–16.
138. Хоҷа Ҳасани Нисорӣ. Чаҳор гулзор [таҳияи У. Назир ва Д. Хоҷа] / Нисорӣ Хоҷа Ҳасан. – Душанбе: Шарқи озод, 1998. – 116 с.
139. Хоҷаев Д. Афкори забоншиносии тоҷик дар асрҳои X-XVI. / Д. Хоҷаев Душанбе, 2013. – 340с.
140. Хоҷаев Д. Гуфтори накӯ куҳан нагардад / Д. Хоҷаев. – Душанбе: Шучоиён, 2011. – 230 с.
141. Ҳалимов, С. Забони ҳозираи тоҷик (ҳиссаҳои номии нутқ) / С. Ҳалимов, К. Шукурова. – Душанбе: 1988. – 100с.
142. Ҳусейнов, Х. Забон ва услуби «Одина» – и устод Айнӣ / Х. Ҳусейнов. – Душанбе: Ирфон, – 1973. – 256 с.
143. Ҳусейнов, Х. Пунктуацияи забони ҳозираи тоҷик / Х. Ҳусейнов. – Душанбе. Маориф, – 1977. – С. 93-98.
144. Чудинова Ю. В. Определённый артикль во французском тексте и средства его передачи в русском языке; дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чудинова Юлия Валериановна. – М., 2007. – 203 с.
145. Шарипова Ф.Х. Корбурди ҳарфи *ع* (артикли -e) дар осори марҳилаи аввали инкишофи забони адабӣ / Ф. Х. Шарипова // Вестник Таджикского национального университета 4/7 (218) Душанбе: 2016. – С. 5-11.
146. Шахматов, А.А. Очерк современного русского литературного языка / А.А. Шахматов. – М.: 1941. – 288 с.
147. Швейцер, А.Д. Языковые и внеязыковые аспекты перевода // Методы сопоставительного изучения языков /Отв. ред. В.Н. Ярцева / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – С. 59 – 65.
148. Шигаревская, Н.А. Новое в современном французском синтаксисе / Н.А. Шигаревская. – М.: Просвещение, 1977. – 103 с.

149. Шигаревская, Н.А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи / Н. А. Шигаревская. – Л.: Просвещение, 1970. – 216 с.
150. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика /Д.Н. Шмелев. – М.: Высшая школа, 1977. – 253 с.
151. Щерба, Л.В. Современный русский литературный язык. Изб. Работы по русскому языку /Л.В. Щерба. – М., 1957. –126 с.
152. Щетинкин, В.Е. Система грамматических категорий имени существительного во французском языке: автореф. дис. ... докт. филолог. наук: 10.02.05 / Щетинкин Владимир Ефимович. – Л., 1974. – 31 с.
153. Юдина, О.В. Специфика функционирования прилагательного — цветообозначения «румяный» в культурно-историческом аспекте / О.В. Юдина // Актуальные проблемы лингвистической семантики. — Калининград, 1998. – С.101 – 105.
154. Юсупов, У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков / У.К. Юсупов. – М.: Наука, 1988. – С. 6 – 11.
155. Ярцева, В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка / В.Н. Ярцева. – М., 1968. – 271 с.
156. Abry D., Chalaron M.–L., La grammaire des premiers temps. 2e édition / D. Abry, M. –L. Chalaron. – Grenoble, PUG, 2009. – 264 p.
157. Agrigoroaiei V. Catégories grammaticales et contrastivité / V. Agrigoroaiei. P. Gherasim. – Ed. Glasul Bucovinei, Iași, 1995.
158. Benveniste E., Problèmes de linguistique générale / E. Benveniste. Gallimard, Paris, 1966 et 1974 (2 vol.). – 357 p.
159. Benveniste, E. Problèmes de linguistique générale / E. Benveniste. V.I. Paris, 1992. – 294 p.
160. Boer, Ch. Syntaxe du français moderne. In. Crestomatie de grammaire théorique. / Ch. Boer. – Leningrad, 1972. – 352 p.

161. Bonnard, H. Notions de style, de versification et d'histoire de la langue française / H. Bonnard. Société universitaire d'édition et de librairie, Paris, 1953. – 175 p.
162. Borodina, M. Morphologie historique du français / M. Borodina. M.–L., 1965. – 228 p.
163. Brunot, F. La pensée et la langue / F. Brunot. – P. : Presses Universitaires, 1965. 1000 p.
164. Chevalier, J.–Cl., Arrivé M. et Peytard J., Grammaire Larousse du français contemporain, Larousse / / J.-Cl. Chevalier, Cl. Blanche-Benveniste. Paris, 1997. -497 p.
165. Chevalier, Jean–Claude. Grammaire du français contemporain / J.-Cl. Chevalier. Paris: Ed. Larousse, 2002. – 494 p.
166. Chevalier, Jean–Claude. Histoire de la grammaire française / J.-Cl. Chevalier. Paris: Ed. Presse Universitaire de France, 1994. – 128 p.
167. Damourette J. De mot à la pensée. Essai de grammaire de la langue française / J. Damourette, E. Pinchon. – P., 1951. – T.1. 468 p.
168. Dauzat, A. Tableau de la langue française, Petite Bibliothèque Payot / A. Dauzat. Paris, 1969. – 304 p.
169. Delatour, Y. Nouvelle grammaire du français, Cours de civilisation française de la Sorbonne / Y. Delatour, D. Jennepin, L. Léon-Dufour, B. Tessier Paris, Hachette F.L.E., 2004. – 367 p.
170. Denis, D. Grammaire du français / D. Denis, A. Sancier-Chateau. P. : Librairie Générale Française. 1994. – 541 p.
171. Dubois J. Grammaire structurale du français. Nom et pronom / J. Dubois. – Paris Librairie Larousse, 1965. – 500 p.
172. Dubois, J. Grammaire structurale du français. La phrase et les transformations / J. Dubois. – P., 1967. – 187 p.
173. Dubois, J. Grammaire structurale du français. Le verbe / J. Dubois. – P., 1969. – 218 p.

174. GeorGIN, R. Guide de langue française, A. Bonne (nouvelle éd. revue et augmentée) / R. GeorGIN. L. P., 1969. – 442 p.
175. Ghérasim, Paula. Grammaire conceptuelle du français: les catégories grammaticales / P. Ghérasim. Iași: Ed. Demiurg, 1997. – 316 p.
176. Goffic, Pierre L. Grammaire de la phrase française / P. Goffic. Paris: Ed.Hachette Supérieure, 1993. – 589 p.
177. Gougenheim, G. Système grammatical du français / G. Gougenheim. P., 1939. – 373 p.
178. Grevisse, M. Nouvelle grammaire française / M. Grevisse et A. Goosse. 3e éd., De Boeck–Duculot, Louvain–la–Neuve, 1995. – 396 p.
179. Grevisse, M. Précis de grammaire française / M. Grevisse. Édition J. Duculot, Gembloux. – 1957. – 314 p.
180. Grevisse, M. Nouvelle grammaire française / M. Grevisse. Paris: Ed.Duculot, 1980. – 377 p.
181. Grevisse, M., Le Bon usage (BU), Grammaire française / M. Grevisse. refondue par André Goosse, 13e édition revue, Duculot, Paris – Louvain–la–Neuve, 1993 et 15e édition revue, Duculot, Paris – Louvain–la–Neuve, 2001. – 1806 p.
182. Guillaume, G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume. P., 1919. pp. 16 – 27.
183. Guiraud, P. La grammaire / P. Guiraud. – P.: Presses Universitaires, 1968. – 124 p.
184. Guiraud, P. La syntaxe du français / P. Guiraud. – P.: Presses Universitaires, 1963. – 126 p.
185. Jeanrenaud, Alfred. Langue française contemporaine. Morphologie et Syntaxe A. Jeanrenaud. Iași: Ed. Polirom, 1986. – 408 p.
186. Kuznetsova, I.N. Grammaire contrastive du français et du russe / I.N. Kuznetsova. M. : Nestor Academic, 2009. – 272 p.
187. Lemaréchal, A. Les parties du discours. Sémantique et syntaxe / A. Lemaréchal. – P., 1989. – 272 p.

188. Référovskaïa E.M., Vassiliéva A.K. Essai de grammaire française. T. I, II / E.M. Référovskaïa, A.K. Vassiliéva. M., 1982. – 400 p.
189. Riegel M., Grammaire méthodique du français / Martin Riegel, Jean–Christophe Pellat, René Rioul. P.: «Quadrige», 2009. – 1152 p.
190. Riegel M., Pellat J.–Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. P., 1994. – 1152 p.
191. Wagner R.–L. et Pinchon J., Grammaire du français classique et moderne / R.–L. Wagner, J. Pinchon. (GFCM), éd. revue et corrigée, Hachette, Paris, 1991. – 578 p.
192. Wagner, R.–L. Grammaire française classique et moderne / R.–L. Wagner, J. Pinchon. – P.: Hachette, 1975. – 687 p.
193. Wilmet M. La détermination nominale / M. Wilmet. – P., 1986. – 196 p.
194. Wilmet M. Etudes de morpho-syntaxe verbale / M. Wilmet. – P., 1976. – 208 p.
195. Wilmet M. Grammaire critique du français / M. Wilmet. – Louvain-la-Neuve., 1997. – 767 p.

II. ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

196. Воройский Ф.С. Энциклопедический словарь-справочник / Ф.С. Воройский. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2006. -768 с.
197. Ганшина К.А. Французско-русский словарь / К.А. Ганшина. – М.: Русский язык, 1987. – 966 с.
198. Капранов, В. А. Толковый словарь таджикского языка в 2–х тт. I том / В. А. Капранов. А – О– М.: Советская Энциклопедия, 1981. – 694с
199. Краткий словарь лингвистических терминов. – М, 1995. – 180 с.
200. Крысин Л. П. Толковый словарь / Л. П. Крысин. – М., 2000, – 856 с.

201. Муҳаммад Гиёсуддин. Гиёс-ул-луғот. Ҷ.2. – Душанбе, 1988. – 390 с.
202. Муҳаммад Гиёсуддин. Гиёс-ул-луғот. Ҷ.1. – Душанбе, 1987. – 398 с.
203. Назарян А.Г. Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии / А.Г. Назарян. – М., 1989.
204. Рубинчик, Ю.А. Персидско-русский словарь / Ю. А. Рубинчик. – М.: 1983. – 800 с.
205. Рубинчик, Ю.А. Персидско-русский словарь. Т.2 / Ю. А. Рубинчик. – М.: Рус., яз., 1983. – 862 с.
206. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.1. – Душанбе, 2008. – 950с.
207. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – Душанбе, 2008. – 945с.
208. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. – Душанбе, 2006. – 784 с.
209. Французско-русский фразеологический словарь. – М., 1963. – 1112 с.
210. Dictionnaire de linguistique par J. Dubois et al. P., 1973. – 314 p.
211. Dubois J. Larousse, livre de bord Grammaire / J. Dubois, L. René. P.: 2005. – 194 p.

III. Источники языкового материала

212. Антуан де Сент-Экзюпери. Парвози Шабона / А. Сент-Экзюпери. Аз фаронсаивӣ тарҷумаи Гулназар Келдӣ, Туйчибой Чумаев. – Душанбе, 2006. – 171 с.
213. Икрами, Дж. Дочь огня. (Перевод В. Смирновой, Л. Бать, М. Явич) / Дж. Икрами. – М.: «Советский писатель», 1964. – 488 с.
214. Икромӣ, Ҷ. Духтари оташ: Роман / Ҷ. Икромӣ. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 528 с.

215. Antoin De Saint-Exupéry. Vol de nuit / A. De Saint-Exupéry. Groupe des Ebooks Libres et Gratuits, 2004. P. 85.

216. Ikrami, Dj. La fille du feu.(roman traduit du russe par Antoinette Mazzi) / Dj. Ikrami. Editions du Progrès. Moscou 1966. – 612 p.

IV. Интернет–источники

217. CAIRN [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-langue-francaise-2016-2-p-45.htm>

218. Coop cooperation [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cooperation.ch/1683949>

219. Documents [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/dhfles/3863>

220. Francais Facile [электронный ресурс]. Режим доступа: www.francaisfacile.com

221. LeBien Parler [электронный ресурс]. Режим доступа: www.lebienparler.com

222. Questions sur la grammaire francaise [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fr.tsedryk.ca/questions/index.php?action=artikel&cat.>

223. Revers [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://grammaire.reverso.net>